

Наследие

*Печатается по решению
Ученого совета
Научно-исследовательского института
гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

The Research Institute of the Humanities
by the Government of the Republic of Mordovia

**«FORGOTTEN» TEXTS
OF FIELD EXPEDITIONS
OF V. N. BELITSER**

In two parts

Part 1

Saransk
2023

Научно-исследовательский институт гуманитарных
наук при Правительстве Республики Мордовия

**«ЗАБЫТЫЕ» ТЕКСТЫ
ПОЛЕВЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ
В. Н. БЕЛИЦЕР**

В двух частях

Часть 1

Саранск
2023

УДК 39(470.345)
ББК Т52(235-Мо)
3 129

Редакционная коллегия:
Г. А. Куршева (председатель), Е. Н. Бикейкин,
С. В. Видяйкин, Е. В. Глазкова, Т. М. Гусева,
О. В. Зарубина, И. В. Зубов, А. Н. Келина,
И. В. Лаптева, Ю. А. Мишанин,
Е. Г. Скворцова, П. С. Учватов, А. В. Чернов

Составители:
Т. Ю. Задкова, Т. И. Янгайкина

«Забытые» тексты полевых экспедиций В. Н. Белицер : в 2 ч. / редкол.: Г. А. Куршева (пред.) [и др.] ; сост.: Т. Ю. Задкова, Т. И. Янгайкина. — Саранск : НИИГН, 2023. — Ч. 1. — 296 с. — (Наследие)

ISBN 978-5-00008-073-3 (ч. 1)

ISBN 978-5-00008-072-6

В книге представлены сведения о календарных и семейных обрядах, фольклор мордвы-терюхан, собранные В. Н. Белицер на территории Нижегородского уезда Нижегородской губернии в 1927 — 1928 гг., а также ее научные статьи, опубликованные в 1960-е — первой половине 1970-х гг.

Адресована этнографам, историкам, краеведам, всем интересующимся прошлым мордовского народа.

УДК 39(470.345)
ББК Т52(235-Мо)

ISBN 978-5-00008-073-3 (ч. 1)
ISBN 978-5-00008-072-6

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2023
© Задкова Т. Ю., составление, комментарии, указатели, 2023
© Янгайкина Т. И., составление, указатели, 2023

В. Н. БЕЛИЦЕР — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Вера Николаевна Белицер — одна из колоритных фигур в этнографической науке. Как специалист в этой области она внесла существенный вклад в изучение этнической истории финно-угорских народов. В. Н. Белицер — делегат VII Международного конгресса антропологических и этнологических наук (Москва, 1964), Международного конгресса финно-угроведов (Будапешт, Венгрия, 1970); научный консультант Отделения истории АН СССР, а также в научных учреждениях республик Коми, Карелия, Башкортостан и Татарстан.

В. Н. Белицер родилась 5 апреля 1903 г. в г. Рязани. После получения среднего образования поступила на отделение литературы и языка факультета общественных наук Московского¹ государственного университета (1921). Окончив его (1925), пришла в Музей народоведения (позднее — Музей народов СССР), находившийся в то время в Москве, где проработала до 1941 г., посвятив свою деятельность этнографии народов Среднего Поволжья и Приуралья и почти ежегодно выезжая в экспедиции по изучению их культуры и быта.

С 1925 по 1928 г. В. Н. Белицер принимала участие в исследовании различных групп мордвы, в 1930 — 1931, 1937 — 1938 гг. — удмуртов, в 1932 — 1934 гг. — башкир. В этих поездках ею был собран ценный материал, впоследствии использовавшийся для создания многих выставок по истории и этнографии народов Поволжья, а также для подготовки специальных брошюр. Полевая информация легла в основу научных публикаций².

Специалист по музейно-экспедиционной методике, опытный полевик В. Н. Белицер в 1943 г. поступила в аспирантуру

¹ См.: Личное дело В. Н. Белицер (Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. О-423. Оп. 3. Л. 1. Далее — НА НИИГН). Во многих источниках ошибочно указывается этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук Ленинградского государственного университета.

² См.: Мари (применительно к коллекциям Ц. М. Н.). М., 1928; Удмурты: проспект традиционной этнографической экспозиции Центрального музея народоведения и Вотского областного музея. [Б. м.], 1931; Обзор работ этнографической экспедиции 1930 года // Удмурты. Ижевск, 1931; Предварительный отчет об экспедиции по Удмуртской АССР, организованной УдНИИСК летом 1938 г. // Зап. Удмурт. науч.-иссл. ин-та. Ижевск, 1938. Вып. 8. С. 275 — 281; У башкирских детей // Совет. игрушка. 1938. № 6.

Института этнографии АН СССР. Через несколько лет она успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу». На тот момент исследование являлось первой работой по данной проблематике. В 1951 г. диссертация, основными источниками для написания которой послужили полевые материалы, собранные В. Н. Белицер во время экспедиционных поездок к удмуртам в 1930, 1931, 1937 и 1938 гг., была издана отдельной книгой³.

В монографии о народной одежде удмуртов В. Н. Белицер систематизировала и обобщила ранее опубликованные сведения. Ученый поставила задачу показать «происхождение отдельных форм народной одежды, их эволюцию, связь с экономикой, социальной и географической средой, проследить отражение в одежде семейно-правовых отношений, общественных и возрастных различий, раскрыть значение костюма как произведения народной культуры...»⁴.

Работа получила высокую оценку ведущего специалиста по Урало-Поволжскому региону археолога А. П. Смирнова: «...автор пришел к хорошо обоснованным выводам о наличии двух комплексов одежды, соответствующих двум диалектам удмуртского языка. Эти два костюма совпадают с территориальными границами племен *вятка* и *келмес*. Исследование В. Н. Белицер значительно продвигает вперед изучение этногенеза удмуртского народа и, по существу, впервые дает историческую интерпретацию удмуртской народной одежды. К этой книге будут обращаться все занимающиеся изучением вопроса этногенеза народов Поволжья и Приуралья»⁵.

С 1945 г. Институт этнографии АН СССР развернул экспедиции в различные точки страны, в том числе в Коми АССР. Целью комплексного исследования являлось этнографическое изучение, организованное совместно с институтами АН СССР — истории, истории материальной культуры и научной базой АН Коми АССР. Под руководством В. Н. Белицер экспедиции проводились во многих районах Коми АССР и Коми-Пермяцкого национального округа. Результаты экспедиционных поездок этнограф-полевик обобщила в статьях, регулярно публиковавшихся в изданиях Института этнографии АН СССР⁶.

³ См.: **Белицер В. Н.** Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу. М., 1951. (Тр./Ин-т этнографии АН СССР; т. 10). (Далее — ТИЭ).

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Совет. этнография. 1952. № 1. С. 219.

⁶ См.: **Белицер В. Н.** Работа этнографического отряда комплексной экспедиции в Коми АССР // Крат. сообщения Ин-та

Экспедиция 1945 г. стала первым шагом в более глубоком изучении культуры коми и вопросов происхождения этого народа, а также его культурных связей с соседними этносами⁷. Выводы В. Н. Белицер изложила в статье «Работа этнографического отряда комплексной экспедиции в Коми АССР»⁸.

Как руководитель экспедиции В. Н. Белицер в 1951 г. продолжила работу среди коми-пермяков Зюздинского района Кировской области, а летом 1952 г. в Удорском районе Коми АССР, расположенном в северо-западной части республики, в верховьях р. Мезени и Вашки. Собранный материал исследователь обобщила в монографии «Очерки по этнографии народов коми. XIX — начало XX в.»⁹ и докторской диссертации (1959 г.).

В 1953 г. В. Н. Белицер возглавила комплексную Мордовскую этнографическую экспедицию, организованную Институтом этнографии АН СССР совместно с Научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР. Маршруты экспедиционной группы проходили по территории Мордовской АССР, а также по всему Среднему Поволжью: в Куйбышевской (ныне Самарской), Оренбургской, Пензенской и Ульяновской областях, в Татарской, Башкирской и Чувашской АССР. Участники экспедиции вели изучение как среди двух основных этнических групп мордвы — эрзи и мокши, так и среди ее более мелких этнических и этнографических подразделений — мордвы-каратаев, мордвы-терюхан, теньгушевской мордвы-эрзи (шокши) и др. Полевая информация позволила более глубоко и полно осветить этническую историю мордовского этноса, в том числе его историко-культурные связи с народами Поволжья и русскими, а также рассмотреть особенности их материальной и духовной культуры, языка и фольклора, декоративно-прикладного искусства и т. д.

этнографии АН СССР. 1947. Вып. 2. С. 59 — 63. (Далее — КСИЭ); Отчет о работе комплексной экспедиции в Коми АССР // Там же. Вып. 3. С. 3 — 12; **Ее же.** Народное изобразительное искусство коми // Там же. 1950. Вып. 10. С. 15 — 28; **Ее же.** Этнографические работы на Печоре // Там же. 1952. Вып. 14. С. 23 — 33; **Ее же.** У зюздинских коми-пермяков // Там же. Вып. 15. С. 27 — 38; **Ее же.** Этнографические работы в Удорском районе Коми АССР в 1952 году // Там же. 1953. Вып. 19. С. 16 — 27; **Ее же.** О формировании культуры верхнепечорских и нижнепечорских коми // Совет. этнография. 1952. № 1. С. 60 — 74.

⁷ См.: **Федянович Т. П.** Исследования В. Н. Белицер финноязычных народов Поволжья и Приуралья // Этногр. обозрение. 2004. № 5. С. 113.

⁸ См.: КСИЭ. 1947. С. 59 — 63.

⁹ См.: ТИЭ. М., 1958. Т. 45.

Итогом многолетних исследований мордвы стали опубликованные статьи и три тома трудов Мордовской этнографической экспедиции (Новая серия Трудов Института этнографии АН СССР), в подготовке которых активное участие принимала В. Н. Белицер.

В первый том («Вопросы этнической истории мордовского народа») вошла ее статья о мордве-каратаях. Эти сведения были собраны в ходе экспедиций 1956 и 1958 гг. в Камско-Устьинский район Татарской АССР (д. Мордовские Каратаи, Шершалан и Заовражные Каратаи). Вера Николаевна доказала, что в культуре мордвы-каратаев сочетаются эрзянские и мокшанские элементы (особенно в костюме и орнаменте). Кроме того, она обратила внимание на влияние русской культуры, которое происходило в основном за счет переселенцев из центральных и северных губерний России¹⁰.

Во втором томе («Исследования по материальной культуре мордовского народа») размещены две публикации В. Н. Белицер. В первой, посвященной постройкам мордвы-мокши на территории Мордовской АССР, полевую информацию, собранную во время экспедиционных выездов 1953 — 1959 гг., автор дополнила архивными данными (использовались отчеты этнографа Н. И. Спрыгиной, работавшей среди мордвы в 1923 — 1925 гг.)¹¹. По мнению исследователя, «в южных районах Мордовской АССР они наиболее близки к южнорусским, а в северо-западных районах — к среднерусским. При этом граница распространения типов среднерусских крестьянских построек постепенно продвигалась все дальше на юг. Несмотря на общий с русскими тип и жилых, и хозяйственных построек, мокшанские крестьянские постройки значительно больше, чем русские, сохраняли некоторые архаичные черты»¹². Вторая статья, где представлен обзор мордовских поселений и построек первой половины XX в., содержит полевой материал, собранный в 1956 г. среди мордвы-терюхан Горьковской области (с. Большое Сескино, Малое Сескино и Макраша) и в 1957 — 1958 гг. среди мокши и эрзи Пензенской области и Татарской АССР, мордвы-кара-

¹⁰ См.: **Белицер В. Н.** Мордва-каратаи и их культура: (К вопросу о происхождении) // Вопросы этнической истории мордовского народа : тр. Мордов. этногр. экспедиции. М., 1960. Вып. 1. С. 227 — 255. (ТИЭ ; т. 63).

¹¹ См.: **Белицер В. Н.** Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX — первой половине XX в. // Исследования по материальной культуре мордовского народа : тр. Мордов. этногр. экспедиции. М., 1963. Вып. 2. С. 161 — 191. (ТИЭ ; т. 86).

¹² Там же. С. 190.

таев, а также в Ульяновской, Куйбышевской и Оренбургской областях¹³.

В третьем томе (монография «Народная одежда мордвы») В. Н. Белицер поставила задачу обобщить и проанализировать основной литературный, музейный и полевой материал, собранный во время экспедиций и командировок, по традиционной одежде мордвы. Изучая народный костюм как исторический источник, отразивший этническое своеобразие мордвы, ее связи с окружающими народами, исследователь стремилась определить этническую среду, в которой возник тот или иной элемент традиционной одежды, и выявить тем самым компоненты, принявшие участие в формировании мордовской культуры.

Анализируя работу В. Н. Белицер, рецензенты Е. П. Бусыгин и А. Х. Халиков отмечали: «Капитальный труд открывает новую страницу в изучении этнографии и этнической истории мордовского народа. Исследование В. Н. Белицер будет полезно не только этнографам, но и археологам, лингвистам, историкам, занимающимся изучением сложной истории многонационального Поволжья»¹⁴. Монография получила высокую оценку Н. Ф. Мокшина: «Традиционный народный костюм — ценный исторический источник. Велико значение исследования народной одежды для развития современного декоративного прикладного искусства, для эстетического воспитания широких масс населения... работа В. Н. Белицер „Народная одежда мордвы“ является вкладом в советскую этнографическую науку»¹⁵.

В серии «Народы мира. Этнографические очерки» этносам, проживающим в Европейской части СССР, посвящены два тома, в одном из которых В. Н. Белицер выступила в качестве члена редколлегии и автора глав «Коми», «Коми-пермяки», «Мордва», а также главы «Удмурты» (при участии А. Н. Новицкой)¹⁶.

В. Н. Белицер участвовала в работе «Очерки общей этнографии». Для выпуска «Европейская часть СССР» она подготовила главы «Народы Северо-Запада СССР» и «Народы Поволжья и Прикамья»¹⁷.

¹³ См.: **Белицер В. Н.** Обзор мордовских поселений и построек первой половины XX в. в районах, смежных с Мордовской АССР // Там же. С. 210 — 249.

¹⁴ **Бусыгин Е. П., Халиков А. Х.** В. Н. Белицер. Народная одежда мордвы: [рецензия] // Совет. этнография. 1974. № 4. С. 178.

¹⁵ **Мокшин Н. Ф.** Народная одежда: (Рец. на книгу В. Н. Белицер) // Совет. Мордовия. 1974. 26 февр. С. 4.

¹⁶ См.: Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. 2. С. 399 — 509, 548 — 597.

¹⁷ См.: Европейская часть СССР // Очерки общей этнографии. М., 1968. Вып. 5. С. 314 — 438.

В определителе «Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.)» исследователь является автором разделов «Финно-угорские народы Европейского Севера» и «Народы Среднего Поволжья и Приуралья»¹⁸. Кроме того, ею написаны статьи о народах Поволжья для «Большой Советской энциклопедии» и других изданий.

Таким образом, фундаментальные труды В. Н. Белицер представляют собой неиссякаемый источник цитирования и анализа в современной этнографической науке. Архивные материалы исследователя-полевика находятся в хранилищах НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, в Республике Коми и Удмуртии. Так, ранее не опубликованный материал (обряды и фольклор мордвы-терюхан на территории Нижегородского уезда Нижегородской губернии), собранный в 1927 — 1928 гг. во время экспедиции, организованной Центральным музеем народоведения при участии В. Н. Белицер, хранится в НА НИИГН¹⁹. Архивный материал включает в себя вступительную статью; календарные обряды, дохристианские верования (объёмы и поверья, связанные с сельским хозяйством, болезнями людей и животных); семейные обряды (рождение, крестины, свадьба, похороны, поминальные обряды); фольклор (песни и частушки); словарь местных терминов.

Одним из первых о терюханах писал П. И. Мельников: «Небольшое племя терюхан, самое северное из мордовских, жившее прежде по берегам Волги и Оки, осталось теперь (1867) лишь в сорока селениях Нижегородского уезда, всего в количестве тринадцати тысяч душ обоего пола. Это племя было очень близко к эрдзядам; теперь же оно почти совершенно обрусело. Некоторые считают терюхан эрдзядами, но, судя по остаткам их языка, судя по их обычаю и религиозному культу, их нельзя не признать особым племенем»²⁰.

В. Н. Майнов, совершив в 1878 г. специальную поездку к мордве, в том числе к терюханам, проживавшим в Нижегородском уезде Нижегородской губернии, пришел к заключению, что неправильно видеть в них особую ветвь мордвы, что это «мордва-эрзя, населяющая Терюшевскую волость и потому ошибочно называвшаяся „Терюханами“»²¹.

¹⁸ См: Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.). М., 1971. С. 260 — 350.

¹⁹ НА НИИГН. И-945. Л. 3 — 4.

²⁰ **Мельников П. И. (Андрей Печерский)**. Очерки мордвы // Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 7. С. 411.

²¹ **Майнов В. Н.** Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзи. СПб., 1883. С. 1. (Зап. Императ. Рус. геогр. о-ва; т. 11).

Изучением терюхан в 1927 — 1928 гг. занимались М. Т. Маркелов и С. П. Толстов. Они верно заметили, что слово «терюхане» не является самоназванием, а «связано с названием центра района — села Б. Терюшева» и происходит, «...по всей вероятности, от мужского имени (Теряй-Терюхай-Терюш)»²². Ученые обратили внимание на «двойственность этнического типа терюхан»²³, сложившуюся из мордовских и русских элементов, причем мордовские элементы культуры восходят «к прошлым традициям культуры эрзянской группы мордвы»²⁴. «По результатам терюханского языка, — писали М. Т. Маркелов и С. П. Толстов, — необходимо с определенностью констатировать, что язык этой группы ничем не отличался от эрзянского наречия мордовского языка. В цикле семейных обрядов и в пережитках мифологических и культовых форм мы видим также определенный перевес чисто эрзянских элементов»²⁵. Эрзянские черты были прослежены ими и в материальной культуре этой группы мордвы, в частности в одежде²⁶. Тем не менее М. Т. Маркелов и С. П. Толстов сделали вывод, хотя и предварительный, о том, что терюхане представляют собой одно из «четырех мордовских племен». Однако его нельзя считать правильным. Скорее всего, так называемые терюхане — это обрусевшая группа мордвы-эрзи, что подтверждается более поздними исследованиями в области археологии, этнографии, истории, языкознания, ономастики и других наук. Термин «терюхане», как и термин «каратаи», не есть этноним. Он не был самоназванием и не служил для обозначения этой группы мордвы русскими²⁷.

В 1920-е гг. «терюхане» еще сохраняли некоторые мордовские черты в материальной и духовной культуре, в интонации речи, хотя говорили по-русски, продолжали называть себя мордвой. Сегодня они записаны как русские, т. е. полностью обрусели.

В 1920 — 30-х гг. мордва-терюхане проживали примерно в 25 селах, административно входивших в три волости Нижегородского уезда — Оранскую, Борисово-Покровскую и Дальнеконстантиновскую.

По данным полевой экспедиции 1927 — 1928 гг. В. Н. Белицер опубликовала статью «Традиционные черты общемор-

²² **Маркелов М. Т., Толстов С. П.** К истории терюханской народной культуры (предварительное сообщение) // Этнография. 1928. № 2. С. 107.

²³ Там же. С. 109.

²⁴ Там же. С. 119.

²⁵ Там же. С. 118.

²⁶ Там же. С. 123.

²⁷ НА НИИГН. И-945. Л. 17.

довской культуры в обрядах и фольклоре терюхан»²⁸. Характерные отличительные моменты исследователь увидела в одежде терюханки: «Наряду с юбкой и кофтой, а также прямым так называемым московским сарафаном и рубахой с прямыми поликами, или на кокетке, шелковым полушалком, или „головкой“ с золотым шитьем, сохранялся и бытовал у женщин пожилого и среднего возраста свой терюханский наряд, выделявший эту группу населения не только среди русских, но и среди мордвы (мокши и эрзи). Отличие состояло в особом виде верхней холщовой, суконной и меховой одежды (шушпана, сермяги, шубы), характере орнамента, специфическом головном уборе — венце, своеобразной нагрудной заколке — сустуг, височных подвесках — плетнях и некоторых других деталях костюма»²⁹.

По наблюдениям этнографа, в обрядах достаточно четко прослеживаются два слоя: «С одной стороны, славянский (русский), с другой стороны, финский (общемордовский). Оба слоя часто перемешиваются между собой, но все же можно определенно сказать, что календарные обряды, совершаемые Святками в Васильев вечер, на Масленицу, Троицу, Иванов день, Семик и Ярилу, в основном повторяют зимний и весенний цикл обрядов русского календаря. Однако все эти обычаи, игрища и песни исчезли в русских, соседних с терюханами, селах значительно раньше, чем у терюхан, где они продолжали бытовать еще в первой четверти XX века»³⁰.

По мнению исследователя-полевика, в семейных (свадебных, похоронных) и некоторых магических обрядах, связанных с сельским хозяйством, под более поздним слоем православия выступают общемордовские, а в ряде случаев общефинские черты.

В архивных текстах содержится богатый жанровый песенный репертуар мордвы-терюхан. В терюханской деревне 1920-х гг. в него, наряду с песнями о Гражданской войне и частушками, любовными романсами, входили старинные игровые песни, приуроченные к определенным обрядам и праздникам, по большей части к весенним, когда молодежь играла и водила хороводы на улице. Постепенно оторвавшись от обрядов, которые утратили свою роль, они стали представлять собой игровые и хороводные песни. Существуют, например, песни, которые раньше исполняли на свадьбах, а затем стали петь просто во время гуляний. Кроме того, известна

²⁸ См.: Вопросы финно-угорского фольклора. Саранск, 1974. С. 23 — 34. (Тр. / НИИЯЛИЭ при Совете министров Мордов. АССР; вып. 50).

²⁹ Там же. С. 26.

³⁰ Там же.

группа так называемых беседных песен, которые исполняли во время посиделок, и солдатских, где рассказывается о трудной службе царского солдата, его разорившемся хозяйстве и тяжелой доле солдатской жены³¹.

В результате анализа В. Н. Белицер пришла к следующему выводу: «...духовная культура и фольклор терюхан имеют в своей основе целый ряд черт традиционной мордовской (эрзянской) культуры. Эти черты сохранились наиболее отчетливо в дохристианских верованиях, свадебных и поминальных обрядах, народной магии, а также в местных песнях. Однако процесс ассимиляции этой небольшой этнографической группы мордовского народа шел очень быстро. Этому во многом способствовала изолированность этой группы от других групп мордовского народа и те исторические условия, в которых складывалась ее культура»³².

До конца жизни В. Н. Белицер была связана с Институтом этнографии АН СССР. С 1968 по 1978 г. она являлась старшим научным сотрудником-консультантом, а когда по состоянию здоровья ушла на пенсию, ее на общественных началах зачислили на должность старшего научного сотрудника. Богатым опытом исследователя-полевика и знаниями по этнографии волжско-финских и пермских народов Вера Николаевна щедро делилась с коллегами. Ее ученики и аспиранты работают в разных республиках Поволжья и Приуралья, многие из них стали известными учеными. До сих пор этнографы обращаются к научным изысканиям, трудам и отчетам выдающегося исследователя.

*Т. И. Янгайкина,
кандидат филологических наук*

³¹ НА НИИГН. Ф. И-945. Л. 150 — 256.

³² Там же. Л. 34 — 35.

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник материалов по этнографии мордовского народа представляет собой научное тематическое издание. В него вошли неизданные полевые материалы В. Н. Белицер, извлеченные из Научного архива НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, и ее научные статьи, опубликованные по результатам экспедиций.

Книга состоит из двух частей. Полевая информация и статьи в них систематизированы по проблемно-хронологическому принципу. Первая часть содержит подготовленную к печати рукопись о мордвях-терюханах и их культуре, а также статьи о жилых и хозяйственных постройках мордвы, традиционной культуре терюхан и каратаев. Во второй части представлены полевые материалы, собранные В. Н. Белицер в ходе экспедиций, и статьи, посвященные этногенезу мордовского народа, мордовской вышивке, этнографу М. Т. Маркелову. Из отчета об экспедиции 1957 г. исключены выписки из архива Н. И. Спрыгиной, сделанные в 1924 и 1929 гг. Материалы полевых экспедиций сгруппированы по тематическому принципу. Археографическое оформление осуществлено в соответствии с действующими «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

Каждый документ сборника имеет заголовок, в котором указаны порядковый номер, краткое содержание, дата и место составления, в ряде случаев — информатор. Если точная дата составления отсутствовала, она устанавливалась по содержанию, что оговорено в подстрочных примечаниях. Несмотря на то что в 1957 г. этнографическая экспедиция проводилась 25 июля — 9 сентября, в документах по Пензенской области указана другая дата: декабрь 1957 г. — январь 1958 г. Вероятно, это связано с тем, что опросные листы были оставлены информаторам летом, а к руководителю экспедиции они поступили в конце года.

Тексты воспроизведены по современным правилам правописания с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинников, за исключением случаев, оговоренных автором. Прописные и строчные буквы при публикации текста документов употребляются в соответствии с современными правилами орфографии. Орфографические ошибки и опiski устранены. Отсутствие знаков препинания либо их неправильная расстановка исправлены. Опечатки, скорректированные автором, и подчеркивания не оговариваются.

Место создания документов указано согласно административно-территориальному делению, существовавшему на тот момент.

Слова, написанные сокращенно, если не являются общепринятыми сокращениями, воспроизведены полностью. Пропущенные и восстановленные по смыслу слова или части слов заключены в квадратные скобки.

В текстуальных примечаниях показаны все неточности, а также замечания и пометы, сделанные автором. Термины на мокшанском и эрзянском языках приведены в авторском варианте; в подстрочных примечаниях дано их написание в соответствии с мокшанско-русским (МРС. М., 1998) и эрзянско-русским (ЭРС. М., 1993) словарями.

Все документы снабжены легендой, содержащей контрольно-справочные сведения: поисковые данные (местонахождение — сокращенное название архива; номер фонда, листа), указание на подлинность или копийность и способ воспроизведения.

Научно-справочный аппарат сборника включает в себя вводную статью, археографическое предисловие, подстрочные примечания к тексту документов, именной и географический указатели. Комментарии даны только к неизданным материалам В. Н. Белицер.

В приложение вошел Словарь местных терминов (на языках мокши, эрзи, терюхан и каратаев).

*Т.Ю.Задкова,
кандидат исторических наук*

ОТ АВТОРА

Публикуемые ниже материалы были собраны мной в 1927 — 1928 гг., когда среди терюхан¹ работала Этнографическая экспедиция Музея народоведения² под руководством М. Т. Маркелова. Я была сотрудником музея и принимала участие в этой экспедиции.

Музей народоведения³, возглавляемый в те годы профессором Б. М. Соколовым, был основным научным центром в Москве, который вел большую исследовательскую и собирательскую работу по быту самых различных национальностей нашей страны.

С 1925 г. музей начинает планомерное изучение угро-финских народов и организует большую комплексную экспедицию по изучению марийцев, а с 1926 г. ведутся изучение и сбор этнографических вещей для музея у различных групп мордовского населения. Таким образом, экспедиция к мордв-терюханам не была случайной.

Эта достаточно компактная группа мордвы, идущая по путям быстрой ассимиляции со стороны соседнего русского населения со своеобразной этнической историей, в результате которой произошла утрата родного языка, но устойчиво сохранились отдельные стороны национальной культуры, и привлекла внимание исследователей.

В 1927 г. экспедиция работала и собрала материал в 8 населенных пунктах: с[ела]х Сарлее, Большом Терюшеве, д[еревня]х Большом и Малом Сескине, Макраше, Мигалихе, Кужадоне, Борцове, а в 1928 г. — в 12*: с[ела]х Сиухе, Арманихе, Ключихе, Малом Терюшеве, д[еревня]х Шонихе, Винном Майдане, Ломе, Инютине, Надеждине, Ольгине, Касанихе.

Давая общую характеристику материалов, можно отметить, что селения, обследованные в 1927 г., значительно лучше сохранили черты национальной культуры, чем селения, обследованные в 1928 г., которые подверглись (со стороны сельского населения) наиболее сильному русскому и даже городскому влиянию... из первой группы селений выделяются деревни: Большое и Малое Сескино (Чертовка), Мигалиха, Макраша, в которых экспедиции удалось собрать наиболее ценный материал; и когда автор данной работы в 1956 г. снова побывал в этих местах, то только в этих деревнях у старшего поколения сохранились воспоминания о мордовской

* В документе перечислены 11.

этнической принадлежности в прошлом, тогда как в 1956 году все* считали себя уже русскими и почти не помнили своих мордовских предков**.

Группа мордвы-терюхан осталась недостаточно изученной. Поэтому я полагаю, что публикация материалов по духовной культуре и фольклору представляет интерес. С одной стороны, они являются историческим источником при характеристике быта терюхан в прошлом, с другой стороны, освещают обычаи и песенный репертуар терюханской деревни второй половины 20-х гг. XX в.

В.Белицер

*НА НИИГН. И-945. Л.3 — 4.
Машинопись. Подлинник.*

* Слова «в 1956 году все» зачеркнуты, вместо них от руки сверху написано «жители других селений».

** Слова «и почти не помнили своих мордовских предков» вписаны от руки.

МОРДВА-ТЕРЮХАНЕ И ИХ КУЛЬТУРА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

Мордва-терюхане — небольшая этнографическая группа мордвы, обитавшая в Нижегородском уезде той же губернии (ныне Дальнеконстантиновский район Горьковской области). В 1920-х гг. терюхане говорили по-русски и считали русский язык своим родным языком. В наши дни группа эта уже не существует; она полностью ассимилирована и слилась с окружающим русским населением.

В половине прошлого века по Спискам населенных мест Нижегородского уезда на 1859 г. значилось 41 терюханское селение с общим количеством дворов 4 133*. Селения терюхан были разбросаны по всему уезду вперемежку с русскими, начиная от р. Кудьмы по обоим ее берегам и главным образом по ее правым притокам. Общее количество жителей в них достигало 25 317 чел.: мужчин — 11 576 и женщин — 13 741.

Примерно такие же сведения сообщает П. И. Мельников почти десятилетием позднее (1867 г.). По его данным, терюхане живут в 40 селениях всего в количестве 35 тысяч душ обоюга пола**. Чем ближе к нашему времени, тем активнее шел процесс ассимиляции и количество терюханских селений быстро уменьшалось.

В 1927 — [19]28 гг., когда среди терюхан работала этнографическая экспедиция Центрального музея народоведения, их можно было опознать в 25 селениях Нижегородского уезда (см. карту), которые группировались в Дальнеконстантиновской, Оранской и Борисово-Покровской волостях***.

Через тридцать лет, в 1956 г., в Дальнеконстантиновском районе Горьковской области работала этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР⁴; терюханских селений как таковых уже не было. Только жители пожилого возраста из трех селений: Большое и Малое Сескино, а также Макраша еще смутно помнили о своих мордовских предках. Экспедиции удалось обнаружить у двух-трех старых женщин части мордовского наряда: белый холщовый шушпан⁵, вышитые рукава⁶, лапти с «хвостами»⁷, бережно хранимые в качестве погребальной одежды. Все жители вышеуказанных трех

* Списки населенных мест Российской империи. Вып. 25 : Нижегородская губерния по сведениям на 1859 г. СПб., 1863. С. 28 — 29. — *Прим. авт.*

** Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы // Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 7. С. 411. — *Прим. авт.*

*** Маркелов М. Т., Толстов С. П. К истории терюханской народной культуры // Этнография. 1928. № 2. С. 107. — *Прим. авт.*

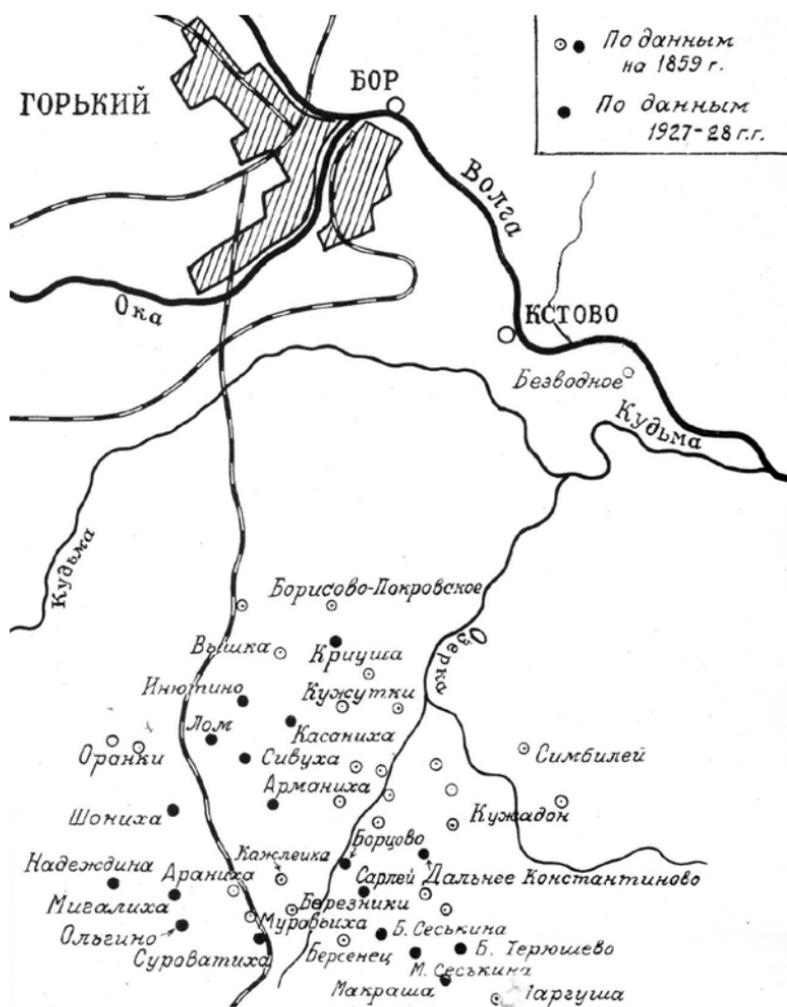

Схема расселения мордвы-терюхан

селений называли себя русскими, и только певучий говор и специфика акцента указывали на их мордовское происхождение*.

Центром расселения мордвы-терюхан было село Большое Терюшево, откуда, по-видимому, и произошло название «терюшевская мордва», встречаемое в документах XVII — XVIII вв. Термин «терюхане» появился в XIX в. в Списке населенных мест Нижегородской губернии за 1859 г., в работах

* Личные наблюдения, сделанные автором данной статьи во время работы Мордовской этнографической экспедиции. — Прим. авт.

П. И. Мельникова «Очерки мордвы» и И. Н. Смирнова «Мордва»*. В этнографической литературе XX в. термин «терюхане» употреблялся наряду с мокшей и эрзей для обозначения одной из групп мордовского народа. Однако, если термины «эрзя» и «мокша» действительно являются самоназванием основных групп мордвы, то термин «терюхане» едва ли когда-либо был самоназванием этой небольшой группы мордовского населения. В 1920-х гг. среднее и старшее поколение терюхан, которое осознавало свое мордовское происхождение, называли себя просто мордвой, без добавления термина «терюхане».

Терюхане являются самой северной группой по отношению к районам расселения не только мокши, но и эрзи. Согласно преданиям, предки терюхан жили в прошлом по берегам рек Волги и Оки. С половины XIV в. под натиском, с одной стороны, татар, а с другой стороны, русских (в это время суздальский великий князь Константин Васильевич перенес свою столицу в Нижний Новгород) мордва была вытеснена со старых мест обитания в терюшевские леса, а их земли и селища были заселены русскими людьми**.

Захват мордовских земель продолжался ряд столетий. Помещиков-крепостников, купцов и всякого рода предпринимателей, не исключая монастырей, привлекали плодородные земли в приволжских уездах, богатейшие лесные массивы, наконец, почти даровая рабочая сила крестьянских масс. Правительство царской России было заинтересовано в освоении этого края и широко практиковало раздачу земель и крестьян дворянам «за службу», монастырям на «помин души» и купцам на постройку промышленных заведений.

Ярким примером такой политики может служить историческая судьба терюшевской мордвы, которая была подарена в вотчинное владение Петром I царю имеретинскому Арчилу Вахтанговичу, пришедшему с женой и детьми из разоренной турками и персами Грузии в Россию. Вместе с мордвой в крепостную зависимость попали и русские крестьяне. Всего было подарено свыше 3 600 дворов, составляющих население трех волостей: Терюшевской, Лысковской и Белогородской***.

После смерти Арчила (1713 г.) мордва и русские указанных волостей попали в крепостную зависимость к его родствен-

* Мельников П. И. Очерки мордвы // Рус. вестн. М., 1867. Т. 69. С. 488 — 521. Июнь; Смирнов И. Н. Мордва: ист.-этногр. очерк. Казань, 1895. — Прим. авт.

** Мельников П. И. Очерки мордвы. 1867. С. 502. — Прим. авт.

*** Захаркина А. Е. Восстание мордвы Терюшевской волости Нижегородского уезда в 1743 — 1745 гг. // Зап. МНИИЯЛИ. Саранск, 1952. № 15. С. 157. — Прим. авт.

никам: дочери, племяннику, племяннице, а затем перешли во владение таких фамилий, как Грузинские, Голицыны, Сент-Приест и др. Хозяева по большей части не жили в своих поместьях, и фактическим владельцем крестьян был управляющий.

Вот что сообщил нам житель с. Арманихи*: «Принадлежали мы все Долгорукому, который жил в Москве. Только один раз на моей памяти он приезжал в деревню. У него был стекольный завод: все крестьяне нашей деревни были на оброке».

Мордва Терюшевской волости представляла компактную группу населения; однако, попав в крепостную зависимость, она начала быстро терять свою национальную культуру. Русификация терюшевской мордвы проводилась различными способами. Широко применялось переселение мордвы из Терюшевской волости в русские села Лысковской волости и обратно. Правительство не только давало согласие, но и принимало меры к тому, чтобы в мордовские деревни переселять русских крестьян, а мордву селить в русских деревнях. Благодаря этому можно было наблюдать, как одному помещику в Нижегородском уезде принадлежали русские и мордовские деревни, а иногда и смешанные селения.

Важным фактором при общей политике обрусения были смешанные браки с русскими, благодаря которым русский язык, будучи языком правящей верхушки и церкви, постепенно переходит в крестьянскую мордовскую среду и вытесняет родной язык. Он становится языком семьи, в котором перемешаны русские и мордовские слова и выражения.

Большую роль в деле обрусения мордвы и утрате родного языка сыграло также православие. Даже та часть населения, которая старалась сохранить свою религию в молитвах и названиях божеств, по сообщению П. И. Мельникова, мешала русские слова с мордовскими и своих божеств называла именами православных святых**.

Христианизация мордвы, проводившаяся ряд столетий, приняла в половине XVIII в. по отношению к терюшевской мордве ожесточенный характер, и православное духовенство применяло крутые меры и грубые приемы насилия.

Нижегородский уезд, где обитала терюшевская мордва, был район, в котором вел свою проповедь нижегородский епископ Дмитрий Сеченов, который насильно принуждал мордву принимать крещение. Ретивая деятельность Дмитрия Сеченова в 1743 — 1745 гг. встретила вооруженное со-

* Записано от крестьянина Ивана Афанасьева, 75 лет. Запись хранится в личном архиве автора. — *Прим. авт.*

** **Мельников П. И.** Очерки мордвы. 1867. С. 521. — *Прим. авт.*

противление мордвы, которое было подавлено царским правительством*.

Экономическое положение терюшевской мордвы также было весьма тяжелым от многочисленных поборов и повинностей. Они должны были поставлять рекрутов, работать на строительстве г. Петербурга, Кронштадской и Азовской крепостей, Ладожского канала, портов на Балтийском море, строительстве дорог и т[ак] д[алее].

Помимо этого, на плечи нерусских народов Поволжья в 1719 г. ложилось еще одно тяжелое бремя. Мордва была приписана к адмиралтейским работам⁸. Все вместе взятое усугубляло положение мордвы.

Разорившиеся крестьяне не могли уплатить недоимки. Они писали прошения, отказывались платить подати, посылали ходяков в правительство к царю и царице и массами убегали из своих родных деревень. Бегство крестьян в Нижегородской губернии приняло огромные размеры. Из одного только Нижегородского уезда к октябрю 1734 г. бежало более 3 000 чел. Дарья — дочь упомянутого выше царя Арчила, получившая по наследству от отца деревни, населенные мордвой, писала в Сенат⁹, что крестьяне ее вотчины бегут и живут частью в Казанской губернии, частью в Симбирском уезде в разных ясачных деревнях^{10*}. Вышеуказанная жалоба свидетельствует также о том, что терюшевская мордва, находившаяся в крепостной зависимости, была в еще худшем положении, чем ясачные крестьяне, к которым подселялась беглая крепостная мордва.

Тяжелые условия, в которых находилась мордва, вызывали не только бегство, но и открытый протест против феодально-колониального гнета. Таковыми были: восстание мордвы Терюшевской волости Нижегородского уезда в 1743 — 1745 гг.¹¹ и крестьянское движение мордвы Терюшевской волости 1808 — 1810 гг.^{12***} Оба движения носили отчасти религиозный характер, который сочетался с борьбой за независимость и свою национальную культуру.

Будучи крепостными, терюхане испытали все тяжести двойного феодально-колониального гнета от государства и

* Подробнее о христианизации терюшевской мордвы и восстании 1743 — 1745 гг. см.: **Марков А. В.** Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии. Тифлис, 1914 ; **Захаркина А. Е.** Восстание мордвы Терюшевской волости Нижегородского уезда в 1743 — 1745 гг. С. 155 — 170. — *Прим. авт.*

** **Захаркина А. Е.** Восстание мордвы Терюшевской волости Нижегородского уезда в 1743 — 1745 гг. С. 161. — *Прим. авт.*

*** **Зевакин М. И.** Кузьма Алексеев : Крестьян. движение мордвы Терюшевской волости (1808 — 1810 гг.). Саранск, 1936. — *Прим. авт.*

помещика. Они находились в тесном контакте с русским населением, с которым жили по соседству, а иногда в одних и тех же селениях, и работали на одного хозяина. Все это способствовало более быстрому обрусению терюхан, по сравнению с некоторыми изолированными, например мокшанскими, районами, в которых крестьяне числились за удельным ведомством¹³ или государственными. Создавалась своеобразная культура, в которой отчетливо прослеживаются русские наслоения, а с другой стороны, устойчиво сохраняются мордовские черты.

Хозяйственные занятия терюхан в 1920-х гг. не имели мордовской специфики. Способы ведения земледелия, орудия труда, как то: двухлемешная соха, заменившаяся плугом, деревянная вязовая борона и сменившая ее рамочная борона с железными зубьями, серп, самодельная молотилка в виде барабана с деревянными зубьями, а также другие орудия труда были такие же, как в соседних русских деревнях.

Многие крестьяне из терюханских деревень уходили на заработки. В 1920-х гг. некоторые уходили в Горький и другие поволжские города в качестве разносчиков мороженого. Развита была валяльное и шубное производства. Такие общепотребительные орудия валяльного производства, как струна¹⁴, решетка¹⁵, боёк, или катеринка¹⁶, имели те же названия, что и у русских. В некоторых деревнях гнули полозья, мастерили сани, делали решета и ложки, плели лапти, последние по большей части для себя и своей семьи.

Что касается таких производств, как прядение и ткачество, то они носили исключительно домашний характер. Прялки были в основном корневые лопатообразной формы, но встречались прялки и в форме рогульки¹⁷, как более архаичные. Интересно отметить, что в 1920-х гг. сохранялось и мордовское название прялки — покарь.

Ткацкий стан был такой же, как у русских: с навоем¹⁸, боковыми стойками и верхними перекладинами. Терминология частей ткацкого стана, как и название стана, были русскими.

Характеризуя домашнее ткачество терюхан, можно сказать, что у них оно бытовало в 1920-х гг. значительно шире, чем у соседнего русского населения, вероятно, это объясняется тем, что терюхане еще носили одежду из домотканого холста, тогда как русские соседних селений перешли на одежду, сшитую из фабричных тканей.

Терюхане жили в поселках сельского типа. Деревни и села их располагались вблизи водных источников в долинах небольших рек и ручьев, иногда по склонам оврагов у ключей. По своим размерам селения терюхан не превышали 100 — 150 дворов, и только такое большое село, как Терюшево, еще в

половине прошлого века имело 202 двора*. Планировка селений в основном была уличная, и только отдельные концы сел, обычно более старые, находящиеся в самых низинах или расположенные по крутым склонам, сохраняли беспорядочную застройку. Названия таких сел, как Макраша, Большое и Малое Сескино («сеське» по-эрзянски — «комар»), указывают на большую влажность здешних мест и обилие комаров.

Жилые и хозяйственные постройки терюхан в 1920-х гг. не отличались от таковых в соседних русских селах. Чаще всего это были рубленные из толстых сосновых бревен дома на «стульях»¹⁹ севернорусского типа на высоком подклете²⁰, стоящие перпендикулярно улице. Преобладали трехраздельные дома, в которых сени отделяли жилую избу от холодной клетки²¹.

Старые избы и амбары имели двускатную тесовую крышу на самцах²². На пятистенных избах²³, которые изредка все же встречались по деревням, были четырехскатные крыши на стропилах²⁴. Стропильная техника покрытия имела и на новых избах.

Внутренняя планировка дома — среднерусская^{25**}, распространенная в те годы по всей Нижегородской губернии. Городской фабричной обстановки в домах не было. Убранство избы составляли: деревянная кровать, самодельный шкаф для посуды, стол в переднем углу, по стенам шли неподвижные лавки.

Дома были богато орнаментированы. Преобладали накладные резные украшения²⁶ и пропиловка²⁷, но на некоторых старых избах имела долбленая, так называемая судовая, резьба²⁸.

Крытый двор пристраивался сзади или сбоку. Имелись двухэтажные дворы северного типа. На улице против дома располагались погреб, мазанки²⁹ и подвалы различного вида.

Бани имелись у каждого хозяина. В те годы в банях стояла печь-каменка³⁰, и топили бани по-черному³¹. Ставили их обычно на усадьбы, но чаще в овраге ближе к ручью или на берегу речки.

Костюм терюхан был наиболее ярким выражением их самотытной культуры и служил наглядным показателем их этнической принадлежности. Про женщин, еще носивших

* Списки населенных мест... С. 29. — *Прим. авт.*

** **Белицер В. Н.** Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX в. — первой половине XX в. // Исследования по материальной культуре мордовского народа : тр. Мордов. этногр. экспедиции. М., 1963. Вып. 2. С. 167. Рис. 5. — *Прим. авт.*

свой белый наряд, говорили: «Вот они, настоящие мордовки», а женщины, ходившие «по-русски» (одетые, как русские женщины. — *Сост.*), как бы утрачивали связь со своей национальностью.

В 1920-х гг. национальный костюм терюхан бытовал еще достаточно широко. Его имели почти все женщины среднего и пожилого возраста и надевали по праздникам, идя в гости, на семейные торжества: свадьбу, крестины, в церковь, на похороны, поминки и другие торжественные случаи. Старухи носили белую одежду и как повседневную, так как в эти годы они еще не перешли ни на русский народный костюм, ни на костюм горожан.

Женский народный костюм состоял из белой холщовой рубахи туникообразного покроя с небольшой вышивкой вокруг ворота и на разрезе посередине подола спереди шушпана — белой распашной одежды туникообразного покроя с широкой плотной вышивкой на рукавах, идущей от кисти до локтя, выполненной, по большей части, красными шерстяными нитками. На старых шушпанах имелась, кроме того, вышивка в виде ромба на плечах. Шушпан носили не только поверх рубахи, но в торжественных случаях надевали поверх осенней и зимней одежды: сермяги³² и шубы. Рубаху подпоясывали узким самодельным пояском, сплетенным на дощечках, а шушпан — покупным кушаком или домотканым узорным более широким поясом с кистями.

Своеобразием отличалась и демисезонная одежда — сермяга, сшитая из белого сукна домашней выделки с вышивкой и аппликацией из красного сукна на правом поле. Зимой носили нагольную шубу³³ из желтой овчины. В приданое за девушкой из более зажиточной семьи давали «писаную шубу»³⁴ из красной овчины с такой же вышивкой и аппликацией из кожи и сукна, как на сермяге». Сермягу и шубу более старого образца шили с прямой цельной спинкой, подобно тулупу. Шубу и сермягу более нового фасона шили с отрезной талией и сборами³⁵, а сермягу иногда и с клиньями.

Из украшений следует отметить «суруг» — нагрудную пряжку-заколку с подвесками из жетонов и бус типа эрзянской «сюлгамо», а также «снизку» — небольшой нагрудник из бисера. Распространены были различного вида бусы и кольца, а в недалеком прошлом — браслеты. На грудь сермяги и шубы прикрепляли «дудяшки» — бахрому из разноцветных ниток и раковин-каури, называемые терюханами «кумры».

Головными уборами были платок и полшалак. Носили их свернутыми на угол с концами, завязанными под подбородком. Старинным национальным головным убором был венец³⁶. Этот ценный убор уже в конце прошлого века (речь идет о XIX в. — *Сост.*) имелся у немногих женщин и выдавался ими

невесте напрокат только на свадьбу*. В 1920-х гг. венец сохранился у населения единичными экземплярами. По своему виду он принадлежал к уборам типа «хошпу»³⁷ — у чувашей, «кашпу»³⁸ — бесермян³⁹ и «кашмау»⁴⁰ — башкир. Венец, предназначенный для замужней женщины, представлял собой шапку с открытым верхом, украшенную монетами, раковинами и жетонами. Сзади спускалась бахрома из черной и зеленой шерсти с подвесками из цепочек и бусин. Венец носили с «пушками» из гусяного пуха, а к вискам прикрепляли «плетни» — узкие полоски холста, с нашитыми на них серебряными монетами.

Девичий венец отличался от венца замужней женщины. Он имел более открытое темя, не было у него и бахромы сзади, а с правого виска спускалась кисть. Обязательной принадлежностью девичьего убора являлся также «хвост» из черных шерстяных ниток, который привязывался к косе.

Обувь у терюхан в те годы преобладала лыковая — лапти мордовского типа «с хвостами» носили реже, чем лапти московского образца⁴¹. Онучи⁴² были белые с лыковыми или нитяными оборами⁴³. Однако, по рассказам населения, еще недавно, на памяти пожилых людей, местные женщины носили на ногах «сябастры»**, представлявшие собой шерстяные черные или синие тканые полосы с узорами, которыми обертывали верхнюю часть ноги поверх белых онучей ниже колена, а в качестве обор использовали ремни.

Значительная часть населения терюханской деревни, по преимуществу более молодая, в 1920-х гг. одевалась по-русски. Это был костюм, который носили несколько лет назад в соседних русских селах. Он состоял из рубахи с прямыми поликами⁴⁴ и сарафана «московки»⁴⁵, который вытеснил здесь более старый тип косоклинного сарафана на лямках⁴⁶. На голове носили по будням платок, а в праздничные дни — шелковую косынку «золотного шитья»⁴⁷, так называемую головку⁴⁸, или полушалок с бахромой.

С каждым годом все больше и больше народный русский костюм стал уступать место костюму горожан, который состоял из юбки, кофты, выпускаемой поверх юбки, и головного платка.

Мужской костюм терюхан в 1920-х гг. ничем не отличался от костюма мужчин из соседних русских деревень. На какой-то иной костюм, существовавший ранее у терюхан, указывает, однако, мужской холщовый шушпан с вышивкой, сохранившийся еще кое-где в быту пастухов***.

* Смирнов И. Н. Мордва. С. 133. — *Прим. авт.*

** В документе «себастры».

*** О костюме мордвы терюхан см.: Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М., 1973; Маркелов М. Т., Толстов С. П. К истории терюханской народной культуры. С. 114 — 117. — *Прим. авт.*

В духовной культуре мордвы-терюхан мы можем проследить, как и в материальной культуре, два пласта, зачастую слившихся в одно целое, а иногда легко отделимых друг от друга.

Народный календарь мордвы-терюхан близок к народному земледельческому календарю соседнего русского населения. Сравнивая обряды и обычаи, совершаемые терюханами, с теми, которые существовали у русских в зимний период (Рождество, Святки, Крещение, Масленица) и весной в период от Пасхи до Петрова дня⁴⁹, мы найдем в них много общего, а иногда и полную аналогию. Только у русских эти обряды исчезли несколько раньше, тогда как у терюхан они бытовали еще в первой четверти XX в.

Под верхним слоем русской обрядности у терюхан еще в прошлом столетии существовали свои народные праздники, устраиваемые в честь богов и богинь, которые, как мной указывалось выше, позднее были приурочены к русскому церковному календарю и получили русские названия.

Так, например, П. И. Мельников* указывает на богиню Анге Патяй⁵⁰, в честь которой в году устраивали восемь праздников. Один из них был приурочен к русскому Семику⁵¹. В этот день было моление, посвященное березе. Второй праздник на второй день Семика был «тентярь-молян», то есть девичий праздник⁵². Содержание этих весенних праздников с участием девушек и культом березы сохранилось, но они потеряли свое мордовское название и были приурочены к русскому Семику и Троице.

Дохристианские, так называемые языческие, верования не играли ни в мировоззрении терюхан, ни в их быту никакой роли. Сохранились лишь упоминания о молениях и праздниках, проводимых на лесных полянах и лугах, во время которых приносили в жертву домашних животных и птицу; некоторые пожилые люди сохранили в памяти отрывки из молитв, обращенные к своим богам. Среди жителей деревни Большое Сескино были еще живы воспоминания о Кузьме Алексееве (местном крестьянине) как о борце за свою старую мордовскую веру и лучшую крестьянскую жизнь**.

Отдельную группу составляют различные магические обряды, связанные по большей части с земледелием и скотоводством, как то: опаживание, высекание живого огня, прогон скота через земляные ворота, вызов дождя и другие. Их про-

* Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. 1909. С. 462. — *Прим. авт.*

** Подробнее см.: Зевакин М. И. Кузьма Алексеев. 1936. — *Прим. авт.*

водили с целью предохранить поля от засухи и червя, людей и скот от болезни. Интересно отметить, что всем магическим действиям в этих древних обрядах сопутствуют окуривание (дым) и огонь как очистительный момент, круг, предохраняющий от злой силы. Если в своем первоначальном виде все эти действия не имели ничего общего с православием и церковью, то на своем более позднем этапе в том виде, как эти обряды бытовали у терюхан в XIX и XX вв., почти обязательным во многих из них было участие духовенства, чтение молитв, наличие икон и прочих атрибутов православной церкви.

Остановимся коротко на семейных обрядах. Появление на свет нового человека не вызывало каких-либо особых ритуальных действий. Рождение мальчика, как будущего работника и равноправного члена общины, приветствовали больше, чем рождение девочки. Роды происходили в тяжелых антисанитарных условиях: в бане или в хлеву. После родов на третий, четвертый день женщина начинала работать по дому и в поле.

Что касается свадьбы, то на памяти женщин пожилого возраста, да и в 1920-е гг., она сопровождалась многочисленными обрядами, причитаниями и магическими действиями. Наряду с чертами более поздними, проникшими из города, а также от соседнего русского населения и православной церкви, в ней имеются очень древние обряды и обычаи, известные не только в эрзянской свадьбе, но и в свадьбе других финно-угорских народов: коми, коми-пермяков, удмуртов.

В терюханской свадьбе сохраняются пережитки родоплеменных отношений. Согласно сообщениям пожилых женщин, невест всегда предпочитали брать из чужой деревни, так же, как и выдавать замуж дальше от дома, в чужой род. Вследствие этого родные жениха рассматривались как чужаки. Для терюханской свадьбы, как и для мордовской, а в особенности для эрзянской, типичны многочисленные причитания, в которых девушка прощается не только с родительским домом, но и со своими соседями, родственниками и подругами. Брату и дяде невесты* в терюханской свадьбе отведена почетная роль. Невесту в терюханской свадьбе, как и в эрзянской, еще в начале XX в. отвозили в дом жениха в специальной кибитке «онава»⁵³ (как и у эрзи), закрытую шушпаном. Это является, по всей вероятности, пережитком свадьбы, когда невесту выкрадывали и насильно увозили чужеродцы⁵⁴. В терюханской свадьбе наблюдаются такие

* Слово «невесты» вписано сверху.

архаичные моменты, как, например, отсутствие жениха на свадебном пиру (он сидит где-либо в чулане), или молодые не принимают участия в свадебном пиру, а едят отдельно. Такие пережитки имеются и в эрзянской свадьбе. Среди свадебных персонажей в терюханской свадьбе сохраняются эрзянские названия «урведей» — дружка⁵⁵, «уряш» — старшая сноха.

Много общих черт и с русской свадьбой: сватовство, девичник, ритуальное мытье в бане, обсыпание молодых хмелем, испытания молодой и другие.

Похороны у терюхан происходили согласно уставу православной церкви. Ушли из быта и сохранились только в воспоминаниях такие обычаи, общие с другими угро-финскими народами, как захоронение умерших в долбленных колодах⁵⁶, вынос гроба через окно или задний двор, обычай класть с умершим его вещи: посуду, орудия труда; при опускании гроба в могилу выкупать землю, бросая две-три копейки, прорубать окно в стене гроба, а позднее чертить углем или мелом, не переходить умершему дорогу и другие.

В поминальных обрядах несколько дольше сохранялись архаичные моменты, также общие с другими финно-угорскими народами. В определенные дни года, установленные православной церковью, терюхане всеми семьями, как и вся мордва, ходили поминать умерших на кладбище. Специально к этому дню пекли пироги, варили брагу. На могилах обедали и «угощали мертвых», остатки пищи* отдавали нищим.

Из других поминальных обрядов интересен обряд вторичного погребения, чаще всего его устраивали на 40-й день после смерти. Заключался он в том, что после поминального обеда пожилые женщины брали березовую плаху и клали ее в телегу. Одна из женщин садилась на плаху, другие впрягались в телегу вместо лошадей. Плаху везли в овраг, где и оставляли, приговаривая: «Слава тебе, Господи, слава тебе, ты больше к нам не ходи, не ходи». При возвращении помещение окуривали можжевельником.

Совсем недавно, вплоть до 20-х гг. нашего столетия**, у терюхан существовал обычай встречи умерших перед праздником Пасхи. Этот обычай в различных вариантах был известен не только мордве, но и другим финским народам: марийцам, удмуртам, коми***. Для умерших гостей стелили постели, накрывали стол, ставили посуду, клали любимые вещи, а по-

* Слово «пищи» вписано сверху.

** Автор имеет в виду XX в.

*** Религиозные верования народов СССР: сб. этногр. материалов. М.; Л., 1931. Т. 2. С. 190 — 241. — *Прим. авт.*

сле трехдневного пребывания их души провожали в огород или за околицу деревни*.

При анализе поминальных и погребальных обрядов совершенно отчетливо прослеживаются два момента: желание обеспечить умершему хорошую загробную жизнь и страх перед его гневом и возможным возвращением за кем-либо оставшимся в живых ему близких.

Фольклор мордвы-терюхан разнообразен по своим жанрам. В публикуемых ниже материалах он представлен по преимуществу песнями. В репертуар терюханской деревни 1920-х гг. входили наряду с песнями о Гражданской войне и частушками, жестокими любовными романсами также старинные игровые песни, приуроченные к определенным обрядам и праздникам, по большей части весенним, когда молодежь играла и водила хороводы на воздухе. Постепенно оторвавшись от обрядов, которые тоже утратили свою роль, они стали просто игровыми и хороводными песнями.

Много свадебных песен, которые пели во время свадебного пира, а потом стали петь вообще во время гулянья. Известна группа песен так называемых беседных, которые пели во время посиделок, и солдатских. В солдатских песнях рассказывается о трудной службе царского солдата, о его разорившемся хозяйстве и тяжелой доле солдатской жены.

Некоторые сюжеты игровых и беседных песен были особенно близки терюханам. К таковым принадлежали многочисленные варианты песни о старом и малом муже, раскрывающие трагедию девушки, выданной замуж за малолетнего мужа, а также о тяжелой женской доле и непосильной работе. В шуточных и свадебных песнях часто высмеивалось православное духовенство. «Венчали попы-дьяки — „церковные дураки“ или „попова закуска“».

Известны терюханам и некоторые русские былины: «О Дунае, сыне Ивановиче», «О князе Михаиле», «О сестре и братьях разбойниках» и некоторые другие.

Все перечисленные выше песни пели на русском языке, и, по существу, они были русскими песнями, но уже давно попавшими в мордовскую среду.

Имеется и еще небольшая группа песен, которые сложились непосредственно у терюхан. Вероятно, вначале их пели на мордовском языке и только потом перевели на русский язык. Сохранился мордовский строй песен, некоторые мордовские

* Подробнее об обрядах мордвы-терюхан см.: **Белицер В. Н.** Традиционные черты общемордовской культуры в обрядах и фольклоре терюхан // Вопросы финно-угорского фольклора. Саранск, 1974. — *Прим. авт.*

имена: Кедер, Кормай, Вачайка, Чаворга, Керёмка, мордовские обороты речи, а также названия местных населенных пунктов: Большое Терюшево, Большое Сескино, Чертовка (Малое Сескино), Макраша, Березники, лесной массив — Тарусинский лес и др[угие].

Для каждого изучающего культуру мордовского народа большой интерес представляет язык терюхан. Наиболее ранние сведения о языке терюхан мы имеем из донесения нижегородского епископа Дмитрия Сеченова Сенату в 1743 г., в котором он писал, что «бунтовщики не мордва, а старые русские идолопоклонники, по-мордовски говорить не умеют, а говорят ярославским наречием, разнясь от русских нижегородцев»*. Весьма возможно, что донесение Сеченова могло относиться не только к мордве, но и к русским, живущим бок о бок с мордвой.

Во всяком случае терюхане, если и говорили по-русски в 40-х гг. XVIII в., то, несомненно, знали и свой мордовский язык. Процесс перехода на русский язык был длительным, и население постепенно забывало свой язык, но какое-то время говорило** каким-то особым языком, в котором чуть не наполовину слов было русских***. Следует отметить также неравномерность этого процесса. Так, например, в мордовских селах, где была церковь, жил помещик или царская администрация, жители лучше говорили по-русски, чем в отдаленных глухих деревнях. Переход на русский язык не означал у терюхан отказа от этнической принадлежности. Так, например, в 1914 г. А. В. Марков писал, что жители с. Сарлей и теперь еще считают себя мордвой, хотя и говорят, и поют по-русски****.

В 1920[-х] гг. терюхане, говоря по-русски, сохраняли в словарном составе языка ряд терминов. Одни из них, которых большинство, являются, по существу, эрзянскими словами, другие — словами областного местного говора, и, наконец, третьи не поддаются расшифровке (см. Словарь в приложении).

Кроме того, терюхане сохранили в своем языке ряд фонетических и морфологических особенностей, идущих из структуры мордовских языков и местных говоров. Укажем некоторые из них:

1. Существительные употребляются с окончанием дательного падежа вместо творительного: «за грибам», а не «за гри-

* Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 6 кн. 2-е изд. СПб., 1895 — 1896. Кн. 5, т. 21. С. 209 — 210. — *Прим. авт.*

** Слово «говорило» вписано вместо зачеркнутых слов «стало говорить».

*** Мельников П. И. Очерки мордвы. 1867. С. 521. — *Прим. авт.*

**** Марков А. В. Отношения между русскими и мордвою... С. 30. — *Прим. авт.*

бами»; «с пирогам» — // — «с пирогами»; «с орехам» — // — «с орехами».

2. Существительные «дедушка», «бабушка» не склоняются: «я пошел к дедушка, к бабушка».

3. Прилагательные мужского рода, такие как «свежий», «чистый», произносятся как «чистой», «свежей».

4. Вместо твердого звука Ы произносится звук И: «риба» вместо «рыба», «вижги» — «выжги», «зарила» — «зарыла», «крило» — «крыло».

5. В начале слов вместо звука Х произносится звук К: «ковод» вместо «хоровод».

6. Характерно усечение последнего звука в таких словах, как «родима», вместо «родимая»; «маленька», «тошенька» вместо «маленькая», «тошенькая» и т. д.

7. Употребление слова «баить» вместо «говорить», «маненько» вместо «маленько».

Терюхане отличались от местного русского населения своей интонацией. Последние слоги в словах произносились протяжно, и в особенности в конце фразы, их как бы пели.

Заканчивая свою вводную статью, коснемся этнической принадлежности терюхан. Этот вопрос еще в прошлом столетии интересовал авторов, писавших о мордве. «Некоторые считают терюхан эрзядами, но, судя по остаткам их языка, судя по их обычаю и религиозному культу, их нельзя не признать особым племенем», — писал П. И. Мельников в 60-х гг. прошлого века*.

Тремя десятилетиями позднее И. Н. Смирнов в своей монографии о мордве, специально не касаясь этого вопроса, выделял терюхан в отдельную группу, однако указывал, имея в виду своеобразный головной убор терюхан — венец, что даже в пределах одной племенной группы у мордвы, как и у черемис[ов]⁵⁷, есть районы, отличающиеся один от другого формами костюма — преимущественно головных уборов**.

В XX в. вопрос о происхождении и исторической судьбе терюхан не перестает интересовать исследователей. Вот что писал А. В. Марков в своей работе «Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии»: «Терюхане представляют громадный интерес в этнологическом отношении как группа населения, находящаяся в переходной стадии, как инородцы, которым суждено — быть может, довольно скоро — забыть о своем инородческом происхождении»***.

* Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. 1909. С. 411. — Прим. авт.

** Смирнов И. Н. Мордва. С. 133. — Прим. авт.

*** Марков А. В. Отношения между русскими и мордвою... С. 48. — Прим. авт.

С. П. Толстов считал терюхан весьма интересной и загадочной группой в этнографическом отношении. По остаткам мордовского языка она представляет настоящую эрзю, а по костюму она сильно от нее отличается, что и заставляет «считать их в культурном отношении особой своеобразной группой мордвы»*.

В коллективной статье «К истории терюханской народной культуры»** авторы М. Т. Маркелов и С. П. Толстов, развивая предыдущую точку зрения, считали, что духовная культура терюхан близка к культуре эрзянской группы мордовского народа и что терюхане являются небольшим этническим образованием — группой***, вошедшей в качестве одного из компонентов в современную эрзянскую культуру, однако не успевшую быть вполне ассимилированной эрзей благодаря раннему подчинению славяно-русскому культурному влиянию.

Присоединяясь к точке зрения, высказанной М. Т. Маркеловым и С. П. Толстовым, я хотела бы добавить, что анализ публикуемых ниже материалов позволяет считать терюхан локальной группой мордвы-эрзи.

Схожее культурное явление мы наблюдаем на примере еще одной локальной группы, так называемой теньгушевской мордвы-эрзи⁵⁸, которая в своей традиционной культуре, и в частности в женской одежде и головных уборах, имеет, как и терюхане, ряд существенных отличий от других групп эрзи. Находясь в окружении мокшанского и русского населения, эта группа испытывала длительное время их культурное воздействие, в результате чего сложился этнокультурный комплекс, по сложности напоминающий терюхан. Говорит эта группа на особом диалекте эрзянского языка****.

НАНИИГН. И-945. Л. 5 — 29.
Машинопись. Подлинник.

* Толстов С. П. Мордва-терюхане // Нацмены ЦПО. М., 1928. С. 18. — Прим. авт.

** Этнография. 1928. № 2. С. 123. — Прим. авт.

*** Слово «группой» вписано от руки над строкой.

**** Подробнее см.: Ежова В. П. Этнографическая характеристика одежды мордовского населения Теньгушевского района МАССР // Учен. зап. Мордов. гос. пед. ин-та им. [А. И.] Полежаева. Саранск, 1956. Вып. 4. С. 135 — 154 ; Ежова В. П. О некоторых этнографических особенностях в культуре мордовского населения Теньгушевского района Мордовской АССР // Вопросы этнической истории мордовского народа : тр. Мордов. этногр. экспедиции. М., 1960. Вып. 1. С. 210 — 226. — Прим. авт.

ОБРЯДЫ

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ

Рождество и Новый Год

Проведение рождественской недели и встреча Нового года (Васильев вечер⁵⁹) сопровождалась у терюхан играми, гаданиями, гулянием по селу, хождением ряженных.

Богат и разнообразен текст новогодних колядок⁶⁰. Близкие тексты известны в соседних русских деревнях. Некоторые терюханские колядки представляют весьма старые варианты обрядового фольклора.

* * *

1. На неделе до Рождества хозяйки варят брагу, а в день Рождества — кутью⁶¹ из ячменной крупы с конопляным семенем. Накануне Рождества ничего не едят до [первой] звезды. Маленькие ребята от заутрени ходят по домам славить Христа, им дают пряники и зерна. Святошничать⁶² начинают с 3-го, 4-го дня и продолжают святошничать в течение двух недель: одеваются странником, рядятся чучелом, медведем, лошадью или, уж больно хорошо, парни наряжаются барышнями, а девки — мужиками. Ходят ряженными в те дома, где ребята есть да «родители простые». Гадать начинают с вечера под Новый год. Лет 10 — 15 назад вечером под Новый год маленькие ребяташки пели «Коледу-маледу», а утром по домам ходили девочки. Матери и бабушки стряпали крендельки и завирушечки, называемые колядой, и давали детям, которые пели песни:

Летел Ваня-соколок
Через бабушкин дворок,
Уронил сапожок.
— Уж ты, бабушка, подай,
Рассударушка, подай!
— Недосуг мне подать.
Я коровушку дою,
В хлев загоняю,
Окошечко соломкой заткну,
Кочерюжкой⁶³ запружу⁶⁴.

(д. Малое Сескино, записано от Анны Размаховой, 50 лет)

2. Рождество в настоящее время проводят в гулянье. Начиная с первого дня по третий ходят компанией по деревне с

двухрядкой⁶⁵. В снятых на деревне избах поют песни, танцуют, играют ежедневно часов до двух ночи.

После Рождества здесь, так же, как и в соседнем селе Сарлей, святошничают, рядятся, кто как сумеет, ходят по деревне и по соседним посиделкам. Надевают старинные мордовские шушпаны, изображают монахов, попов, милиционеров, покойников, часто одеваются невестой и женихом; невеста на голову надевает вместо венца плетеную из соломы мисцу. Часто одеваются в вывороченную шубу. Наряжаются так, чтобы не узнать. Лицо мукой белят, зубы из картофеля делают, сверху надевают белый шушпан и белую косынку, и все, кто встречается, — пугаются. Теперь стали гримировать в школе (д. Большое Сескино, записано от А. Кулагиной, 45 лет).

3. Под Новый год маленькие ребятишки почти из каждого дома заходят в избы и, стоя у порога с сумками, поют: «Тараусинь⁶⁶, Тараусинь, дай кокурочку⁶⁷ на ужин». До сих пор еще накануне Нового года бабушки пекут из картошки, ржаной и пшеничной муки крестики, витушки и дают детям.

Вечером по домам, где есть парни, ходят девки за свинками⁶⁸ и горохом. Если в семье три сына, то в избы приходят три артели и поют:

Как у месяца золотые рога,
А у солнышка очи ясные,
А у Санюшки (имя парня) кудри русые,
По плечам кудри русые расстилаются,
Алыми ленточками увиваются.
Тараусень, Тараусень, дай кокурочку на ужин,
Свиную ножку, по горстке горошку.

Если в семье нет парня, то девки поют иначе:

Уж ты, тетушка, ты лебедушка,
Поддай конька, родишь паренька.
Подашь денежку, родишь девочку,
шарлопаюшку⁶⁹.
Тараусень, Тараусень, дай свиную ножку,
по горстке горошку.

Молодежь обычно носит с собой по две сумки: одну — для свинок и вторую — для гороха. После обора идут на квартиру, которую снимает артель на зиму с Покрова⁷⁰ до широкой субботы (на Масленицу) для посиделок. Парни и девки на этой квартире начинают есть свинки и горох. Затем начинаются игры в «Свои соседи», «Подмигушки»; «Золотце»*, гадают.

* Игра в «Золотце» называется также игрой в «Печенку — маленький грибок» или «Палочку». — *Прим. авт.*

В игре «Золотце» все садятся кругом в два ряда. Один ходит по кругу и прячет кольцо в колени, второй отгадывает, и так до трех раз. Если отгадчик не отгадывает, то всех целует.

Играют в «Лычки». Нарезут шесть пар лычек⁷¹, надвое перенут и держат в руке. Играют партия на партию. Берут концы, кто с кем ухватит концы одного лыка, с тем и целуется.

Когда ребята уходят, девушки начинают гадать. В чашку накладывают кольца, закрывают платком, треплют чашку. Одна девушка достает кольцо, другая поет:

Затевай, мать, опару,
Пеки пироги.
К тее⁷² гости придут,
Ко мне женихи.

Одна из девушек достает кольцо.

Кому споем, тому с добром,
Кому видится, тому сбудется.
Идет кузнец из кузницы.
Одна пола в сто рублей,
Другая пола в тысячу.
Кому споем, тому с добром,
Кому видится, тому сбудется.

Вынимает новое кольцо.

Гребеночка-валявочка
Под лавкой валяется.
Кому споем, тому с добром,
Кому вынется, тому сбудется.

Вынимает еще кольцо.

Стоят сани за воротами,
За воротами заворочены,
С мотыгами, с лопатами.
Кому споем, тому с добром,
Кому вынется, тому сбудется.

(с. Клюиха, записано от П. Волковой, 53 лет)

4. На Новый год в старину из колодца окачивались водой между заутреней и обедней (д. Ольгино, записано от Анны Федотовой, 45 лет).

5. В д. Инютино и в соседних деревнях существует обычай на Рождество или Новый год, когда молодая приходила из гостей, то маленькие ребята бегали за ней и кричали: «Молода, молода, дай кольцо», и она одаривала их кольцами (д. Инютино, записано от Марии Алексеевой, 48 лет).

6. В с. Сиуха на Новый год был престольный праздник, и существовал обычай катания на лошадях (с. Сиуха, записано от А. Разниковой, 55 лет).

Варианты рождественских и новогодних колядок

Под Рождество дети ходят по домам и поют:

Кали-мали,
Дай горошку
На железную дорожку.
Коляда, коляда,
Ходила коляда по дворам. (д. Касаниха)

* * *

Каля-маля,
Дай горошку
На дорожку
Понемножку. (с. Сиуха)

* * *

Каля-маля,
Дай горошку
На дорожку.
От Лома до Вышки
Беги без отдышки. (д. Надеждино)

* * *

Кузьма-Морозька,
Дай горошку
По горсточке,
По щепоточке. (д. Ольгино)

* * *

Под Новый год утром девочки и мальчики просят кокурки
и поют, бегая по домам:

Усиль, усиль, Тараусень,
Дай кокурочку на ужин,
Пирог да лепешку, свиную ножку.
На полице⁷⁵ каравай
С пошеницей пополам,
Раздели-ка его нам.

* * *

Ох ты, тетунька, ты лебедушка,
Ты сходи в гумно,
Ты собирай зерно
И толки, и мели, по кокурочке дели. (д. Шониha)

* * *

Ох ты, тетушка, дружок,
Испекла ли пирожок?
Ты неси, не тряси,
Подавай, не ломай,
Всем по целому давай. (д. Лом)

* * *

Тарусень, Тарусень,
Дай кокурочку на ужин.
На полице каравай
С пошеницей пополам.
Где блин, тут и мы,
Где ватрушки, тут петрушки⁷⁴. (с. Арманиха)

* * *

Таусень, Таусень,
Дай хлеба на ужин,
Пирог да лепешку,
Свиную ножку.
На полице каравай,
Разломи-ка его нам,
Всем, всем пополам,
Троим, двоим, давно стоим. (с. Сиуха)

* * *

Усинь, усинь, Тараусинь,
Дай хлеба на ужин,
Пирог да лепешку,
Свиную ножку,
По горстке горошку. (с. Ольгино)

* * *

— Сень, усень,
Дома ли хозяин?
— Нет,
— Де⁷⁵ он?
— В лесу дрова рубит.
— На что дрова?
— Пиво варить.
— На что пиво варить?
— Сына женить,
Дочь отдавать. (д. Надеждино)

* * *

— Сени, усени,
Дома ли хозяин?

— Нету.
— Де он?
— В город уехал
Купить топорик,
Срубить головку. (с. Мигалиха)

* * *

— Коледа, Маледа, дома ли хозяин?
— Нет его дома — в город уехал
Козу купляти, малых ребят кормити.
(д. Малое Сескино)

* * *

Под Новый год поздно вечером девки ходят по избам с котомками (выбирая по преимуществу те избы, где есть взрослые парни) и поют:

Как у месяца золоты рога,
А у солнышка очи ясные,
А у Ванюшки кудри русые.
По плечам кудри расстилаются,
Жемчужком кудри перевиваются,
На войну кудри собираются.
Уж ты, тетушка, ты лебедушка,
Испекла ли пирожок
С мачком, с лучком,
С беленькой капусткой,
С поповой закуской?

(д. Макраша, записано от Н. Артюхиной, 65 лет)

Уж ты, тетушка, ты лебедушка,
Подай блинка, родишь сына,
Подай денежку, родишь девушку
Пелагеюшку.
Подай кокру⁷⁶,
Домой попру,
А не дашь кокру,
У ворот помру. (д. Лом)

Варианты коляды, которую поют девки и парни, когда ходят под Новый год по избам в русской соседней деревне Винный Майдан:

Коледа, Маледа,
Из нового города
Летел соколок
Через бабушкин дворок,
Уронил сапожок.
Уж ты, бабушка, подай,
Разродимая, подай.

Недосуг подавать,
Я коровушку дою,
Я теленочка пою,
Я курочкам мешу,
Подмешиваю.
Тетка-лебедка,
Подай сви́нью ножку,
Лепешку.

(записано от Матрены Тимохиной, 50 лет)

Крещение

1. Под Крещение бабы кропят святой водой пол и углы дома и делают углем кресты на дверях, заключая их в круг, при этом приговаривают: «Господи, помилуй». После этого до заутрени не выходят из дома, боясь пустить беса, «а то бес прилетит». Некоторые бабы и старухи на всю ночь ходят молиться на ключ, ждут, когда прилетит голубь и зашумит вода.

Тот, кто святошничает, бросается в марь (прорубь)*, и это, по поверью, спасает от греховного святошничанья.

В Крещение между заутреней и обедней девки метут пол, заматают в передний угол сор, а потом гадают; выходят с сором на улицу. Имя первой попавшейся навстречу женщины будет именем свекрови, а имя встретившегося мужчины — именем жениха (д. Малое Сескино, записано от Анны Размаховой, 50 лет).

* * *

2. На Крещение в 12 часов ходят на ключ; чаще всего это нездоровые старухи-привереды, и там окачиваются. Сначала слушают, как вода заколывается, затем почерпнут воду и начнут ею обмываться. Мужики не ходят на ключ обливаться. На самое Крещение — купаются в проруби.

Существует предание, что когда мордва была неверующая, Крещение не праздновали, бабушка Секлетя была тогда молодая и мыла со снохой белье. Они увидели, как голубь крылом всколыхнулся над марем. Они очень испугались и поверили, что купается истинный Христос.

В настоящее время начетчицы⁷⁷ и старые девушки не спят ночь и ждут, когда вода заколывается в проруби. Смотреть, как вода в проруби заколывается, ходили раньше и мужики, и парни, — все ходили (д. Большое Сескино, записано от Савушкиной, 80 лет).

* Правильно: марь — это болото. В документе употребляется в значении «прорубь».

Гадания

Терюханская молодежь гадала на Святках и, главным образом, накануне Крещения. Вечером в заранее снятой избе девушками устраивался вскладчину ужин, а после него начинались гадания. Гадали о своей будущей жизни в замужестве, о женихах, о долголетьи или скорой смерти, об урожае, о приплоде скота.

* * *

1. Бегали за вешкой⁷⁸ в поле, ломали вешку и клали под голову, когда ложились спать. «Кто приснится, за того замуж выйдешь. Только за голову не надо схватываться, а то сон отлетит».

* * *

2. Растапливали олово и выливали в ковш с водой: если поверхность олова была шероховата, то хлеб должен уродиться, а если гладкая, то будет неурожай; если олово в виде венца будет, то замуж в этом году выйдешь, а если похоже на гроб, то умрешь.

* * *

3. Брали мутовку⁷⁹, сделанную из ели или из сосны, и бросали. В какую сторону мутовка упадет рогами, туда девушку замуж отдадут.

* * *

4. Брали ступу и ставили ее на перекрестке дорог. Завязывали девушкам глаза и заставляли ловить ступу, кто скорее поймает, тот первый выйдет замуж.

5. Дома у хозяйки стаскивали кур с наместа и приносили в избе. Кто схватит петуха, у того жених будет вдовец. На пол в избе ставили блюдечко с водой, клали кольцо, деньги, зеркало, хлеб. Если к кольцу и зеркалу подойдет курица, то жених щеголь будет, если к хлебу — богатый, если к воде — то пьяница, деньги клонет — игрок будет. Если курица очень тихая, то жених нелюдимый будет, а если курица ходит по избе и кричит: «го, го, го», то жених боевой будет.

* * *

6. Амбары мерили. Обходили кругом с распростертыми руками, а иногда и шагами мерили и говорили: «сусек»⁸⁰, «короб»⁸¹, «кузов»⁸². Замечали, на каком слове остановились, когда доходили до двери: если «сусек», то муж богатый будет, «кузов» — середняк, если «короб» — то бедняк.

* * *

7. На перекрестках поднимали волосы, какой волос поднимут, такой волос у жениха будет.

* * *

8. Вечером ходили с огарком (первой потухшей спичкой) и через два дома на третьем слушали под окном, о чем там говорили: если про землю, то помрешь, если про деньги, то богата будешь.

* * *

9. Ходили полоть снег на перекресток. Перекрестятся три раза и начинали полоть снег⁸³, приговаривая: «Полю, полю беленький снежок, где собачка лает, там мой женишок». Пригнувшись к снегу, девушка слушала, где будет лаять собака, с той стороны и будет жених. Если ударит в то время колокол, то, согласно поверью, девица скоро умрет.

* * *

10. Ходили в баню или в подполье и брали с собой два зеркала, снимали крест и под правую пятку клали. Волосы распускали, и две свечи впереди ставили. Садись и ждали. Должен войти жених. Не разрешалось подпускать его близко, а то он может udавить.

* * *

11. Пять девушек брали бычью кожу и шли в поле на перекресток дорог, расстилали кожу и садились на нее. Вокруг кожи делали палочкой круг и начинали ждать женихов. Существует поверье: если не сделать палкой круг, то кожа будет возить девушек и заморозит.

* * *

12. Запирали волосы на замок, когда ложились спать. Ключ отдавали подруге, про кого загадают, тот должен прийти просить ключ.

* * *

13. Запирали ведро с водой и на ручку замок вешали, а ключ себе оставляли. Суженый должен прийти за ключом.

* * *

14. Запирали колодезь. Девушка шла к колодцу и запирала его на замок. Какой парень отопрет — тот и будет мужем.

* * *

15. Заметали сор в передний угол, утром брали в подол и, когда шли с посиделок, загадывали, имя первого встречного — имя жениха, имя встретившейся женщины — имя свекрови.

* * *

16. Наливали в стакан воду и в него клали венчалное кольцо. В кольцо смотрели — выходил суженый.

* * *

17. Вытаскивали из копны соломки. Если вытащат с колосом, муж будет богатый, если без колоса — бедный.

* * *

18. Ходили к поленнице (сложенные дрова). Каждая девушка вытаскивала по полену. У кого сколько сучков на полене — у того столько будет членов семьи.

* * *

19. Ходили около 12 часов ночи на ключ. Мочили рукав в воде. Если рукав покроется инеем, то за богатого замуж отдадут.

* * *

20. В 12 часов под Крещение выносили зеркало на поле. Сколько месяцев в зеркале отразится — столько человек в семье будет.

* * *

21. Резали бумажки и подписывали имена, наливали воду в тарелку и по краям укладывали бумажки с именами. Отрезали кусочек свечки и зажигали. У какого имени свечка оставилась, так и звать будут жениха.

* * *

22. Палочки ставили в снег. Наклонится палочка — болеть будешь, упадет — умрешь, прямо стоит — здоров будешь.

* * *

23. В бане накладывали груды золы и ждали. Если на следующий день зола будет рассыпана, то умрешь, если нет, то все будет хорошо.

* * *

24. Через околицу кидали через голову лапоть с веревкой. В какую сторону веревка ляжет, оттуда и муж будет.

* * *

25. Через околицу сапог бросали. Куда сапог ляжет носком, в ту сторону и замуж отдадут.

* * *

26. Брели лучину и шли на майну (прорубь). Опускали лучину в воду, а затем несли домой и клали с собой в постель, приговаривая: «Суженый, ряженный, приходи ко мне ужинать и спать ложиться». Ночью ждали, кто им приснится во сне.

* * *

27. Наливали в ковш воды, ставили в головах. Поперек ковша клали палочку. Суженый должен пройти по мостику и присниться девушке.

* * *

28. Записывали мужские имена на трех записках и клали под образа на ночь. Утром вытаскивали одну записку. Написанное в ней имя будет именем жениха.

Масленица

Празднование Масленицы у терюхан сопровождалось игрищами молодежи с пением хороводных песен. Хороводы, или короводы, как их называло местное население, начинали водить за неделю, за две до Масленицы. Круги, по рассказам местных жителей, были огромные, во всю деревню, и принимала в них участие не только молодежь, но и мужчины и женщины средних лет, и даже старики и старухи. Существовал и особый порядок в исполнении игровых песен. Одни из них назывались зачинными, другие — прощальными, которые пелись при уходе домой и на последних днях Масленицы. Кружение дожило почти повсеместно в терюханском районе до конца 20-х гг. XX века.

Правда, за последние годы частушки и гулянья с гармонией по селу начинали все больше и больше вытеснять хороводы и игрища. А игровая масленичная песня постепенно утрачивала связь с масленичными днями и становилась повседневной игровой или хороводной песней.

Еще одной особенностью, указывающей на близкое приближение Масленицы в терюханских селах, было катание на салазках, скамьях и лошадях. Катание на салазках и скамьях с гор начиналось за неделю и за две до Масленицы. В нем принимала участие не только молодежь, но и взрослые. Катание на скамьях происходило в первые дни Масленицы и

предшествовало катанию на лошадях, разгар которого падал на последние три дня.

Обязательным элементом в масленичном обряде терюхан, как и у русских, был огонь. На разведенном по вечерам костре жгли солому и кудель⁸⁴. У населения сохранились воспоминания о масленичном чучеле, сделанном из соломы, вокруг которого пели и плясали, а потом его сжигали на костре. В Прощеное воскресенье (последний день Масленицы) устраивали проводы Масленицы.

В деревнях Инютине и Борцове молодежь ходила по улице с огнем и пела песни. В д. Большое Сескино Масленицу шли провожать за околицу и несли зажженную солому.

За околицей пели песни и водили хороводы. Друг у друга просили прощение и целовались. В некоторых селениях, как то: Арманихе, Надеждине, Ольгине, сохранился обычай «отдачи Масленицы». Заключался он в том, что к женщине, провинившейся своим поведением, носили Масленицу. Старики села Арманихи еще помнят, как брали двое дровней с поднятыми оглоблями, на них ставили дерево и подвязывали полог⁸⁵. При собравшемся народе подъезжали к окну провинившейся. Этот обычай в несколько иной форме дожил до 1928 г.

В деревнях Касаниха, Надеждино и Ольгино молодые ребята носили к гулящей женщине зажженные веники и кудель. Через год приходили за Масленицей обратно, и случалось, женщина выносила им голые веники.

В семейном быту Масленица отмечалась блинами, пирогами с луком и приготовлением самодельного пива. Замужняя дочь со всей семьей гостила у матери. На Масленицу поминали также умерших родителей.

Можно отметить также и то, что масленичные обряды в 1920-х гг. бытовали более полно в терюханских селениях, чем в соседних русских деревнях.

Сделанные записи в различных терюханских селениях однотипны.

1. Еще за неделю, за две до Масленицы молодежь в с. Сарлей начинает кружиться. Играют, поют круговые песни, водят хороводы с поцелуями. Со среды начинают катанье, сначала маленьких ребят катают, а с пятницы — взрослых, «по-хорошему». В эти же дни ребята жгут «купальницу»⁸⁶. В последний день в разведении костра принимают участие и мужчины — подкладывая дрова, а в хороводах взрослое население села. Маленькие ребята приговаривают:

Уж ты, Масленица,
Не дала нам погулять.
Вот пришел Великий пост.
Отрубили коту хвост. Ура!

На Масленицу, начиная с понедельника, пекут «кержонцы» — пирожки с луком и блины, которые едят со сметаной и маслом. Зять в первый год приходил с женой на целую неделю к тестю есть блины, во второй год приходил со вторника, в третий год — со среды и так далее. Раньше был обычай на Масленицу ходить поминать родителей. На могилу носили целый фунт⁸⁷ изюма (с. Сарлей, записано от Александры Рахмановой, 28 лет).

2. Многие круговые песни поются на Масленицу при кружении вокруг огня. В костер накладывают дрова, кудель, солону. Костер раскладывают против пожарного двора и начинают его жечь с пятницы. Раньше жгли костер и катались всю неделю.

Проводы Масленицы происходят в воскресенье после обеда часов с двух. Девки идут с песнями за деревню, а ребята впереди несут солому. В поле за околицей разводят костер и начинают водить хороводы.

Ниже приводится песня, которую поют на Масленицу:

Во лузах⁸⁸, зеленых лузах
Вырастала трава шелковая,
Шелковая, полущелковая.
Инь я той травой выкормлю коня,
Инь я выкормлю, вылощу его.
Поведу коня к батюшке во двор.
Государь ты мой, батюшка родной.
Восприми-ка слово ласковое,
Сговори слово приветливое.
Не отдай меня за старого замуж.
Как и старый муж дурак и дурак,
Не пущат меня на улицу гулять,
Хоть и пустит, все окошко проглядит,
Не стоит ли молодая жена с кем,
Не бает ли молодая жена с кем.

(д. Большое Сескино, записано от М. Горячевой, 52 лет)

3. Кружились у нас в деревне на Масленицу всю неделю, и не только девки и парни, но и бабы, и старухи. Но костров, как в других соседних деревнях, не жгли. Возили Масленицу к той девке или бабе, за которой «грех» водился. Связывали двое дровней, ставили дерево на дровни и привязывали его веревками, а затем полог в виде паруса приделывали. Вся Арманиха сойдется смотреть, как полог надувают и корабль везут. Подъезжают к окошку гулящей бабы и кричат:

Прими Масленицу, да не гной,
Ну, давай, принимай.

Катаются на Масленицу на лошадях и с гор на скамьях. Скамьи были большие, человек на двенадцать. Сохранился и обычай приходить на Масленицу в гости к матери. Приходит замужняя дочь с мужем в первый год замужества к матери на всю неделю, а на следующие годы уже в четверг, в пятницу.

Еще несколько лет тому назад был обычай зарывать молодых в снег, а теперь останавливают лошадь, на которой они катаются, и заставляют целоваться (с. Арманиха, записано от Петра Алексеева, 92 лет).

4. На Масленицу берут девки и парни сноп соломы и сжигают его на снегу или же отдают насмешным⁸⁹, то есть вдове, девке, про которую смешок есть, и кричат: «Ура! Масленица!».

На следующий год снова к ней приходят и кричат: «Отдай Масленицу». Она выносит им 2 — 3 голых веника. Девки кружатся, а ребята несут Масленицу.

Девки поют:

Я хожу, гуляю
Вдоль по короводу,
По всему народу,
Гляжу, выбираю богату невесту.
Шел, нашел, выбрал я себе невесту.
Вы пойдем ко мне в гости на свадьбу,
Ты пойди, невеста, бат⁹⁰, со своим милым
По кругу гулять.
Я свою милую
Семь раз поцелую.
Ты иди, теща, топи печь,
А свояченице я подарю подарок —
Двести в спину палок,
А шурина-барину
Подарю подарок —
Коня ворняка*.

(с. Мигалиха, записано от Ильиной, 40 лет)

5. На Масленицу заведено у нас в деревне в субботу и воскресенье на лошадях кататься. На скамьях начинают кататься с гор еще недели за две до Масленицы. Раньше и большие, и малые, все катались, а теперь только маленькие ребята продолжают кататься. С издавна заведено костер на Масленицу жечь. Сохранился и обычай отдачи Масленицы. К женщине плохого поведения носят на Масленицу веник, зажигают его и кричат: «Анна, возьми нашу Масленицу в ящерицу». С вос-

* «Вороного» (о масти лошади; местный говор мордвы-терюхан). — *Прим. сост.*

кресенья начинают кружиться — водить хоровод. В воскресенье перед наступающим постом прощаются, просят прощение в грехах и целуются. Молодая гостит с мужем у матери на масленичной неделе.

На Масленицу приезжали в деревню торгаши, а между мужиками происходили кулачные бои (д. Ольгино, записано от Прасковьи Кашиной, 55 лет).

Обряды и обычаи, совершаемые во время Великого поста и праздника Пасхи

Народные обычаи, идущие из глубокой древности, весьма часто бывают приурочены к православному календарю.

1. В Чистый понедельник (первый день поста) ходят по соседям просить прощение в грехах и едят редьку (д. Инютино).

2. В день сорока мучеников⁹¹ — 9 марта (ст[арый] ст[иль]) пекут из теста жаворонки⁹² и гречевники⁹³ (с. Сиуха).

3. На крестовой (четвертой) неделе поста в среду пекут кресты⁹⁴ и запекают в хлеб монету (копейку, десять копеек) или лучинку. Берут со стола не глядя. Кому достанется копейка или другая монета, тому, по поверью, счастливый год будет; кому лучина достанется — тому тяжелый год будет (с. Арманыха, записано от Екатерины Галушиной, 48 лет).

«Рассказывала мне мать — было это в старое время. Отелится корова — соберут молоко, молозиво, в страстную пятницу, сварят его и яиц туда набьют — яичницу сделают. Выйдут из бани и дают птицам. Кричат: „Ворон, ворон, отдай мое здоровье“» (д. Шониha, записано от Агафьи Егоровой, 40 лет).

Встреча весны

В первые весенние дни дети на гумнах⁹⁵ встречают весну. Обычно это бывает постом. Часто встреча весны падала на день Евдокии⁹⁶ — 1 марта (ст[арый] ст[иль]). В с. Сиуха встреча весны падала на первый день поста, и делали это старики, якобы для потехи детям. Этот обычай бытовал в 1927 — 1928 гг. еще во многих терюханских селениях.

1. В Чистый понедельник (первый день поста) старые люди вешали в огороде на яблоне или на крыльце олады, блины, пирожки, при этом говорили, обращаясь к детям:

Пирожки на дерево улетели.
Яули, яули,
Весна-красна приходит,
Хлеба-соли приносит.

Часть отдавали детям, а остатки оставляли для птиц (с. Сиуха, записано от Степаниды Светловой, 60 лет).

2. Весну встречали ребятишки на гумнах в марте, апреле, когда под ногами мокро становится, чаще всего это было постом:

Весна-красна приходила,
Хлеба-соли приносила,
Нам по лепешке,
Собаке по крошке.

(с. Мигалиха, записано от Екатерины Малухиной, 70 лет)

3. В старину, лет 26 тому назад, ребята выходили на двор, постом, когда начиналась весна, и кричали:

Яф, яф, яулень,
Весна-красна приходит,
Хлеба-соли приносит,
Собакам по крошке,
А нам по лепешке.

(д. Ольгино, записано от Прасковьи Кашиной, 55 лет)

Пасха

Праздник Пасха в быту терюхан отмечался чрезвычайно слабо. Обряды православной церкви или совершенно не вошли в быт населения, или, будучи поздним слоем, вошедшим в сознание и быт населения, быстро исчезли в послереволюционное время.

* * *

1. Пасху в старину праздновали до четверга. Теперь носят святить в церковь куличи и пасхи, а раньше такого не было, так как не умели их делать — пекли только сдобные ватрушки. До среды песен не пели, гуляли молча. Никаких особых пасхальных песен или обычаев А. И. Липина не помнит (д. Большое Сескино, записано от Афросинии Липиной, 65 лет).

2. На Пасху ни куличей, ни пасхи не делают, яиц не катают. Устраивают качели, и парни с девками качаются (д. Лом, 1928 г., записано от А. Шибановой, 56 лет).

Вьюнец⁹⁷

Вьюнец принадлежит к старинным русским обрядам, совершаемым в честь молодых (новобрачных). Остатки этого обряда сохранились у терюхан в детской среде как игра и обы-

чай ходить за кольцами, яйцами или пряниками к молодой, которая, вернувшись из гостей от матери, дарила свекрови шушпан, деверям — по полотенцу, а детям — кольца, яйца и пряники. Обычай этот существовал почти во всех терюханских селениях еще в 1927 — 1928 гг. (Мигалиха, Ольгино, Надеждино, Сиуха и др.) и был приурочен к Радужному воскресенью⁹⁸, последнему дню пасхальной недели.

По литературным данным, этот обычай в прошлом столетии существовал также в Семеновском уезде Нижегородской губернии, где его справляли в субботу на пасхальной неделе. Там поселяне собирались с рассветом за околицей, а потом толпой ходили по улицам. Подходя к дому молодых, они пели песни. Молодые угощали взрослых вином, а детей одаривали деньгами. Вечером на эти деньги покупали вино и пряники. Девицы водили хороводы, а парни бились на кулачки партиями и боролись один на один*.

За вьюницей ходят к молодой в Радужное воскресенье девчонки и ребятишки [и] поют:

Молода, молодa, давай вьюницу,
Если не дашь, заслон унесу,
В грязь затопчу.
Бог даст, родишь девушку Пелагеюшку,
А если дашь, парня родишь.

(д. Ольгино, записано от Прасковьи Кашиной, 55 лет)

* * *

Вьюничка, Вьюничка, где молодa, дай яичко,
Кашу простужу, заслон унесу,
Молоду уведу.

(с. Арманиха, записано от Е. Галушиной, 48 лет)

Молода, молодa,
У тебя сегодня вьюница.
Давай пряник, а то
Коромысло унесем.

(д. Лом, записано от Шибаяевой, 53 лет)

Молода, молодa,
Дай кольцо.
Не дашь кольцо,
Уведем в конец.

(д. Большое Сескино, записано от А. Кулагиной, 45 лет)

* Сахаров [И. П.] Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2, кн. 7. С. 81 — 82. — *Прим. авт.*

День Георгия⁹⁹ — 23 апреля (ст[арый] ст[иль])

К этому дню приурочен выгон скота в поле. Если погода неблагоприятна, то выгоняли в другие дни, за исключением того дня, в который было Благовещение. При выгоне своей скотины хозяин дарил пастуху яйцо. С выгоном скота в поле связан ряд поверий, примет и магических действий.

1. При выгоне скота в поле, скот хлещут слегка вербой. Существует поверье: «Вербой не бей, а так шугай», а то скотина сохнуть будет.

В день, когда скотину выгоняют, сам гони, другому никому не давай, а то червяки в скотине заведутся (д. Малое Сескино, записано от Анны Баженовой, 50 лет).

2. На Егорьев день происходит окуривание коров из горшка с ладаном.

Хозяин, обойдя свой скот и окурив его во дворе ладаном, прогоняет в ворота, под которые кладут косырь¹⁰⁰ и веревку (д. Большое Сескино, записано от А. Солдатовой, 80 лет).

Николин день¹⁰¹ — 9 мая (ст[арый] ст[иль])

На весеннего Николу после обедни молодежь шла в дол¹⁰², где собиралось до 5 деревень. Разбившись на группы по своим деревням, молодежь водила хороводы и начинала «перекоряться» — петь песни, в которых корили чужую деревню и хвалили свою. Вечером уходили гулять по своим деревням. Молодежь из д. Лом ходила гулять в рощу, где было старое мольбище, и до сего времени сохранились остатки желобов, по которым бежала вода (д. Макраша, записано от Н. Артюхиной, 65 лет).

Иванов день¹⁰³ — 24 июня (ст[арый] ст[иль])

Иванов день в быту не отмечали. Старухи рассказывали, что в Иванову ночь цвел папоротник, и кто его сорвет, тот будет счастлив (д. Большое Сескино, записано от А. Липиной, 65 лет).

Вознесение¹⁰⁴ — сорок дней после Пасхи

Православный праздник Вознесение отмечен в быту теорухан чрезвычайно слабо. С ним связано, как и со всяким другим праздником, гулянье молодежи и печение блинов.

На Вознесение пекли блины из большой квашни, с блинами выходили раньше в огород или в поле. Вынесут блины и начнут молиться, а блины в стопки высокие накладывают. По стопам этим Христос должен как бы на небо вознестись. Давно

это было, и церковей тогда почти не было (с. Мигалиха, записано от А. Афонинной, 70 лет).

На Вознесение ходят в с. Терюшево, где празднуют престол¹⁰⁵. В Терюшеве собирается базар. Молодежь гуляет, водит хороводы, поет круговые песни (д. Большое Сескино, записано от Е. Кулеминой, 30 лет).

Семик

Семицкие обряды в терюханских селениях были приурочены к седьмому четвергу после Пасхи, перед праздником Троицы. Обряды эти складывались из целого ряда действий, но бытовали далеко не в равной степени в терюханских деревнях. В одних селениях они исчезли из быта лет 10 — 15 назад и заменялись гуляньем по селу; в других еще частично бытовали среди взрослых и, наконец, в третьих, перешли в детскую среду.

Основным моментом в праздновании Семика у терюхан был культ дерева: это выражалось в украшении березы, реже елки и другого растения, например репья, гуляньи с ним по селу, завивании венков¹⁰⁶, кумлени¹⁰⁷. Не менее важным моментом было приготовление яичницы и обед в лесу или в поле. Наконец, в некоторых местах (с. Сарлей и д. М[алое] Сескино) существовал обычай делать из глины, тряпок или соломы человеческие фигуры Семика и Семичихи¹⁰⁸, которые и являлись главными героями праздника; их носили по селу вместе со срубленным деревом, вокруг них плясали и пели.

Записи семицких обрядов, сделанные мной в терюханских селениях в 1927 — 1928 гг., почти целиком совпадают с записями, сделанными в различных уездах Нижегородской губернии в середине прошлого века и хранившимися в архиве Русского географического общества. Таковыми являются записи, сделанные в Сергачском уезде, селах Пожарки и Ачка; в Арзамасском — с. Красном; Княгининском — с. Покров. Последнюю мы приводим дословно: «В Семик (седьмой по Пасхе четверг) девки ходят с яичницей в лес, где прежде всего съедают под кустом яичницу, потом подходят по две к березе, свивают из мягких прутьев кольцо несколько побольше человеческой головы (так называемый венок). Снимают с рук по кольцу или по перстню, соединяют их сквозь березовый листок в середине венка и, целуясь сквозь него, говорят: „Покумимся, кума, подружимся, кума, полюбимся, душа“ и, немного поигравши, уходят домой»*.

* Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1915. Вып. 2. С. 727, 774, 805, 815. — *Прим. авт.*

В деревнях Васильевского уезда в 1860-х гг. ко дню Семика делали Семика с Семичихой, то есть чучело мужчины в красной рубахе и плисовых¹⁰⁹ шароварах и чучело женщины в сарафане. Утром в четверг выносили их с песнями в поле, где ставили под дерево. Пришедшие садились вокруг Семика и Семичихи и пели, а затем водили хороводы, целовали Семика с Семичихой и друг друга, плясали, завивали венки, которые клали вокруг Семика и Семичихи.

В деревнях Арзамасского уезда в 1850-х гг. «В Семик девочки 8 — 10 лет, собравшись толпой, наряжали кукол во весь женский праздничный наряд и относили их на носилках в лес с песнями, в которых заключалась горесть о лишении весны, а с нею и всех ее гуляний»*.

1. Семик празднуют в четверг перед Троицей. В праздновании Семика принимали участие раньше, лет 5 назад, взрослые девки по 15 — 16 лет. В настоящее время завивают венки маленькие девочки лет 10 — 12. Накануне Семика к вечеру топят баню при какой-нибудь избе. Во время топки лепят из глины Семика и Семичиху — человеческие фигуры размером 18 — 20 вершков¹¹⁰ и ставят их на крышу бани.

Раньше глиняные куклы тоже мыли, когда сами парились, теперь этот обычай исчез. Моются обычно по два человека, из-за тесноты, остальные ждут. После бани пьют морковный или малиновый чай, а перед чаем съедают по яйцу (всяк свое несет: хлеб, сахар и чашку). После чая идут в гарь¹¹¹ за березой, которую украшают лентами, бусами, цветной бумагой. Иногда вместо березки берут сухой репейник с гумна, который весь обвивают разноцветной мелко нарезанной бумагой и мишурой. Нарядивши березку накануне Семика, ставят ее в ведро, чтобы она не завяла. Бывают случаи, когда березку рядят в четверг утром. После этого начинается сбор яиц и по одному стакану молока. Кто сам приносит, к кому идут на дом. Все собранное отдают тому, кто стряпает яичницу. Гулять по селу начинают после обедни. В четверг, надев новые платья, девушки выбирают коренную¹¹², которая идет или сбоку, или впереди и несет венок, так называют березку. Потом венок несут по очереди. При гулянье по селу поют причитки¹¹³. Походив по улице, идут в огород есть яичницу. Располагаются под вишнями или рябиной. Яичницу готовят в избе, а в огороде едят, прямо кладя на луг. Каждый берет ложку и кусочек лепешки.

После того как съели яичницу, начинали кружиться, затем шли с яйцами в озимь¹¹⁴, под Борцово. Мать варит каждой

* Зеленин Д. К. Описание рукописей... С. 801. — Прим. авт.

девушке по яйцу, иногда яйца красят. Завязавши рожь, катают в сделанные ворота друг против друга яйца, когда яйца стукнутся, то девушки целуются. Обычно венки несли с собой в рожь и втыкали в землю. После того, как все поцелуются, — уходят домой. С березки снимали ленты и украшения, каждая брала свое. Репей обычно оставляли на крыше или на чердаке, березку бросали (с. Сарлей, записано от П. Москуновой, 45 лет).

2. В праздновании Семика еще три года назад принимали участие девушки лет по 16 — 18. Теперь в праздновании Семика принимают участие девочки 10 — 12 лет. Накануне Семика срезают березку, обряжают ее тряпками и лентами. На следующий день с березкой и пением песен идут после обеда в лес, одевшись в праздничные наряды. В лесу водят хороводы вокруг венка (березки), поют круговые песни. Покружившись вокруг березки, начинают завивать венки, каждая девушка завивает венок на отдельной березе на высоте собственной головы. После завивания венков начинают есть яичницу. Для яичницы еще накануне Семика девушки набирают яйца и молоко и, отдав сварить матери одной из участниц праздника, берут ее с собой в лес, запасаясь каждая ложкой и плоской. Из леса березку уносят назад домой и ставят в погреб, чтобы она не завяла до Троицы. Иногда яичницу едят не в лесу, а, возвратившись с березкой домой, в деревне, на гумне или в огороде. Семика и Семичиху в настоящее время в деревне не лепят (д. Большое Сескино, записано от Авдотьи Кулеминой, 60 лет).

3. Раньше, несколько лет назад, в праздновании Семика принимали участие большие¹⁵ девки. Накануне, то есть в среду перед Троицей, делали Семика и Семичиху из тряпок или из соломы. При гуляньи обычно их не сажали на березу, а несли на руках. На Семик утром девки брали яичницу и шли в огород. Там завивали траву и завязывали ее ленточками. При завивании травы катали яйца, приговаривая: «Я качу, качу золото яйцо, я не выкачу. Я мячу, мячу золото кольцо, я не вымачу». После троекратного катания целуются. Поев яичницы, брали Семика и Семичиху и шли гулять по селу с пением песен. Дойдя до дома, ставили березку и кружились вокруг нее с пением песен. Березку сохраняли до Троицы. На Троицу вокруг нее водили хороводы, а затем развивали и бросали ее (д. Малое Сескино, записано от П. Кашиной, 56 лет).

4. Накануне Семика срубают березу, собирают с каждой участницы праздника по яйцу и молока для яичницы. Березку еще накануне наряжают лентами и шьют Семичиху из тряпок величиной с $1/2$ аршина¹⁶. Семичиху сажают на венок (березку), иногда пришивают для крепости и ходят с ней по деревне. В самый Семик, часов в восемь утра, едят яичницу

под черемухой в огороде. С яичницы снимают пенку и вешают на ветки черемухи. По поверью, это «краса», которую должна утащить птичка. После яичницы едят молочную кашу. Парни не принимают участие в обеде и подходят к девушкам уже во время гулянья по селу. Девки вместе с ребятами ходят с березкой в лес, где кружатся вокруг березки. Вернувшись с березкой в село, гуляют по улицам, а потом оставляют во дворе до Троицы, когда и происходит развивание березки (д. Макраша, записано от Н. Артюхиной, 65 лет).

5. Накануне Семика девушки приносят в одну избу яйца и молоко. В старину вечером накануне Семика ходили в лес срубать березку, теперь чаще берут елку, которую еще накануне сряжают¹⁷ в тряпочки и в грамотки¹⁸. С яичницей, приготовленной утром в день праздника, идут в рожь, где едят яичницу и кружатся вокруг елки. Потом начинают ходить по деревне. Березку или елку носит одна из девушек, коренная, которая побойчее. Девушки ходят по деревне и поют частушки. Украшенную березку и елку ставят для красы на крышу и сохраняют до Троицы (д. Ольгино, записано от Прасковьи Кашиной, 60 лет).

6. Семик в настоящее время празднуют только девочки. Делают яичницу с молоком и едят накануне Семика в огороде под яблоней. На самый Семик рядят репей, носят его по деревне, а затем идут с ним в рожь. Во ржи плетут косы и на следующий день бегают смотреть: у кого прежде коса расплетется, того прежде замуж отдадут. Когда ходят по деревне, то поют песню:

Со вьюном я хожу,
С золотым я хожу,
Я не знаю, куда вьюн положить.
Положу я вьюн на правое плечо,
Я со правого на лево переложу,
Я ко молодцу иду, иду, иду.

Украшенный репей разряжают в этот же вечер и бросают (д. Винный Майдан (русская), записано от Анны Матрешкиной, 45 лет).

7. Пожилые люди в Семик ходили на старое языческое мольбище в лес и там молились и угощали друг друга сваренной к этому дню брагой. Брагу наливали в братчину — большую деревянную чашку. Ковши, из которых пили брагу, были деревянные точеные с ручками, а на концах ручек прикреплены монеты. Когда молились, то кланялись и понемногу браги плескали на землю, приговаривая: «За помин души родителей» (д. Большое Сескино, записано от Ольги Машонковой, 72 лет).

Троица

Обряды, связанные с днем Троицы, являются непосредственным продолжением семицких обрядов, которые в этот день заканчиваются прощанием с березой и развиванием венков.

1. На Троицу те же девушки, что и на Семик, берут березку и идут в то же место, куда в Семик ходили завивать березку, смотрят, у кого она развилась, а у кого нет. У кого березка развилась, тот скоро умрет. Придя домой, березку развивают, снимают ленты и тряпки, а березку в пруд или в реку бросают. Если березка утонет, то помрешь скоро (загадывают на кого-либо) (д. Большое Сескино, записано от Авдотьи Кулеминой, 60 лет).

2. После обедни эта же компания девок, что и на Семик, берет по яйцу и идет на то же место, куда ходила на Семик развязывать рожь. Если рожь развита, то кто-нибудь умрет. Теперь уже не ходят развивать рожь, а уходят в «понегу» в лес, где гуляют после обедни (с. Сарлей, записано от Марии Размаховой, 42 лет).

3. На Троицу и в Духов день¹¹⁹ ходили в лес, в луга, в «понегу». Березку сряжали: пронизки¹²⁰ вешали, кумры, ленты. Березку не рубили, а кругом нее в лесу хороводы водили и песни пели. Парни и девки сплетали венки из цветов и на березку вешали (д. Лом, записано от Шибановой, 56 лет).

4. Девушки из мордовского конца нашей деревни не ходили завивать венков на Троицу, а только смотрели, как девушки из дубенского конца (русские) заплетали венки, надевали их на голову и бросали в воду, при этом пели: «Все бат венки поверх плывут, а мой потонул; У всех мужья домой идут, а мой не бывал» (д. Борцово, записано от Анны Прошиной, 45 лет).

Ярило¹²¹

Праздник в честь Ярилы сохранился в памяти терюханского населения чрезвычайно слабо. В большинстве деревень о нем не знают. Празднование Ярилы происходило, по воспоминаниям отдельных лиц, на заговенье¹²² (первое воскресенье после Троицы). В лесу или в лугах на определенной поляне устраивались игрища и пелись песни про Ярилу. Само название Ярилы ни один из рассказчиков объяснить не мог. В настоящее время всякая связь игрищ на заговенье с именем Ярилы утратилась, и хотя гулянье и игры молодежи происходят до самого последнего времени в определенный день на местах празднования старого Ярилы, но они носят местное название — праздник «Луга».

1. Праздник Ярилы справлялся лет 25 тому назад. Празднование Ярилы происходило в те дни, когда солнце доходит до своего высшего состояния. В эти дни междупарья¹²³, когда солнце принимает тепло, и праздновали Ярилу. Празднование происходило в Петровом бору и в Рудолихе. На празднике пили брагу, водили хороводы. Подробности праздника рассказчик не помнит (д. Надеждино, записано от Я. Беспалова, 67 лет).

2. Ярило бывает в воскресенье после Троицы. Влесок ходили, куда торговцы съезжались. В старину в с. Сиуха песни пели про Ярилу, а теперь уж и песни ни одной не помнят (д. Касаниха, записано от Е. Галкиной, 76 лет).

3. Ярилу празднуют в заговенье, ходят в «понегу», теперь этот праздник называют «Луга» (д. Клюиха, записано от Клавдии Митрохиной, 50 лет).

В первое воскресенье после Троицы (заговенье на Петров пост) в лугах устраивался базар, приезжали торговцы. Происходили гулянья и игрища, смотрели невест. Девушки и парни из окрестных деревень: Борцово, Клюиха, Большое Сескино, Чертовка, Макраша и др[угих], водили хороводы в последний раз перед постом. В некоторых деревнях (с. Сиуха) в старину в этот день праздновали Ярилу. У населения сохранились лишь смутные воспоминания об этом празднике и его названии (с. Сиуха, записано от Марии Афанасьевой, 60 лет).

Петров день

Обряды, связанные с Петровым днем, в обследованных нами терюханских селах и деревнях однотипны. Следует знать, что в соседних русских деревнях и терюханских селениях, подвергшихся наибольшему влиянию русской культуры, как то: д. Лом, Инютино, с. Сарлей и др[угие], обряды Петрова дня почти забыты, и только в редких случаях сохранились как детская игра. Наиболее полные записи удалось сделать в деревнях Большое и Малое Сескино. В некоторых местах, например [в] с. Арманиха, мы наблюдаем пеструю смесь семицких и петровских обрядов, приуроченных к Петрову дню.

1. Утром во время обедни на Петров день девки идут в лес за ягодами и травами, срезают папоротник, березовые ветки, собирают траву: уразницу¹²⁴, ромашку, иван-да-марью¹²⁵, липовый цвет, матренку-божью слезку¹²⁶, дикий хмель, серпову траву¹²⁷ и другие. Перед обедом топят баню. Во время мытья красят в чугуне яйца в крапиве и в цветах, а собранную траву варят. Теперь иногда из ягод варят в бане варенье (раньше обычая этого не было). Парятся вениками из березы, папо-

ротником, иван-да-марьей. После бани веники бросают через голову на крышу. Существует поверье, если веник далеко упадет, то далеко замуж выйдешь, если близко упадет, то девушку отдадут близко. После бани в предбаннике или около бани пьют сваренные травы с ягодами и сахаром и едят яйца. В некоторых деревнях в этот день девки угощают ребят после бани травами и яйцами, а ребята угощают девок квасом в ближайшее воскресенье (д. Большое Сескино, записано от Е. Коноваловой, 67 лет).

2. На Петров день баню топили, травы парили и яйца варили. Девки мылись и в каждом отдельном горшке траву парили. После бани, выставив горшки с травами на лужайке, пили из них, давали пить и посторонним для здоровья. Веники через голову бросали. У кого веник далеко упадет, того далеко отдадут, у кого близко — того близко отдадут. Раньше в проведении этого праздника принимали участие девушки-невесты, а теперь лишь небольшие девочки (д. Малое Сескино, записано от А. Машонковой, 60 лет).

3. До настоящего времени на Петров день в деревне почти в каждом доме утром топят баню. Некоторые девчата ходят в лес за ягодами. Собирают чернику и землянику. В бане варят яйца и красят перьями лука, цветами ветреницы¹²⁸ (желтый цветок). В бане девчата моются и парятся березовыми вениками. После бани едят яйца и пьют чай (д. Ольгино, записано от Прасковьи Кашиной, 55 лет).

4. В Петров день баню топили, яйца варили и яичницу жарили. Девки артелью собирались и ходили утром за ягодами и травами. Иван-да-марью и болотную траву рвали (названия ее не припомню). Этими травами яйца красили и ребят угощали. В настоящее время баню уже не топят, а гуляют артелью с гармонью по деревне, а потом «в понегу» ходят (с. Сиуха, записано от Степаниды Свекловой, 52 лет).

5. На Петров день взрослые уже не красят яйца, а только маленькие ребята берут траву иван-да-марью, складывают в чугуны, опускают туда яйца и ставят в печь, потом парятся в бане, пьют чай и едят яйца. Девки же с ребятами обливают друг друга из ведра водой (д. Лом, записано от Екатерины Алексеевой, 46 лет).

6. На Петров день у нас травы варили. Березку в лесу ломали, а дома удельвали ее в ленты, грамоты и около бани ставили. Яйца конопляником красили. Девки ребят угощали, а ребята девок конфетками одаривали. Для чая зверобой-траву заваривали и яичницу с молоком на закуску делали (с. Арманыха, записано от Екатерины Галушиной, 48 лет).

7. В старину на Петров день кашу варили; девки выкупали кольца и обручья¹²⁹ у ребят за яйца (д. Инютино, от Елены Аксеновой, 62 лет).

Ильин день¹³⁰ — 20 июля (ст[арый] ст[иль])

В Ильин день девочки ходят за горохом в поле. Рядят полевого¹³¹, который их ловит и снимает с них платки (с. Сиуха, записано от Степаниды Свекловой, 52 лет).

Преображение¹³² — 6 августа (ст[арый] ст[иль])

На Преображение служат молебен и освящают рожь и яблоки. Зерна освященной ржи кладут в семена, которыми сеют (с. Сиуха, записано от Анны Ереминой, 60 лет).

Флор и Лавр¹³³ — 18 августа (старый стиль)

На Флора и Лавра служат молебен в церкви и кропят лошадей святой водой. На лошадях в этот день не работают (лошадиный праздник) (с. Сиуха, записано от Е. Мамаевой, 50 лет).

*НАНИИГН. И-945.Л.30 — 77.
Машинопись. Подлинник.*

ДОХРИСТИАНСКИЕ ВЕРОВАНИЯ

Православие, прививаемое мордве на протяжении двух столетий с таким упорством русской церковью, хотя официально и было закончено в XIX в., но оно не принесло желаемых результатов и продолжало оставаться официальной религией, внешним, легко снимаемым пластом, наложенным поверх дохристианских языческих верований¹³⁴. Терюшевская мордва, пожалуй, больше, чем какая-либо другая группа мордвы, испытала на себе воздействие со стороны царского правительства, помещика и церкви. Район, заселенный мордвой-терюханами, был центром культурно-просветительной работы монастырей и их епископов. Здесь, как мы упоминали в своей вводной статье, жил и участник терюшевского восстания Кузьма Алексеев, известный под именем «Кузька — мордовский бог». Память о нем до настоящего времени сохранилась в среде местного населения. С его именем связывается возрождение общественных языческих молений, восстановление обрядовой стороны в религии с проницанием в нее новых сектантских моментов.

В результате такой исторической обстановки мы имеем в мировоззрении населения пеструю смесь, тот богатый синкретизм¹³⁵, который слагался веками из религиозных языческих преданий, примитивных магических культов, христианских молитв и церковных обрядов.

Уйдя из общественной жизни населения, религия продолжает задерживаться в семейном быту и индивидуальной психике крестьянина в качестве поверий, примет и внешних, уже утративших свой смысл, обрядов.

Предания и рассказы о языческой вере мордвы-терюхан записаны нами отрывками. Давно ушедшие из быта, они сохранились лишь в памяти старшего поколения деревни. Мордовские моления носили общественный характер. В них принимало участие население одной, а иногда и нескольких деревень. Происходили они обычно в лесу на определенном мольбище, которое существовало почти около каждой деревни. На молениях закалывался скот, устраивался общественный обед и пелись молитвы. Позднее моления начинают приурочиваться уже к христианским праздникам и отдельным святым: Николе, Егорию, Михайлову дню¹³⁶ и так далее. Кузьма Алексеев, по рассказам населения, способствовал организации молений и был главным в них участником.

Ни один рассказчик не мог сообщить нам уже более подробно о мордовском пантеоне древних богов, ни деталей ритуала, ни молитв. Сохранившиеся записи в церковных книгах с. Сарлей также не дают представления о религиозном содержании движения мордовского бога Кузьмы. Вследствие чего приводимые ниже материалы, даже неполные, интересны как исторические документы для освещения религиозных моментов в жизни мордвы-терюхан.

1. В старину молились в избах, став лицом к окошку. При этом поднимали обе руки и, обратив ладони клицу, говорили: «Чанка пас*, помилуй нас!».

В праздники все собиравлись на мольбище, расположенном вблизи с. Сиуха. Мольбище находилось на мысе, образованном двумя сходящимися оврагами. Там была небольшая роща, в которую на моление собирався народ со всех окрестных деревень. Выбирали полуторагодовалого быка, которого торжественно вели к мольбищу. Впереди мужики несли на снятых воротах дудальщика, игравшего на дуде. Сзади вели обмотанного холстом быка. Никто не смел ударить его кнутом или понукать. Если бык не шел, то ему молились: «Чанка паз, помилуй нас, чанка паз, помилуй нас!». На мольбище убивали быка, а затем мясо варили и ели. Здесь же пелись старинные песни, одна из которых называлась «паз моро» — божья песня. Слов ее рассказчик не помнит (с. Сиуха, записано от Семена Павловича Миревитова, 60 лет).

2. Дедушка Иван помнит еще, как в старину молились перед окнами, несмотря на то, что иконы были. Две руки прикла-

* Так в документе. Правильно: Чипаз (э) — бог солнца у мордвы.

дывали к плечам. Слышал он от старых людей, что на мольбище, расположенном недалеко от с. Арманиха, приводили быка, подпирали, когда вели, полотнцем спереди и сзади. На мольбище убивали его. Подыскивали разных быков: одни молились пестрым, другие — черным, третьи — белым. На мольбище пиво и брагу варили; все свои чашки и хлеб приносили (д. Надеждино, записано от Ивана Колесова, 70 лет).

3. В старину моления происходили в лесу. Место, где молились, огораживали жердями. На жерди натягивали холсты. Внутри круга зажигали небольшой костер. На мольбище приносили всякой еды — хлеба, яиц, вина, браги. Во время молитвы пели «паз моро» (божья песня) и обращались к богу со следующими словами:

Ясно, красно солнышко,
Светел месяц-батюшка,
И часты-то звезды,
Сам бог — Саваоф.
Кузьма, Демьян,
Михаил Архангел,
Крылатый ангел,
Спаси нас, сохрани.

После молитвы устраивался обед. Ели, пили, а принесенные с собой горшки разбивались на месте сборища, обратно с собой не уносили (д. Малое Сескино, записано от Е. Блошиной, 70 лет).

4. Давно уже это было, лет 50 тому назад, а то и более. На мольбище кололи корову или быка, мясо накладывали в котлы и варили. Когда уварится мясо, возьмут, бывало, дуду и играют, и кругом ходят, а потом садятся обедать, весь приходивший народ кормят. В лесу была особая круговина, где все это происходило. После обеда шли домой с дудой. Весь народ идет и поет: «Паз и Варепаз*!» Все Кузьку-бога вспоминали (д. Макраша, записано от Т. Серовой, 70 лет).

5. Когда был Кузьма-бог, то ходили в Семик, в Петров день, на Масленицу на мольбище в лес. Там был дуб, около которого и молились.

У деревни Макраша лет 50 тому назад была моленная поляна, старое кладбище. На Егорьев день приводили туда быка, завернутого в холст. Ставили котлы, в которых варили обед. Обводили быка вокруг котлов, при этом один главный, вроде попа, играл на дуде «паз моро».

Все это происходило днем. Участвовали в молении и женщины, и мужчины.

* Так в документе. Правильно: Верепаз — верховный бог у мордвы.

После того, как проиграют на дуде и обведут быка кругом котлов, закальвают его, а мясо варить начинают. Потом обедом всех угощают.

Лет 25 тому назад продолжали еще ходить, но уже без быка, руками махали, приговаривали: «Чамбас Велимбас — Егорий Храбрый, молися о нас!» (д. Большое Сескино, записано от Е. Мамаевой, 75 лет).

6. Кузька-бог жил на келье на мольбище в лесу, недалеко от деревни Большое Сескино.

В Михайлов день варили брагу, занавешивали окна в избах, молились и пели духовные песни. За Кузькой посылали отца бабушки, который считался Кузькиным кучером и возил его на мольбище и по деревням (д. Большое Сескино, записано от Марфы Ворулиной, 70 лет).

7. Вероятно, не так давно мордва была языческой, на что указывают некоторые обряды, которых придерживалась терюшевская мордва, уже будучи православной.

Заранее к молениям, устраиваемым Кузькой-богом, варили мясо и различные каши, пекли пшенники¹³⁷, пироги, готовили брагу. Каждый из участников моления брал с собой все эти припасы и обязательно кувшин или бурак¹³⁸ браги. Когда все были в сборе у священного дуба, то около него расставляли в ряд бураки и кувшины и к ним прикрепляли зажженные восковые свечи, весом фунтов по 5 каждая. Моление начиналось. Молились стоя на коленях, махая руками на себя. При этом пелись особые молитвы. Затем наступал перерыв, в продолжение которого все ели и пили, и обязательно каждый угощал своего соседа по молитве. Потом моление опять продолжалось (Выписка из Церковно-исторического и статистического описания церкви и прихода с. Сарлей Нижегородского уезда, 1915 г.).

*НА НИИГН. И-945. Л. 78 — 83.
Машинопись. Подлинник.*

ОБРЯДЫ, ОБЫЧАИ И ПОВЕРЬЯ, СВЯЗАННЫЕ С СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ, БОЛЕЗНЯМИ ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХ

Опахивание¹³⁹

Обряд опахивания в прошлом столетии был широко известен в Нижегородской губернии и бытовал как у русского, так и у мордовского населения. В 40-х и 50-х гг. XIX в. в Мака-

рьевском (с. Троицкое)* уезде Нижегородской губернии опахивание не раз совершалось от падежа скота.

В Сергачском уезде во время эпидемии холеры в 1830, 1848 и 1852 гг. девицы после заката солнца опахивали сохой вокруг своих селений**.

Имеются указания, что обряд опахивания бытовал в Семеновском, Княгининском и других уездах Нижегородской губ[ернии]***.

Обряд опахивания широко бытовал у саратовской мордвы****. При описании обряда встречаются указания на то, что раньше он совершался в Нижегородской губернии ежегодно по окончании ярового сева****. Вполне вероятно, что постепенно уходя из быта, он стал возобновляться лишь при общественных бедствиях. Несомненно и то, что в более раннее время обряд этот был чисто языческий, и принимали в нем участие исключительно женщины. С внедрением православия в ритуале магического обряда появляются православные, церковные элементы. При проведении борозды сохой берут образа, читаются молитвы. Опахивание стало совершаться не только при участии, но иногда и при непосредственном руководстве священника.

Обряд опахивания у терюхан, по рассказам населения и церковным записям, перестал бытовать лет 25 — 30 назад. Среди населения сохранились еще яркие воспоминания о нем. В 1927 и 1928 гг. живы были его участники и современники. Обряд опахивания у терюхан, на основании сделанных записей, носит на себе черты двоеверия и отражает влияние православия, он представляет смесь церковных обрядов с древней магией.

1. Предохранением от людских болезней является опахивание деревни. Старые девки запрягались в соху и обходили деревню (д. Большое Сескино, записано от Авдотьи Кулеминой, 60 лет).

2. Лет 20 тому назад в нашей и окружных деревнях был мор на скотину. Ночью украдкой, чтобы никто не знал, опахивали деревню. Собиралось человек 10 — 15 женщин. Одевали чистую одежду и «до ветру» в ней не ходили. Выбирали опахивать девушек, вдов и одиноких старушек (старых дев). Все расплетали волосы. Одну из старых дев впрягали в соху и

* Зеленин Д. К. Описание рукописей... С. 759. — Прим. авт.

** Там же. С. 722. — Прим. авт.

*** Там же. С. 744, 755. — Прим. авт.

**** Маркелов М. Т. Саратовская мордва (этногр. материал) // Саратов. этногр. сб. Саратов, 1922. Вып. 1. — Прим. авт.

***** Зеленин Д. К. Описание рукописей... С. 796. — Прим. авт.

надевали ей на шею хомут, а вдовец мужчина, лет 70 — 50, держался за соху. Сохой проводили рубеж кругом деревни. Остальные, держась за руки, шли за ними. Иные святой водой кропили. И верно! После этого бог сохранил от мора. На моем веку опахивание два раза было (д. Ольгино, записано от Аграфены Каузовой, 65 лет).

3. Во время мора Екатерина помнит, как старухи деревню опахивали лет 50 тому назад сохой и лопатой. Днем же выходила опахивать вся деревня. Старые девки и вдовы вместе с сохой обносили вокруг деревни икону, и мор прекращался, но об этом уже плохо кто помнит (д. Лом, записано от Екатерины Солдатовой, 80 лет).

4. В 1884 г. холера посетила здешние края и свирепствовала главным образом в [д.] Большое Сескино, где вымерло в большом количестве население, особенно мужское. Жители Сескина пришли в ужас от такого бедствия, и этим воспользовалось духовенство с. Сарлей. Священник стал заезжать в деревню и уговаривать жителей отказаться от своей веры, говоря, что болезнь эта послана в наказание за неверие.

Доведенные до отчаяния жители Сескина согласились совсем отказаться от прежней мордовской веры. И вот, чтобы оградить деревню от болезни, священник с. Сарлей попросил двух грамотных мужиков и нескольких старых дев принять участие в опахивании Сескина. Опахивание Сескина происходило в течение трех ночей следующим образом: впереди шли священник и двое мужиков с молитвенниками в руках и читали молитвы, а за ними несколько старых дев с распущенными волосами везли соху.

Этот обычай опахивания деревни держался в Сескине долгое время, и, говорят, что в последний раз опахивали деревню лет 6 — 8 назад от падежа скота (Выписка из церковно-исторического и статистического описания церкви и прихода с. Сарлей Нижегородского уезда, 1916 г.).

Обряд получения «живого» огня¹⁴⁰

Обряд получения «живого», или дубового, огня хорошо сохранился в памяти терюханского населения, хотя он и перестал бытовать. По имеющимся данным, еще в начале XX в., на основании сделанных нами коротких записей, можно заключить, что его проводили одинаково в обследованных нами селениях, за исключением деталей, которые, к сожалению, не удалось проследить.

Как и опахивание, обряд вытирания¹⁴¹ древесного огня совершали с предохранительной целью от свирепствовавшей в этом районе холеры и при море (заразной болезни) на скот.

Обряд этот, как мы увидим ниже, состоял в добывании при помощи трения древесного огня и окуривания дымом можжевельника проводимых через вырытые земляные ворота животных и людей. Обряд вытирания древесного огня известен и у других народов Поволжья, например у чувашей, — под названием «обряд прохождения в земляные ворота» или «прохождение сквозь землю»*. В половине прошлого столетия обряд этот широко бытовал на территории Нижегородской губернии в Сергачском, Макарьевском, Лукояновском уездах**.

При совершении обряда вытирания живого огня так же, как и при опахивании, мы наблюдаем в нем целый ряд христианских церковных моментов, например: участие священника, кропление скота святой водой, укрепление в воротах иконы и т. д. Эти элементы проникли в обряд позднее с внедрением православия и отложились на дохристианском культе.

1. В 1840 г. была холера, которая успела унести $\frac{2}{3}$ всего населения деревни только мужского пола. Народ был в унынии, испробовали все суеверные средства к прекращению холеры — ничто не помогало. Тушили огонь во всей деревне, добывали так называемый дубовый (священный огонь) от трения дуба о дуб, проходили через этот огонь сами и перегоняли скот, но ничто не помогало (Выписка из церковно-исторического описания церкви и прихода с. Сарлей Нижегородского уезда, 1915 г.).

2. Во время эпидемии, или скотского мора, между оврагами, ограничивающими мольбище, вырывалась канава, по которой перегоняли скот и переходили люди. По обе стороны канавы зажигали кучи можжевельника. Огонь для этого добывался путем трения. Делали деревянный вал, на него наматывали пеньку, которую тянули в разные стороны до тех пор, пока не появился огонь (с. Сиуха, записано со слов крестьянина Семена Павловича Маревитова, 80 лет).

3. Обряд опахивания и обряд вытирания огня совершали еще при моей памяти. В бытность мою три раза была холера. Вытирали огонь из дуба и липы. У всех в деревне гасили огонь и начинали тереть. Долго огонь не загорался. Наконец загорелся, засветили свечку. Начали молебен служить и печи топить. Прорыли в земле ворота, под воротами поставили икону, по обе стороны можжевельник жгли, и попы стали прогонять скотину. После этого и мор прекратился (с. Арма-ниха, записано от Петра Арапина, 90 лет).

* **Прокопьев К. П.** Обряд прохождения в земляные ворота (из быта чуваш[ей]) // Изв. О-ва арх[еологии], истории и этнографии при Императ. Казан. ун-те. Казань, 1903. Т. 19, вып. 1 — 6. С. 208. — *Прим. авт.*

** **Зеленин Д. К.** Описание рукописей... С. 722, 759, 778. — *Прим. авт.*

4. Помним, мор на скотину был. В деревне осталось только две коровы, и то потому только, что они были отделены на пчельнике. Огонь получили трением двух кусков дерева. В долу сделали прогон¹⁴², поставили столб с [иконой] Божьей матери и прогоняли по долу скотину, веря, что скотина исцеляется (д. Лом, записано от Екатерины Саломашкиной, 68 лет).

5. Лет 30 тому назад вытирали древесный огонь всем «опчеством»¹⁴³, при помощи двух стволов дерева. Разжигали костер, через который прогоняли скотину, предохраняя ее от падежа (д. Большое Сескино, записано от Е. Солдатовой, 80 лет).

Моления и обряды, связанные с дождем

Обряды, связанные с вызовом дождя, записаны нами в нескольких терюханских селениях. Одни из них связаны с дохристианскими общественными молениями и жертвоприношениями, которые совершенно ушли из быта, и в 1927 — [19]28 гг. сохранились лишь в памяти старшего поколения как рассказы о старине. Другие продолжали бытовать до самого последнего времени как поверья и обряды, приуроченные к празднованию православных святых (например, обливание водой на летнюю Казанскую¹⁴⁴ — 8 июля (по ст[арому] ст[илию]). Среди старшего поколения они продолжали еще играть роль магических заклинаний, а в детской среде бытовали как игра и шутка.

Мне самой в 1927 г. в с. Сарлей пришлось наблюдать, как во время засухи при первых каплях упавшего дождя старухи обливали водой встречающихся по дороге односельчан и бросали первыми комьями грязи в окна, желая усилить этим оставившийся дождь, а дети брызгали друг в друга водой.

Наряду с этими пережитками древней магии, сохранившимися до 1929 г., у терюхан широко бытовали обряды православной церкви: крестные ходы, молебствия о дожде и так далее. Глубоко внедрившись в сознание населения, они требовали большой антирелигиозной и культурно-просветительной работы для своего скорейшего изживания.

1. Когда не было долго дождя, покупали миром хорошего быка и вели на мольбище. Если бык не шел, то его подпирали холстом, а бить нельзя было. На мольбище быка кололи, мясо варили и делили между всеми присутствующими. Суток двое, трое молились о дожде (с. Касаниха, записано от Евдокии Галкиной, 65 лет).

2. В старину ходили старухи и старые девы на мольбище молиться о дожде и свечку на дерево ставили. Лестовки¹⁴⁵ с собой брали и с ними молились. Годов с пятьдесят, как уже бросили.

3. Моление о дожде существовало 25 — 30 лет тому назад. Старухи, когда не было дождя, собирали «ошметки» от коровьего навоза и вешали на забор «пятками» (д. Большое Сескино, записано от Е. Солдатовой, 80 лет).

4. В летнюю Казанскую (8 июля), когда нет дождя, девки и ребята из ведра обливаются.

5. Во время засухи пожилые женщины отправлялись раньше на болото на лугу, вроде небольшого озера, хлестали по воде березовыми лозами, приговаривая: «Свята вода, дай дождя» (д. Лом, записано от Е. Саломашкиной, 68 лет).

6. Было время, когда была засуха, и* червь на яровом поле объявился. Взяли икону, обнесли поле, на мольбище молебен отслужили. Откуда ни возмись дождь пошел, и** прилетела птица и поклевала весь червь (д. Лом, записано от Е. Саломашкиной, 68 лет).

Обряды и обычаи, связанные с посевом и жнитвом

1. При проведении сельскохозяйственных работ прибегают к молебствию. Дождя нет, молебствие устраивают, в поле молиться идут. Прежде чем сеять, на поле молебен устраивают. Поп сам засеивает тем житом, которое освещает перед праздником. Маленькое куриное яйцо запикивают в рожь в межу, когда сеют рожь, чтобы спорыньи¹⁴⁶ не было (д. Инютино, записано от Анны Баженовой, 50 лет).

2. В тот день, как задумают жать, отслужат молебен после обедни. Поп выйдет в поле и прядочку¹⁴⁷ нажнет, а на следующее утро весь народ идет жать. Если руки болят после жнитвы начинают, то говорят про того, что он вышел вперед жать: «Вот пострел вышел вперед жать, оттого и руки болят» (с. Сиуха, записано от Л. Мамаевой, 60 лет).

3. Раньше молебен служили в поле, попу давали серп, и он зажинал, крестом клал горсточку, а потом все жать принимались. Зажинали¹⁴⁸ для того, чтобы предохранить себя от порезов (с. Сиуха, записано от А. Петриковой, 50 лет).

4. В старину зажинать посылали старушку, вдову. Она снопа два, три сожнет и крестиком сложит (с. Сиуха, записано от Е. Галкиной, 80 лет).

5. Зажинали вскоре после Петрова дня. В начале жатвы, еще за несколько дней, посылали в поле старушку, которая сжинала горсточку и выносила сжатый сноп на собрание. На

* В документе слова «была засуха, и» вписаны от руки над строкой.

** В документе слова «дождь пошел, и» вписаны от руки над строкой.

собрании обсуждали, когда пора идти жать. Старик-мужик утром в день жнитвы по домам ходил, приговаривая:

Бабушка-старушка,
Пекли ли Вы ватрушки?
Идите в поле жать.

(с. Арманиха, записано от С. Свекловой)

б. Когда начинали жать, то обычно собирали сход и выбирали кого-нибудь зажинать, у кого руки легкие. В первый день жатвы выбранный (чаще всего какая-нибудь старушка «чистой» жизни) шел в поле и сжинал один сноп. Уже после этого приступали к работе и все остальные (д. Большое Сескино, записано от А. Липиной, 65 лет).

Приметы

Если на Масленицу ясная погода, то уродится гречиха.

Если 1 марта (ст[арый] ст[иль]) [в] день Евдокии сосульки длинные — уродится лен.

Если иней на Святки, то будет урожай.

Если на Новый год на небе есть звезды, то уромятся орехи и горох.

Если зимой поле волнистое, то к урожаю.

Если сморчки на высоких ножках, то уродится просо.

Если на столбушках¹⁴⁹ опенка редкая шубка, то уродится овес.

Если в конце Масленицы погода, то гречиху надо сеять попозже, если на первых днях, то пораньше.

Если яйца куры весной покрупней несут, ранний сев лучше будет.

Запреты

Коли кто цвета ржаного поест, тот родить не будет.

Рябину с брусникой до Первого Спаса^{*150} (6 августа [по] ст[арому] ст[илью]) не едят.

Щавель не едят до Троицы.

Морковь до Успенья¹⁵¹ (15 августа [по] ст[арому] ст[илью]) не едят.

Свеклу до Ивана Постного¹⁵² не едят (29 августа [по] ст[арому] ст[илью]).

До Среднего Спаса¹⁵³ рыбы и масла постного не едят (6 августа [по] ст[арому] ст[илью]).

*НА НИИГН. И-945. Л. 84 — 95.
Машинопись. Подлинник.*

* Так в документе. Первый спас отмечается 1(14) августа.

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ

Рождение

Приведенные ниже материалы по родильным обрядам говорят нам о том, что роды у женщины-терюханки в дореволюционное время и первые годы советской власти происходили в тяжелых антисанитарных условиях, в большинстве случаев без всякой медицинской помощи, с одной лишь повивальной бабкой. Работала она до самых последних дней беременности и выполняла тяжелые полевые и домашние работы.

Если в настоящее время медицинское обслуживание находится в данном районе в лучшем состоянии, и права женщины-колхозницы предусмотрены кодексом закона о труде, то пусть публикуемые ниже записи лишним раз напомнят о тяжелых условиях, в которых находилась беременная женщина в дореволюционной деревне, о трудностях работы по медицинскому обслуживанию населения в первые годы после Великой Октябрьской революции.

1. Женщина у нас в деревне работает до самых родов. В больницу мало кто ездит, чаще доктора приглашают. Родильница с неделю в бане лежит, по воду не ходит и печку не топят. Сородичи родильницы зубок (подарок) носят, а ребята за кольцами в баню бегают. Родильница по обычаю должна одаривать родных. Свекрови — шушпан, свекру — рубаху, золовкам — платки, кофты, деверям — полотенца (д. Ольгино, записано от Н. Кашиной, 50 лет).

2. Родила я, где придется, и в поле, и в избе, и в огороде. Иной раз бабушка примет, а другой раз кто-либо, кто поблизости будет. Родят и в конюшне, [и] в теплом хлеву. После этого полежит женщина в бане, ночки две попарится, а потом домой в избу пойдет. Сродственники [на] зубок приносят, особенно когда первого или второго родит (с. Сиуха, записано от Е. Галкиной, 80 лет).

3. После родов роженица в бане лежит, а бабушка вместе с ребенком при ней находится. В баню сродственники приходят, [на] зубок приносят — хлеб, пироги, крендельки. На 40-й день роженица делает обед бабушке.

Роженица дает через стол бабушке каравай, а бабушка дает роженице ребенка. Роженица дарит бабушке косынку и холст на рубашку, свекрови — балахон¹⁵⁴, свекру — рубаху, деверям — по полотенцу, золовкам — по косынке. Роженица одаривает кольцами маленьких ребят, которые несут роженице по прянику (с. Клюиха, записано от А. Яровой, 40 лет).

4. Перед родами в семье для родильницы топят баню. Часто даже топят баню и сама родильница. Роды происходят в бане

или в конюшне. Принимать ребенка приглашают бабушку, которая в д. Лом одна на всю деревню. После родов родильница моется и парится в бане. Причем парится веником и сама перестирывает свою одежду. Ребенка кладут на лавку под образа, а то на печку на подушечку, покрыв одеяльцем и завернув в старые порты. Кум и кума выбираются по желанию. Крестному дарят полотенце, а крестной — платок или кофточку. Родильнице — шабры (соседи) и родственники приносят сахару, лепешки пресные, пирог с мясом, мед, чай. В последнее время молодая уже не лежит в бане, а чаще в избе на кровати или на печке. Через два-три дня после родов опять топят баню для роженицы, и так несколько раз. За кольцами к молодой теперь уже перестали бегать, а раньше ребята бегали, когда женщина рожала первенького (д. Лом, записано от Екатерины Саломашкиной, 68 лет).

5. Очень часто женщина родит сама, и никто у ней [роды] не принимает. В других случаях приглашают ребенка принимать бабу, или свекровь пуповину обрезает. В избе родить и летом и зимой избегают, стыдятся. Зимой рожают в большинстве случаев в конюшне (в теплом хлеву). Новорожденного вымоют в избе, а роженица забирается на печку. Тотчас после родов топят баню и парят роженицу и ребенка (если его не мыли в избе). Крестят или на следующий день, или дня через два. Имя в настоящее время дают по желанию родителей. Раньше при крестинах называли имя того святого, который праздновался в этот день. Крестить ездят в соседнее село Сиуху, если ребенок очень слабый, то и на дом призывают попа. Роженица обычно на крестинах не присутствует и остается в бане дня 2 — 3. При крестинах ребенка присутствуют кум и кума. Бабке, принявшей ребенка, дарят портянки и полотенце. В церковь роженица не ходит в продолжение 6 недель. А в 40-й день принимают молитву, но большей частью в праздник. В то время, когда роженица находится в бане, маленькие ребята бегают к ней за кольцами, которые она приготовляет заранее для раздачи ребятишкам.

После первого ребенка роженица дарит свекру рубаху. У кого нет рубахи — полотенце, свекрови — шушпан, сарафан, золовке (сестре мужа) — рукава или платок, а деверю (мужнину брату) — полотенце.

Приехав с крестин, собирают небольшое угощение, ставят самовар, покупают вина бутылочку и кое-какую закуску. А через 3 — 4 дня роженица уже приступает к обычной работе (д. Инютино, записано от Анастасии Афроной, 35 лет).

*НА НИИГН. И-945. Л. 96 — 99.
Машинопись. Подлинник.*

Свадьба

Публикуемые материалы по свадьбе записаны нами в 6 деревнях Дальнеконстантиновской и Оранской волостей Нижегородского уезда. Ни одна из приводимых записей не может претендовать на исчерпывающую полноту и не описывает свадьбу целиком от начала до конца со всеми ее обрядами и причитаниями. Это происходит оттого, что в действительности в 1927 и 1928 гг. свадьба в терюханской деревне уже не совершалась со всем полным свадебным ритуалом и многочисленными причитаниями, которые были записаны в большинстве случаев от более пожилых женщин деревни 40 — 50 лет, часто уже забывших и спутавших порядок сложного свадебного ритуала, уходящего из жизни. Однако приводимые записи, хотя и отличаются только в деталях, все же дают более полное представление о свадьбе терюхан в целом и о богатстве их народного творчества.

*Свадебные обряды в д. Малое Сескино**

Свадьба делится на следующие моменты: 1. Сговор¹⁵⁵. 2. Запой¹⁵⁶. 3. Девичник¹⁵⁷. 4. Самую свадьбу и свадебный пир. 5. Отгорстки, или отгулки¹⁵⁸, справляемые у невесты. Между заповем и свадьбой сохранился обычай возить пироги к невесте.

1. *Сговор* происходит у невесты. Родственники жениха угощаются с родней невесты, сколько за нее давать денег.

2. После сговора у невесты делают *запой*. Родители жениха с родственниками приходят в дом невесты. Привозят с собой пироги и каравай белого хлеба. Родители и родственники невесты угощают их вином и самогоном, одаривают каждого полотенцем или платком. Раньше дарили женщинам вышитые рукава.

Мать жениха поет во время заповя:

Ой, Петьку женила,
Два раза женила.
Один раз родила.
Вы покажите, свахонька,
Нам Федорову Настасью,
Мои сроднички не знают,
Приведи ее казать.
Не сапог к лаптю связала,
К сапогу пару ссыкала
Я, Федорову Настасью.
И нам не стыдно, не стыдно,

* Деревня Малое Сескино имеет второе, неофициальное, название — Чертовка. — *Прим. авт.*

Нам в Чертовку привести,
Нам Федорову Настасью
Чертовским девкам показать.

После запоя невесту везут в дом жениха казать. Мать жениха едет порядком¹⁵⁹ и поет:

В рученьке подарки везу я гожи,
Настасью везу я лучше.

[3.] Рано утром в *девичник* (накануне свадьбы), а иногда и ночью под девичник невеста начинает вопить¹⁶⁰ в огороде. (Привожу два варианта, записанные в одной деревне, но у разных лиц):

Благослови меня, небо и земля,
Звезды и луна,
Всякое деревце, кудрявая рябина.
Я пошлю голос
Во всю мать-волость,
Во все четыре стороны.
Первый голос на восход солнца,
По Терюшеву, большому селу,
К родимой мамоньке.

Часто причитать невесте помогает подруга, которой невеста за это подносит вина.

Благословите меня, все четыре сторонки,
Пущу голос во всю волость,
Во все четыре стороны.
Во первый голос я пущу
К дедам, к прадедам,
К родимой мамушке.
А больно, больно бы нужно
Родимую мамоньку
К моему горю большому.
О, средь милых милая,
В родне несчастная.
Я до свету не спала,
А много во сне видела.
Будто бежит река быстрая,
По этой реке плывет утка,
Утка с утятами,
С малыми ребятами.
Будто мамонька моя милая
Всех утят принимает,
А меня прочь отгоняет.

Зайдя в порядок, невеста начинает будить шабров:

Я разбужу по правую по сторонку,
Про дядю Микиту с теткой Ульяной

И с малыми детушками.
Как вам спится,
Как вам ложится?
Темна долга ноченька,
А я горькая, разнесчастная
Всю ноченьку не спала,
Шабрам покою не дала.

Невеста входит к себе во двор и вопит у отца и матери:

Куда мне волю деть,
Куда мне негу деть?
С собой волю взять,
С собой негу взять?
Летней-то порою
Пыльную работу
Потом замочу,
Горьким слезам залью*.
Я покатаю свою волю, свою негу,
Я на блюдечке, как красное яичко.
Я отдам волю, я отдам негу,
Я маленьким девочкам.
Больно я боюсь, опасаюсь,
Не совпадают с волюшкой.
Я отдам волю, я отдам негу
Милой сестрице Константиновой Катеньке.

Подходит далее к двери отцовою горницы и поет:

Кто мне досадил,
Тому я досажу,
Всех опосля разбужу.
Вы вставайте, вы, досадчики и грубиянщики,
Отцы моей матери.
Как вам спится, как вам ложится?
Темна долгая ноченька,
А я горькая, разнесчастная
Всю ночь не спала,
Шабрам покою не дала.

Утром на девичник невеста собирает подруг и ест с ними блины в своем доме, а потом отправляется есть блины к родственникам. На дворе у родных начинается вопить:

Освети, месяц, освети, красный,
у дядюшки на дворе.
Огрей, солнышко, огрей, красное,
у милых братцев в высоком тереме.

* На полях прим. авт.: дат[ельный падеж] вместо твор[ительного].

кровь не дает ей ковш в левую руку, потому что левая рука обманет, на что невеста отвечает, что правая рука не проста, она в кольцах да в обручьях. Наконец после переговоров она берет ковш с платком в правую руку и вышивает преподнесенное ей пиво. Свекровь выливает остатки на полено, лежащее под ногами у невесты. После ухода свекрови невесту начинают одевать в свадебный костюм. Рубаху, венец, полushалок с кистями, шубу писаную, шушпан, на голову накидывают еще попоняху¹⁶³ (специальный свадебный шушпан, который используется как покрывало) и ведут в дом отца. Придя в дом отца от соседей, невеста вопит:

Не будь, батюшка, не будь, родимый,
Не будь гневаться,
Не буду гостям кланяться.
Как бы, батюшка, твои братья, мои дядья,
Я бы издали сметила, на порожке встретила.
Дай-ка, мамонька, дай-ка, родимая,
Скакущему, поплясущему по долгому дарилу¹⁶⁴.
Чтобы скакали, чтобы плясали,
Мою молодость украшали.
Дай, мамонька, дай, родимая,
Смутне, сводне,
Большой свахе,
Что ни есть хуже рукава.
А вы, братцы, вы, молодцы,
Вы посадите большу сваху на порог,
Наверните ей, чтобы она летела до задних дорог.

Потом невеста просит у отца икону:

Дай, батюшка, дай, родимый,
Святую икону, божью Миколу,
Во чужие во люди.
А ты, мамонька, дай, родимая,
Котомычку¹⁶⁵ хлеба во чужие люди.

Невесте дают образ и кусок хлеба за пазуху и ведут к двери. Невеста поет, уходя из родительского дома:

Простите, боле в гости не ждите,
Не ждите, мамонька, не жди, милая,
С зимних прохладов к горячему завтраку,
Жди, мамонька, жди, милая,
К студеному ужину.

Невеста выходит на крыльцо, и ее сажают на телегу. Она упирается, но садится и причитает:

Дай, мамонька, дай, родимая,
Верную верянку, мне служанку,

Милу сношеньку Иванову Маришку.
Больно боюсь я, опасаюсь.
Изведет меня Пелагея Ефимовна
За плохие подарки.

Молодую везут к венцу. Ее сопровождают будущая свекровь и сноха. Друзжка правит лошадыю. Жених с другой свахой едет впереди на другой лошади.

После венца молодой на отдельной лошади уезжает вперед свадебного поезда, а невеста со своей свахой и матерью жениха едут поездом уже после. Невеста сидит в телеге, закрытая попоньхой. Когда поезд подъезжает к женихову двору, невеста начинает вопить:

Беги, мир, народ, со всех трех дорог,
Все к Ивану на двор,
На двор бегите, молодую глядите,
Ничего не байте, молодую не хайте.
Со двора пойдете —
Толпами вставайте,
Все Ивана браните.
Привез Иван, привез Яковлевич
Сее сноху, сее молоду*,
Гада, урода,
Малолеточка, недоросточка,
Ничем до людей не дошла.

Второй вариант:

Отворитесь, чанны ворота!^{**}
Пропущайте с миром и народом
Мою буйну голову.
Беги, мир, народ, со всех трех дорог,
Из кажиных^{***} ворот.
Народ бежит молоду глядеть.
Со двора пойдете,
Якова (свекора) браните.
Привез сноху, привез гада-урода,
Недоросточка, малолеточка.
Ростом маленька, на личко плохонька,
Не работница-долговодница.
Ну, как стану, ну, как привстану,
В ногах правду сознаю.
Сустопают¹⁶⁷ ли — сослужат ли
Мои резвы ноженьки.

* На полях прим. авт.: себе.

** Так в документе. Правильно: тчанные ворота¹⁶⁶.

*** Каждых (обл.).

Благослови меня, господь-батюшка,
На этой земле ступить.

Выходит вторая (женихова) сваха и надевает на голову мужичью шапку, а в другую мужичью шапку кладут хмель и обсыпают в сених хмелем молодую. Невеста, обсыпанная хмелем, вопит:

Знать хмелем мечут, кидают,
Дорогой товар теряют.
Свези, Иван, свези, Яковлевич,
Этот товар в Константиново на базар.
Купи на эти деньги мне маленьки* ведерка.
У вашего широкого двора
Крутая гора,
Моя сила плохая.

Молодую подводят к двери.

Не иду, не пойду, без свекрови,
без Варвариной золовки.

Коли пойду, да меня в гости позовут.

Молодая заходит в избу и продолжает вопить:

Возьми, Иван, возьми, Яковлевич,
Божью икону, святую Николу,
Как любя сноха.
Поставь ее на верхнюю полку,
На правую сторонку,
А если не любя сноха —
Поставь ее на нижнюю полку,
На левую сторонку.
Аминь мому
Во тем дому.

После этого невеста ткнет зажженной свечкой о верх входной двери и идет с дружкой разыскивать жениха. В шабрах с невесты снимают шушпан, попоняху, сажают чай пить и ужинать.

После ужина молодую показывают родственникам жениха. Невеста с ковшом пива обносит родственников. Свекровь в это время начинает петь:

Слава тебе богу, батюшка,
Отошло наше сердечко.
Темные ночи не спала,
Всё я думушку думала.
Все мы деревни обойдем,
Всё мы невесты не найдем.
Семеро саней изъездили,

* На полях прим. авт.: усечение последнего звука.

Всё мы невесты не найдем,
Первую девушку в деревне.
У столбинушка Авдотья
Тяжело-то подымет,
Высоко-то достанет.
Где-то там сватинушка вырастила
Васильеву Авдотью.
Знать на горочке выросла,
При долиночке выцвела.

Молодая ей отвечает:

Поглядите-ка, тетушки,
Наши хорошие подарки.
И нам не стыдно, не стыдно
Всей деревней провести и все подарки показать.

После этого молодых укладывают спать. Раньше молодые спали в конюшне под шубой — теперь же спят в избе.

[5.] *Второй день свадьбы*

На следующий день пекут блины и кормят блинами сватьев, подносят им пива и вина. Дружке вешают на руку полотенце, а свахе дарят вышитые рукава. Сватья бьют горшки и потом гуляют свадьбой, ходят по сродникам¹⁶⁸ (Свадебные причитания записаны в д. М. Сескино в 1927 г. от крестьянки Евдокии Ширяевой, 35 лет).

Свадебные обряды в д. Большое Сескино

За несколько дней до свадьбы в дом невесты приезжает родня жениха. Родители невесты угощают женихову родню брагой и разными кушаньями и дарят мужчинам утиральники¹⁶⁹, а бабам рукава (вожапри). Невеста дарит свекрови шушпан. Мать жениха приговаривает, обращаясь к мужу:

Давай поглядим, хозяин, не ошиблись ли маненько*.
Стоит ли товар денежек,
Стоит ли Наташенька Васеньки?

Если свекровь остается довольна невестой, она приговаривает:

Слава тебе богу, батюшка,
Отлегло мое сердечко.
По делам зиму не пряла,
Все надеялась на это.
Сидите, девушки, подоле,
Прядите, девушки, поболе.

* На полях прим. авт.: областной говор.

За день до свадьбы большой сват и большая сваха идут к жениху «устрачивать»¹⁷⁰ дом. Тут же договариваются о том, когда идти есть блины.

Девичник

Накануне свадьбы устраивается девичник. Еще с вечера невеста с тремя подругами отправляется в баню, где ее парят на полке. Ночью невеста не спит. Едва забрезжит заря, она идет в огород под рябину встречать восход солнца и там приговаривает:

Благослови, господь-батюшка,
День, бела заря и кудрявая рябина.

Потом она подходит к избе соседней, где спят подруги и приговаривает:

Вставай, вставай, дорогой товар,
Милые подруженьки!
Как вам спится, как вам ложится?
Темна ноченька долгая,
А я горькая, разнесчастная
Всю ноченьку не спала,
Ногам топала, дверям* хлопала,
Шабрам покою не дала.
Мне маменька, мне милая
Наклала в мягкое изголовье
Жгучие крапивы.

Дальше невеста обходит и будит своих сродников:

Вставай-ка, вставай-ка, любезный дядюшка!
Я пущу голос, я во всю волюсь,
Во все четыре стороны.
Первый голос — на восход солнца,
Другой голос — на закат солнца.

Если невеста — сирота, то она прибавляет:

Третий-то голос за Сарлей, за село,
В сыру землю ко родимой маменьке.

Входит в избу, садится на лавку, вопит:

На лавку сяду, другой голос заведу.
Столько времени сидела, горе копила,
В узел вязала, в угол бросала.
На лавку стану, узел достану,
Узел развяжу, про все горе расскажу.

* На полях прим. авт.: дат[ельный падеж] вместо твор[ительного].

Сирота прибавляет еще к этому:

Много я видела, много я примала¹⁷¹
Без родной маменьки.

Когда невеста разбудит родных, она вместе с подругами идет к себе домой. Мать ее заводит квашню¹⁷², и все угощаются блинами. Невеста здесь причитает:

Корми, матушка, корми, милая,
Моих подружек, красных девушек,
Горячими-то блинам.

От родителей невесты все отправляются есть блины к родственникам невесты. Когда входят во двор, приговаривают:

Усвети, месяц, освети, светлый,
У дядюшки во дворе.
Взогрей, солнышко, взогрей, красное,
У Андрея, у брата, в высоком терему.

Если в доме, куда пришли, кто-нибудь умер не так давно — причитают:

Ну-ка я гляну, ну-ка я погляжу
По свежим снегам, по низким овсам,
По жиденьким прутикам,
Там родима тетушка
Где не сидит ли, где не глядит ли
Она сизою голубицею?

Когда подходит к двери невеста, приговаривает:

Встреть-ка, тетушка, встреть-ка, милая,
Подхвати меня под белы рученьки.
Не йдут мои резвы ноженьки
Со людских басен, со людского-то смеху.

Все идут в избу, садятся на лавку. Невеста вопит:

Не обидно ли, не изьянно¹⁷³ ли, мила тетушка,
Я сама пришла, подруг с собой привела,
Как обидно-то, как изьянно-то,
Сама уйду, подруг с собой уведу.

Когда уходят из гостей, невеста причитает:

Теперь простите, больше в гости не ждите.
Зарастет трава, буйна дорога
Зимней порой — белой погодой,
Летней порой — жгучей крапивой.

Идут по дороге. Подруги впереди поют какую-нибудь песню, а невеста сзади вопит. Если кого-либо из родственников нет в деревне, то невеста причитает:

Постойте-ка, красны девушки, милы подружки,
Погляжу я на Сарлейску на дорогу.
Не идет ли моя тетушка
К моему горю большому?

Сирота в этом случае вопит:

Пойду я во Сарлей, во село,
Ударю я во звонки колокола.
Не расступится ли мать-сыра земля,
Не раскроется ли гробова доска,
Не восстанет ли моя матушка?

Когда поедят у всех сродников блины в одном конце, идут в другой конец. Проходя мимо родного дома, невеста вопит:

Возгляни-ка, маменька, во среднее окошко,
Твое-то дитё позади подруг всех идет.
Поддай, маменька, поддай, милая,
Мне шелкову шаль и шелков поясок.
Я повяжуся, опояшуся,
С милыми подружками на ряду пойду,
Веселу песню запою.

Вечером накануне свадьбы невеста остается у шабров, а девушки подруги отправляются к жениху вередикать¹⁷⁴. Двери дома жениха заперты. Девушки останавливаются в круг у ворот и поют:

—Уж вы, гуси, мои гуси,
Серые дворовые,
Где вы были, где гуляли,
Где вы спали, ночевали?
—У Ивана Григорьевича во дворе.

Потом девушки поют вереду:

Уж ты, ларь-то, мой ларечек,
Ларь, тесовый коробочек.
Я семнадцать год* сидела,
Шила, пряла, все в ларь клала,
Вереди верела.
Пришла божья судьбинушка,
Раздарилась, раздалась,
Вереди верела.
Деверьям-то по веночку,
А золовушкам по платочку,

* На полях прим. авт.: им[енительный] п[адеж].

Вереди верела.
Золовušки-неуряшки¹⁷⁵
Надевают, все ломают,
Скидывают, все бросают,
Вереди верела.

Свекровь отворяет девушкам ворота и поет:

Добро пожаловать, девушки,
Добро пожаловать, красные,
Наталины подружки.

Девушки входят в избу, садятся за стол. Мать и сестра жениха наливают им вина. Девушки не пьют и поют:

Вереди верела,
Нам не надо ни пива, ни вина,
Покажите жениха.

Девушки передают свекрови рубаху для жениха, сшитую руками невесты. Жених наряжается в нее и выходит к девушкам. Они приветствуют его песней:

Во горенке, во новой
Стоит станок¹⁷⁶ дубовый,
На нем чайник золотой,
Полон чаем налитой.
Как Иван (имя жениха) подходил,
Чайну чашку наливал,
А Наталья ретива
Свою косу пропила.
У нас не было такого молодца,
Что Иван-то Григорьевич.

Жених подает девушкам вино, а те дарят ему подарки от невесты. От жениха девушки отправляются к невесте и поют, обращаясь к ней:

Уж, кого ты, Наташка, выбрала,
У него на горбу роцца выросла,
На голове-то вши веревки вьют,
В бороде-то мыши гнезда вьдут.
Возьму топор — роццу вырублю,
Возьму гребень — вшей повычешу,
Возьму метлу — мышей выгоню.
Уж такого дали мужа-дурака,
Не умеет подпоясать кушака,
Назади узлы завязывает,
Впереди концы закладывает.

Этими песнями и кончается канун свадьбы. Невеста ночь перед свадьбой проводит в шабрах.

День свадьбы

Утром приезжает свадебный поезд. Свекровь идет в дом, где сидит невеста, и несет ей платок и ковш пива, припевает:

Я ковшик пивца принесла
Да Наталью выкупила.

Невесту берут под руки урведей (дружка) и старший брат. На голову ей накидывают попоняху и ведут в родной дом. Свадебный наряд на нее надевают подруги еще у шабров. Голову повязывают платком, головной убор и венец надевают лишь после венчания. Отец и мать благословляют невесту: отец — иконой, мать — хлебом. Затем ее закрывают пологом и сажают в кибитку.

Отец и мать не смотрят на это. Урведей три раза с иконой обходит поезд и трижды кладет крест на голову лошади, которая повезет невесту. Кибитка с невестой едет впереди поезда. Невесту сопровождает плакуша¹⁷⁷. Жених приходит в церковь раньше с венчальницей¹⁷⁸. После венчания его тоже увозят раньше к шабрам. Тогда же один из родственников жениха возвращается в невестин двор за приданым. Когда он приезжает, на сундук с приданым садится какой-нибудь мальчик, и сват должен выкупить приданое — дать мальчику подарок (иногда просто пряник).

Молодую тем временем из церкви везут к свекру во двор. Она поет при въезде во двор свекра:

Беги, мир, народ,
Со всех троп-дорог,
Из кажиных ворот,
К Григорью на двор.
Беги все, молоду гляди.
Привез Григорий, привез Павлович
Себе сноху гадова роду,
Недоросточка, малолеточка,
Ростом маленька, на личко тошенька.
Ну-ка я стану, ну-ка пристану,
Головой верхи достану,
Головой тряхну, все верхи смахну.

Молодая не сходит с саней, если свадьба происходит зимой, а летом или осенью — из кибитки. Одна из баб берет и зажигает лучину и через нее кидает в молодую хмелем (чтобы весело жилось). Молодая поет:

Хмелем мечут, хмелем кидают,
Дорогой товар теряют.
Сбери, дружка, сбери, урведей,
Свези товар в Сарлей на базар.

На базар свежи, да мне легонька
Ведерочка купи.
У вашего двора крута гора,
Гора крутая, моя жизнь плохая.

Далее молодая смотрит на дом свекра и поет:

Хвалился Иван, хвалился Павлович:
— У меня изба в два жилья,
В пять окошек.
У меня двор тесом крыт,
Частым гвоздем сбит.
А я взглянула, а я поглядела —
У него изба в землю вросла,
Вся крапивой обросла,
Ровно чёрна кузница.
У него двор весь небом крыт,
Частыми звездами убит.

Урведей вводит молодую в избу мужа. Молодая причитает:

Не тащи, дружка, не тащи, урведей,
Рукав шушпана оторвешь, сряду оборвешь,
Людам на смех сделаешь.

В избе свекра молодой дают выпить ковш браги и затем ее ведут к шабрам, к мужу, где их угощают свахи.

От шабров молодую берут на первый день после венчания, а мужа только на второй. К вечеру дня свадьбы приезжают горные (родственники невесты), и сваты (родственники жениха) их угощают. Урведей подает молодой стакан вина, а она дает свахе подарок для одного из сватов.

Сваха кладет подарок на тарелку и громко называет кому он назначен. Тот подходит, берет подарок и кладет на тарелку деньги. Молодую, приведенную от соседей, по окончании раздачи подарков, снова уводят к шабрам*.

На следующий день молодая гуляет по сродникам, а молодой дома сидит. Через три дня едут к родным невесты, молодые садятся в красный угол и их угощают.

Первые три дня после свадьбы молодая гуляла по сродникам в венце, в сермяге с кумрами**, а на ногах себястры*** — лапти с ременными оборами. Когда молодая после свадьбы поселяется в доме свекра, ей делают испытания: заставляют мести пол и наступают на веник. Молодая должна чем-нибудь одарить (записано от А. И. Липиной, 65 лет).

* На полях прим. авт.: местный говор.

** Подвески из белых раковин каури. — *Прим. авт.*

*** Тканые полосы с узорами на концах, которыми обертывали ноги у колена. — *Прим. авт.*

Свадебные обряды в с. Арманиха

Накануне свадьбы, в девичник, подружки невесты, захватив с собой сшитые невестой рубаху, штаны, поясок и другие подарки (кольца, браслеты, пряники и так далее), отправляются к жениху вередикать. Они становятся в хоровод около его ворот и поют:

Уж вы, гуси, мои гуси,
Где вы были, где гуляли,
Где вы спали, ночевали?
У (имя и отчество жениха) на дворе.

Потом девушки заходят в избу жениха и садятся за стол. Жених выставляет им браги, сам же прячется и не выходит. Девушки угощаются и поют:

Вереда, вереда,
Нам не надо ни пива, ни вина,
Покажите жениха.

После этого выходит жених и предлагает девушкам пить. Каждая девушка дарит жениху что-нибудь, привезенное от невесты (кольцо, пряник и так далее), а потом выпивает свой стакан.

Свадебные причитания невесты во время девичника

I

Подам я голос во всю волость,
Во все четыре стороны.
Другой же голос пушу к милым подружкам,
В темну избушку, на мягки постели.
Пушу я голос во божью церковь,
На самую высокую маковку.
А четвертый голос пушу во сыру землю,
В гробову доску, ко родной маменьке.

II

Ну-ка, побужу, ну-ка, разбужу
По правую сторону шавровушку-матушку.
Как-то ей спится, как-то ей лежится?
А я горькая, разнесчастная
Всю-то ноченьку не спала,
Сенями топала, дверями хлопала,
Шабрам спать не дала.

III

Невеста вопила это причитание во дворе, где вывешивалась ее одежда во время девичника:

Шли ли, тетушки, нашим порядком,
Находили ли, тетушки, эку дурочку (имя), что
Без праздника, без воскресенья
Свой праздник завела?
Шли ли, девушки, широким двором?
С правой стороны стоят ли столбы?
Держат ли шесты мою одежду?

IV

Такими словами встречала невеста приходившую за ней сваху:

Кто тебя привел,
Кто тебя довел,
Кто тебе следы указал?
Я сюда шла, милы подруги
За мной следы замели.

V

Причитание, которое пела невеста при входе в родительский дом во время девичника:

Сметь ли, батюшка, сметь ли, родимый,
К тебе в дом войти?
Я туда шла, не видела ничего,
А оттоле шла, у тебя на дворе
Что за кони, за лошади стояли?
Горшечные телеги, оральные хомуты¹⁷⁹?
Не буду, батюшка, в слове гневаться,
Не буду с гостями пялиться.
Я не узнаю, не признаю, с которой стороны,
Ни с матушкиной стороны,
Ни с батюшкиной стороны
Что за гости сидят, что за черное воронье?
Шапкой машут, платком свищут,
Все до меня грозятся.

VI

Эта песня пелась, когда невеста приходила от соседней в родной дом. Пелась она невеселым голосом и служила как бы окончанием причитаний невесты:

Отвори, маменька, в светлу горницу
Пусти меня вольницу.
А волю взяла,
С милым под ручки в полночь гулять пошла.

Испытание молодой после свадьбы

Когда молодая первый раз шла за водой, то свекровь показывала ей колодец, а молодая должна была подарить ей кольцо. Когда молодая в первый раз мыла пол, то родные мужа наступали ей на веник, и молодая должна была им что-нибудь дарить, чтобы они сняли ногу (записано от Екатерины Галушиной, 48 лет).

Отдельные моменты свадебного обряда в с. Мигалиха

Мытье в бане

Накануне свадьбы девицы отправляются с невестой париться в баню, моют ее и приговаривают:

Парься, парься, усок,
Расправляйся, волосок.
Завтра тебе дадут
Мяса кусок.

Девичник

На девичник утром, перед тем как одеться и идти есть блины к родным, невеста вопит стоя на улице под окном. Вещи приданого развешиваются по избе.

Глянь, маменька,
Глянь, милая,
В середине окошко.
Дай, маменька,
Дай, милая,
С передней полицы
Шушпан мне новый,
Кушак мне красивый,
Шаль мне шелкову.
Я повяжусь,
Я сряжусь,
Гулять я пойду
С красными девушками,
Веселу песню запою.
А я теперь, маменька,

А я теперь, милая,
В горячих слезах.
Не берут меня, маменька,
Подружки в переднюю ширинку¹⁸⁰.
Дай мне, маменька,
Мне, Кате, венец.
Я надену его,
Я веселу песню запою,
С милым дружкой
Гулять пойду.

Свадебный обряд вередиканья

Вередикать — это ходить перед свадьбой к жениху с рубахой. Принесут подруги невесты жениху вышитую невестой рубаху и поют:

Уж вы, гуси мои белы,
Дворовые,
Где вы были, где гуляли?
Не были, не гуляли
В Мигалихе во селе?
Зашли гуси, зашли дворовы
Ко свекру во двор,
А к свекровке во сеночки,
А к жениху во горенку.
Ходит Николай по горенке (или другое имя),
Во зеркальце смотрит:
Хорош уродился,
Пригож нарядился.
На коня садился,
Сам же дивился.
Он плеточкой машет,
Под им конь пляшет.
Он потрянул уздой,
Под им конь звездой.

(записано от Пелагеи Илюхиной, 40 лет)

Свадебный обряд в д. Макраше

Накануне свадьбы вечером невеста идет с подругами в сад к рябине, падает перед ней на землю и вопит: «Благослови меня, кудрява рябина». Потом идет к воротам и снова вопит: «Отворяйтесь вы, отпирайтесь вы, батюшкины широки ворота, вы пропускайте горькую невесту...». Затем идет в сени будить подруг: «Вставайте, вставайте, милые подружки». И обращается к самой близкой:

Задумчивая! Как тебе спится,
Как тебе ложится?
Я горькая, несчастная,
Спать не спала,
Шабрам спать не дала.
Я выходила в огород,
Во батюшкин зеленый сад.
Я глядела, тут плавают утка с утятами,
С малыыми дитятами.
Все утятинки под правое крылышко,
А меня горькую, несчастную
Отдали в чужую сторонушку.

Утром к невесте собираются девки поесть блины, а она завопляет: «Благослови меня, моя матушка, по своим сродникам походить». Поев блинов, девки с невестой идут на улицу, девки поют песни, а невеста вопит:

Пойдемте, девушки, зайдемте в Мамотину рощу.
Сорвемте, девушки, по красненькому цветочку.
Ваша-то девушка бляшка (название цветка) цветет,
Моя-то померкает.
Не будь, не бывать* сухому дереву зелененьким листочкам,
Не будь, не бывать
Мне горькой, несчастной в красных девушка[x].

Приходят к родственникам. Невеста вопит: «Встреть, тетушка, встреть, милая, я к тебе в гости иду и подруг веду. Напекки нам горячих блинов». Невеста плачет, причитает, а тетка потчует: «Поешь, поешь блинков», а невеста отвечает: «Я сыта, довольна у родимой маменьки» и отказывается.

Девки поедят блинов, идут скорее к жениху за пивом. У жениха они поют:

А вы, гуси, где вы были и гуляли,
Где вы спали, ночевали?
Во Макраше, во деревне,
Во славном у порядке.

У жениха пьют вино и поют:

Нам не надо ни пива, ни вина,
Покажите жениха.
Мы не так к нему пришли,
А рубашку принесли.

Дарят ему рубашку, вышитую невестой, а он их взамен потчует вином. Затем все снова направляются к невесте, причем каждая девка несет лепешку в порядок невесте, последняя же вопит:

* На полях прим. авт.: «у» вместо «ы».

Ты не дарися,
Мила подружка,
Пропадут твои дары (подарки)
У Иванову дому (у свекра).

Девки уходят домой. На следующий день поутру приезжает за невестой поезд (сродственники жениха). Невесту сряжают в писану шубу или армяк¹⁸¹, поверх одевают праздничный шушпан (попоняху). Приводят ее в семью жениха. Невеста вопит, обращаясь к свекру, и дарит ему рубашку: «Надень, надень мою немудрую¹⁸² рубашку. Не ломайся¹⁸³ надо мной, будешь надо мной ломаться, а я гоняться, а над нами люди будут смеяться». Невесту отводят в церковь венчаться. После венчания мужа скорее угоняют «гонком»¹⁸⁴ по дороге. Как только молодая выходит из церкви, ее покрывают шушпаном и ведут к мужу в дом. По дороге молодая вопит: «Ну-ка я сяду, ну-ка присяду, на себя погляжу. Венчали попы, дяки — церковные дураки». Затем: «Тихонько, дружки, тихонько, урведей, ты не вытряси и не вывали молоду сноху». Когда подвезут молодую к дому мужа, она вопит:

На двор бегите, молоду глядите!
Со двора пойдете, (Василья) ругайте!
Привез Василь сноху не сноху!
Гаду, уроду — ростом маленька,
Станом* тоненька,
На личико плохонька.

Навстречу ей выходит сваха и обсыпает голову молодой хмелем, последняя снова причитает: «Хмелем мечут, хмелем кидают, дорогой товар теряют». Сваха подходит и берет ее под руку: «Пойдем, пойдем». «Не иду, не пойду, пока Василий ко мне подойдет, меня в гости позовет». Свекор выходит на крыльцо, приглашает молодую, и она наконец выходит из повозки, подходит к дверям и снова кричит: «Не пойду, не пойду, пока Марья не придет, меня не позовет». Свекровь выходит в свою очередь, приглашает молодую, и она наконец входит в избу и здесь раскрывается. Свекор подносит ей стакан вина и поздравляет [с] законным браком. Она выпивает вино, снова закрывается и идет к шабрам, где ее ждет уже молодой, и здесь происходит угощение. На следующий день молодая надевает головной убор — венец и гуляет по деревне, низко кланяясь всем встречным. А молодой в это время сидит дома и работает, коров управляет, лошадям корму дает (записано от Наталии Артюхиной, 65 лет).

* В документе слово «станом» вписано вместо слова «ростом».

Свадебный обряд в с. Сиуха

В старину невесту обычно брали не из родной, а из чужой деревни. Сватовство происходило за несколько недель до свадьбы, но часто случалось, что девушка сидела в невестах целую зиму.

Девичник

Накануне свадьбы устраивался девичник. Невеста с подругами отправлялась по деревне и заходила ко всем своим родственникам, где невесту и девушек кормили блинами.

При входе в избу невеста с подругами приговаривала:

Встань-ка, тетушка, встань, милая,
Сама иду, артель подруг веду.

После угощения приговаривали:

Спасибо, тетушка, спасибо, милая,
На горячих на блинах.

Затем девушки отправлялись в дом невесты, где она приговаривала:

Встреть-ка, маменька, встреть-ка, милая,
Сама иду, не нашла родимого батюшки.

В это время во дворе невестиного дома на вожжах развешивали разную одежду (шушпаны, рубахи), народ со всей деревни собирался глядеть, а невеста приговаривала:

Поглядели ли мои подарочки,
Мою одежду, что рядну рогожку^{185?}

Затем невеста уходила к соседям, где она проводила ночь перед свадьбой. Вечером к ней снова собирались девушки, причем каждая приносила с собой лепешку. Невеста принимала лепешки, причитала и приговаривала:

Не давайте, девушки, гостинца,
Пропадут гостинцы с моей буйной головой.

День венчания

На другой день поутру за невестой приезжал свадебный поезд из села жениха. Приезжали все жениховы родственники, сам же он оставался дома. Подруги у шабров* наряжали невесту в праздничный шушпан, голову повязывали платком (венец в

* В документе слово «у шабров» вписано от руки.

этом случае не надевался), ноги обували в лапти с ремнями. В это время в избу входила мать жениха с платком и ковшом с водой. Невеста кланялась свекрови и приговаривала: «Гляди, свахонька, по вашему ли дому обрядилась».

Свекровь давала невесте напиться из ковша, опрыскивала ее изо рта водой, а что оставалось в ковше, выливала к ногам невесты. Платок шел невесте в подарок. Уже после этого невесту одевали в верхнюю зимнюю одежду. Затем урведей (дружка) и старший брат брали невесту под руки и вели ее в родной дом. Когда невесту приводили к отцу, она приговаривала:

Что, батюшка, что, родимый?
Я двором-то шла, широким шла,
У тебя на дворе грошовой¹⁸⁶ телеги,
Двухгрошовой¹⁸⁷ лошади.

(Вместо грошовой, двухгрошовой употреблялись и другие обозначения цены — например, сотенные¹⁸⁸). Потом невеста обращалась к отцу:

Дай, батюшка, дай, родимый,
Добру баславку¹⁸⁹.

и к матери:

Дай, матушка, дай, родимая,
Соли, хлеба на целу неделю.
Может, маменька, может, милая,
В чужих людях целу неделю
Не емши пробуду.

Отец благословлял дочь, а мать клала ей за пазуху хлеба и говядины. От родителей невесту везли прямо к венцу в крытой кибитке. Из родных невесту сопровождала одна только женщина — плакуша, ехавшая вместе с ней в кибитке. Жених не участвовал в свадебном поезде, он приходил в церковь значительно раньше, вместе со своей родственницей — венчальницей и ждал приезда свадебного поезда. Из церкви ехали в дом жениха, где устраивалось угощение. Невеста вместе с женщиной из родни жениха — подавальницей — угощала всех гостей брагой. К этому же времени приезжала невестина родня, тоже принимавшая участие в гулянье. Гулянье продолжалось иногда до трех дней, так как молодые из своего дома переходили к брату молодого, а потом ко всем его сродникам по очереди. После этого отправлялись гулять к невестиной родне. Необходимо отметить, что при угощении молодые ели в отдельной комнате (записано от Анны Солодковой, 48 лет).

*НА НИИГН. И-945.Л. 100 — 132.
Машинопись. Подлинник.*

Похороны

Похоронный обряд у терюхан представлял смесь церковно-православных обрядов с дохристианскими представлениями о загробной жизни. Отдельные моменты похоронного обряда чрезвычайно древние и широко известны у других поволжских народов: чуваш[ей], удмуртов и мари.

Как мы видим по опубликованным ниже материалам церковно-приходской летописи с. Сарлей, православное духовенство застало у мордвы-терюхан свое сложившееся представление о загробном мире и свой погребальный ритуал, нарушить который значило навлечь на себя гнев со стороны населения. Православная церковь начала к ним приспособляться, и православные молитвы и обряды стали выполняться наряду с культом предков и дохристианскими элементами погребального ритуала.

Оставшиеся родичи по отношению к умершим руководствовались двумя вещами: желанием обеспечить умершему хорошее будущее на том свете и страхом перед его возвращением в дом за другим живым родственником. Совершаемые обряды и ставят целью уберечь живых от новых несчастий.

Наряду с этим над умершими совершают ряд обрядов, предписываемых уставом православной церкви. Умершего обмывают, одевают в чистую одежду, кладут на лавку, подстилая солому. Терюхане предпочитали хоронить умерших в тот же или на другой день. Умершего кладут в тесовый гроб, однако еще недавно хоронили в долбленых колодах с необходимым инвентарем. Женщине клали веретено¹⁹⁰, мужчине — нож и кочедык¹⁹¹ для плетения лаптей. Аналогичный обряд был известен в XIX столетии у чуваш[ей]* и упоминался в XX столетии у саратовской мордвы**. До последнего времени терюхане продолжали класть детям в гроб пряники, конфеты и цветы. Обряды, стремившиеся уберечь оставшихся родичей от возвращения умершего в дом, состоят в том, что помещение, где лежал умерший, окуривается, родственники придерживаются правила не переходить умершему дорогу. Вещи, связанные со смертью, как то: горшок, из которого обмывают умершего, гребешок, которым расчесывают волосы, и солому бросают за околицей со словами, чтобы покойник не возвра-

* **Сбоев В. А.** Чувашаи в бытовом, историческом и религиозном отношениях. М., 1865. С. 131. — *Прим. авт.*

** **Маркелов М. Т.** Саратовская мордва. С. 134. — *Прим. авт.*

щался в дом. Аналогичное представление существовало у чуваш[ей] и удмуртов, когда вещи, носимые умершим перед смертью, бросали или отдавались нищим.

Носилки от гроба раньше оставляли на могиле, а телегу не ввозили в продолжение трех дней во двор. Аналогичное явление встречаем мы у коми-пермяков, когда деревянные сани, служащие погребальной колесницей, оставляли на могиле, опасаясь, что[бы] кто-нибудь еще не умер, если увезут их обратно*. Страхом перед возвращением умершего объясняется и обряд вторичной инсценировки погребения, в настоящее время уже исчезнувший из быта терюхан. Он состоял в том, что березовую плаху клали на телегу, на нее садилась старуха. Вместо лошадей также впрягались женщины. Плаху везли за деревню в дол и оставляли там, приговаривая: «Как ты лежи, плаха, так и мертвец не ходи к нам».

При опускании умершего в могилу бросают 2 — 3 копейки денег, как бы выкупая землю. На гробу обозначают окно. Последний обычай широко был известен у саратовской мордвы, у мари и других поволжских народов.

Для возвратившихся с похорон топится баня и устраивается обед, после которого все расходятся по домам.

Публикуемый ниже материал записан нами в различных терюханских селениях. Записанные варианты похоронного обряда не являются совершенно новыми по своему содержанию, но они дополняют друг друга и позволяют восстановить этот обряд наиболее полно.

1. Когда умирает человек, то берут хлеб и кладут по куску в три дома; постучат в окошечко, чтобы взяли и помолились за умершего, и назовут его имя. Так дают помянуть в продолжение трех недель, кроме хлеба, еще изюминку для помина кладут. Обмывать умершую женщину зовут старушку, а мужчину старик обмывает.

Пожилых женщин в балахон одевают (шушпан), на голову платок, на ноги лапти, онучи наворачивают, молодых в сандалиях хоронят. Раньше женщин в сустугах хоронили и в низках¹⁹² (шейные и нагрудные украшения).

Покойника кладут на солому, покрывают холстом, на стол кладут каравай хлеба и начинают молиться, если церковь есть, и поп близко, то панихиду служат.

Старых девок на селе по покойнику читать приглашают. А хоронят по большей части на вторые сутки. Дорогу, когда несут покойника, переходить нельзя. Могилу роют свои родные, нет родных — односельчане. Когда покойника опускают

* **Хлопотов В.** Хозяйственный и нравственный быт пермяков // Ж. Мин-ва гос. имуществ. СПб., 1852. Т. 44, № 8. С. 175. — *Прим. авт.*

в могилу, то кидают 2 — 3 копейки, [то есть] землю покупают, и после этого земля откупленная становится. Подожек (палку) в путь-дорогу покойнику бросают и лопатой на гробу окошечко делают.

После похорон на могиле могильщикам по яичку дают, а то по кусочку пирога с кашей, маленьких ребят на могиле пряничками одевают. Носилки раньше на могиле оставляли, а теперь себе на топку берут. Потом обедать домой идут. Перед избой, у крыльца, идущих с кладбища встречают с ведром и утиральником, дают каждому умываться и руки вымыть; без этого и в избу не пускают. За обедом вино подают, щи с говядиной и кашу. Кутью и горох варят. После обеда хоронильщики (могильщики) в истопленную для них баню идут париться, по сторонам в других деревнях и попы ходят, а у нас что-то перестали. После бани чай пьют и расходятся по домам (с. Мигалиха, записано от К. Тихоновой, 60 лет).

2. Умрет женщина — старушку находят обмывать умершую; если мужчина умрет, то старичка приглашают. Старушку обряжают в мордовскую одежду, если она в таковой при жизни ходила. Рубаху одевают, шушпан с вышитыми рукавами, платок белый на голову покрывают, иной раз на грудь сустуг вешают. Ноги портянками обертывают и лапти обувают. Мужчин кладут в белую или крашеную холщовую одежду, а молодых в ситец. Сверху и сьисподи¹⁹³ холстом покрывают. В гроб сена настилают и подушку из соломы делают. После обмывания умершего на стол кладут и каравай с солью ставят. Разрезав хлеб, дают милостыню всем присутствующим в избе. С этого дня в продолжение 6 недель кладут по 3 милостыни. Подойдут к окну, постучат и хлеб положат — значит милостыня. Хоронят на второй день, а иногда и в этот же день. Гроб везут на телеге, а лошадь под уздцы ведут. Богатых с выносом выносят. Гроб с умершим на улицу с крыльца не выносят, а черным ходом во двор. Щепками от гроба никогда не надлежит печь топить, а необходимо их бросить открыто от глаз чужих. Переходить дорогу покойнику опасаются. При выносе покойника хлеб или крендель берут и первому встречному подают. Если в деревне никого не встретят, то кладут в церкви на окошко.

Носилки, по обычаю, на могиле оставляют, полотенце в церковь жертвуют, а полотенце с креста попом остается. На гробу окошечко делают — лопатой по стенке стукают. Раньше в могилу деньги бросали, а теперь этот обычай выводится стал. Маленьким деткам в гроб цветочков, конфеток, пряничков кладут. В день похорон топят баню. Вымывают все после покойника и сами в бане моются. Приходящих с похорон встречают на крыльце с водой и плещут прямо в лицо, потом в баню приглашают. А после бани обедать начинают. Могиль-

щикам вина подносят (д. Ольгино, записано от Прасковьи Кашиной, 50 лет).

3. В старину хоронили в долбленых колодах. На умерших надевали шушпан и лапти с хвостами. Часто клали орудия, которыми работал человек при жизни: топор, кочедык для лаптей и так далее.

Горшок, из которого омывают покойника, гребешок, которым расчесывают волосы покойнику, и солому, на которой он лежал, собирают и в то время, как везут покойника из деревни, бросают, приговаривая, чтобы он больше не возвращался домой. Избу после покойника окуривают, зажигая на полу можжевельник.

После похорон в старину делали так: брали березовую плаху, клали на телегу, на нее же садились старухи, вместо лошадей женщины впрягались и везли плаху за деревню, приговаривая: «Слава тебе, Господи, слава тебе, Богу, и больше ты к нам не ходи, не ходи». Свезут в дол, бросят плаху и говорят: «Как ты лежи, плаха, так и мертвец не ходи в дом». Возвратившихся домой окуривают можжевельником (д. Большое Секино, записано от Анастасии Солдатовой, 70 лет).

4. Похоронные носилки оставляют на могиле. До опускания гроба в могилу бросают деньги — этим самым землю выкупают. Настоящее окно в гробу не вырубают, а лопатой тюкают по стенке, как бы окошечко проделывают. Телеги, на которых везли покойника, в старину не ввозили дня три во двор, теперь уже стали ввозить. На могиле крест ставят — сю-ренюк. Пришедших с похорон опрыскивают водой (д. Надеждино, записано от Д. Барбасова, 70 лет).

5. Умерших хоронят в тот же день. Если не удовлетворяют в этом их привычке, то могла бы из этого быть страшная борьба. В гробу, при опускании его в могилу, священнослужитель уходит вырубать со стороны дома окошечко, для того чтобы покойнику можно было смотреть на родимое свое местечко и на домашних. В гроб мужчине клали кочедык, в гроб женщине — веретено. В более отдаленные времена, по рассказам стариков, мордва закапывала в могилы мужчин соху, борону, телегу и так далее, вследствие чего на могиле насыпались большие насыпи (Выписка из церковно-исторического и статистического описания церкви и прихода с. Сарлей Нижегородского уезда).

*НАНИИГН. И-945. Л. 133 — 139.
Машинопись. Подлинник.*

Поминальные обряды

Культ предков у мордвы-терюхан был широко распространен и ярко выражен, так же, как и у других групп мордовского народа — мокши и эрзи.

Поминальные обряды мордвы-терюхан можно подразделить на обряды, связанные с поминанием недавно умершего родственника и совершаемые в 3, 9, 20, 40-й день после смерти, через полгода и год, и обряды, связанные с культом и почитанием давно умерших предков и совершаемые по установленным в году дням.

К сожалению, имеющиеся записи первой группы обрядов не позволяют установить специфику каждого поминального дня, так как ко времени сделанных записей дохристианский ритуал поминального дня почти исчез и был заменен церковным поминанием. Сохранился только обычай проводов души умершего за ворота дома или околицу деревни.

Обряды второй группы сохранились более полно и бытовали в первой четверти XX в. в форме общественных поминок — тризн на могилах умерших родственников, приуроченных к определенным дням в году, начиная с Масленицы и кончая глубокой осенью днями Покрова (10 октября [по] ст[арому] ст[илю]) и Казанской¹⁹⁴ (22 октября [по] ст[арому] ст[илю]).

Весьма интересным среди цикла поминальных обрядов был обряд встречи родителей. Ушедший из быта в начале XX в., он хорошо сохранился у терюхан в памяти старшего поколения, которое помнит этот обычай приглашения умерших родителей и других родственников на праздник домой, для которых топились бани, накрывался стол, готовились любимые кушанья и постилались постели. Дни встречи приурочивались по большей части к последним дням седьмой недели Великого поста, иногда на Масленицу. По некоторым записям, в отдельных деревнях устраивались на Фоминой неделе (первая неделя после Пасхи)¹⁹⁵. Побывши несколько дней дома, умершие торжественно провозжались в потусторонний мир до следующего года.

Описанные выше обряды, связанные с культом предков, широко известны и другим народам Поволжья — чувашам, мари, удмуртам*.

Поминки на 3-й и 40-й дни

1. По прошествии трех дней со смерти родственника после обеда старухи с подогом (палкой) шли за околицу, чаще всего

* Религиозные верования народов СССР. М. ; Л., 1931. Т. 2. С. 177 — 260. — *Прим. авт.*

где стояли бани. Кидали подог, приговаривая: «Поди, поди, да к нам не ходи». Этот обычай известен был лет 30 тому назад и в настоящее время исчез. На поминках ставят мед, капусту, мясо, можжевельник. Делают калинники¹⁹⁶. Они состоят из солода с водой и пареной калины, которую для этого кладут в плошку и парят в печке суток двое. Делают лепешки из гороховой муки, которые пекут на сковородках, делают еще гречишники из гречневой муки, которые забалтывают с водой и пекут в виде блинов на сковороде (д. Инютино, записано от Арины Соловьевой, 50 лет).

2. На 40-й день после смерти устраивают обед, а затем идут провожать покойника. Несут к воротам остатки обеда, ковшик кваса, ковригу хлеба и подожек (палку).

Помолятся у ворот, плеснут из ковшика, хлеба отщиплют и подожек бросят. Подожек бросают для того, чтобы шла душа в Иерусалим и не устала (с. Мигалиха, записано от А. Афонинной, 65 лет).

3. Как минет 40-й день, обед собирают и в тот же день умершего провожают.

После обеда идут на зады, взяв с собой ковшик воды, из которого плещут на землю, а в избе под образа ложку и кусок хлеба кладут (д. Чертовка, записано от П. Серовой, 70 лет).

Поминальные обряды, совершаемые в течение года

1. Поминание развито у мордвы. Кроме родительских церковных дней¹⁹⁷, поминают в Неделю Всех Святых¹⁹⁸ на кладбище, куда отправляются крестьяне после обедни, потом в Семик, в Ильин день и на Покров бывает тоже поминание на кладбище.

Со всего прихода собирается мордва на кладбище, неся с собой всего наготовленного съестного припаса: хлеба, кваса, ватрушек, яиц, огурцов и пирогов с бибиной (ягодами). Помолвившись, пришедшие садятся на могилу, кладут в нарочно вырытую ямку всего понемногу из принесенного и сами вкушают. Затем начинают вопить (причитывать о покойнике), остальное из принесенного делят с нищими. Почему именно эти дни выбраны для поминовения усопших у мордвы, неизвестно. Это остаток старины, особенно в Семике (Из летописи Сарлейского училища, 1915 г.).

2. Поминовения совершаются четыре раза в лето — в Радужное воскресенье, в заговенье перед Петровым постом, в Ильин день и в Покров. После обедни отправляются на кладбище, служат панихиды¹⁹⁹ на могилах, куда родственники умерших приносят пшеничный хлеб, пироги, ватрушки, яйца, ягоды, и все это раздается бедным. В настоящее время обычай этот

носит вполне религиозный характер. Не то было раньше, лет 50 — 70 тому назад. Тогда после панихиды на могилах устраивались обеды, напоминающие собой языческую тризну²⁰⁰. Обильная пища — вареная, печеная и жареная, запивалась квасом, деревенским пивом и водкой в изрядных количествах. Кроме всех родственников, принимала участие и нищая братия, собиравшаяся сюда из разных селений. При этом угощались не только живые, но и умершие: на могилах выкапывались небольшие ямы, куда клали им всякой пищи и возливали напитки, до вина включительно. Набивши рты пищей, родственники вопили по умершим с различными причитаниями, в которых вспоминалось неравнодушие их к тем или иным кушаньям и напиткам, а также расхваливали их личные качества. Обычай этот унаследован от предков, происходивших из особого мордовского племени, известно под именем «терюх» (Выписка из церковно-исторического и статического описания церкви и прихода с. Сарлей Нижегородского уезда, 1918 г.).

3. На Вознесение и на Покров приходят на кладбище поминать умерших. Стряпают, что любили умершие. Солодуху (кулагу)²⁰¹, пиво приносят и начинают вопить по-мордовски:

Милый мой, поешь, поешь,
Смотри, меня не забывай,
Я тебя не забываю,
Я вот принесла тебе,
Что ты желал,
Чего раньше ел.
Милый мой, как тебя жалко,
Цево* только тебе надо,
Я тебе все бы приготовила,
Я тебе баю,
Почему ты мне не отвечаешь ничего?
Припомни, смотри меня.
Я об тебе забоцуся*.

На могилах родственники едят принесенную еду и дают нищим (д. Большое Сескино, записано от Елены Солдатовой, 50 лет).

4. Родители ходят поминать на Семик, Ильин день, Покров. Берут с собой пищер (короб), который плетут из лыка, в него кладут кашу, кислых лепешек, яиц и покупают пряников и кренделей. На могилке крошат яйцо для родителей, потом кладут лепешку и служат панихиду.

Мальчишки, девчонки и нищенки ходят подбирать оставленные яйца и лепешки (д. Большое Сескино, записано от Анны Кулеминой, 55 лет).

* Цоканье. — *Прим. авт.*

5. В Троицыну субботу в церкви ставят стол, накладывают изюму, меду, блинов, хлеба, яиц, пряников, огурцов. Потом идут с пищером на могилы, где служат панихиды, обедают на могилках, дают деньги и яйца попам. Осенью перед Казанской (от Покрова третья суббота), если еще снега нет, также на могилки ходят (д. Лом, записано от А. Шибановой, 56 лет).

6. ВОПЛЕНИЕ ПО МАТЕРИ

Встречай меня, мамонька, с горючим слезам,
Бесчестную, разнесчастную.
Уж накопила больно много горюшка.
Больно уж, мамонька, благо без тебя.
Добрые люди-то, мамонька, с матерями живут.
А я, мамонька, без матери живу.
Уж промолви хоть одно расправедное словечко со мной.
И я осталась, мамонька, осталась разгорькая,
Разнесчастная. Упрошенная,
Умоленная я у тебя была.
Припотели, мамонька, добры люди.
Те люди утром нежатся,
А я, мамонька, утром вставай,
Завтрак готовь.
Грובה земля, раскройся.
Промолви, мамонька, со мной одно словечко.

(д. Макраша, записано от Марии Зубовой, 35 лет)

7. ВОПЛЕНИЕ ОБ ОТЦЕ

Ты встречай меня, папонька,
С горючим слезам.
Ведь мамонька-то милая,
Ты знаешь ли мово
Большого горя,
Что тятеньки не стало?
Я, тятенька родимый,
К добрым людям пойду.
Отца-то у меня нет,
Матери-то у меня нет.
Добрые-то люди, тятенька,
С косами пойдут,
А я, тятенька родимый,
Горючими слезами зальюсь.
Я, тятенька родимый, не знаю,
Как времечко идет, проходит.
Ждала я, тятенька, этого денечка,
Как бы, тятенька, рассказать великое горе.
Грובה земля, раскройся,
Стань, тятенька, стань, родимый,
Промолви одно словечко.

Я была, тятенька родимый,
На диковине у вас, на потехе.
А сейчас, тятенька родимый, я дура и ...
(д. Макраша, записано от Марии Зубовой, 35 лет)

8. ВОПЛЕНИЕ ОБ УБИТОМ МУЖЕ

Уж хозяина у меня нет и четверо детей,
И как благо-то, как негоже-то.
Я насмешная сирота и многобатенная*.
Уж хоть бы ты, мой хозяин,
Да дома-то умер,
Все бы полегче мне было.
Уж кабы детушек поменьше было,
Все бы полегче мне жить было.
И сзади, и впереди только говорят
Про вдов и сирот.
Да как благо-то, как негоже-то
В сиротстве-то жить.
Уж как бы было полегче
Разрыть бы да живой в могилу лечь.
(д. Макраша, записано от Марии Зубовой, 35 лет)

Обряд встречи покойников

1. В страстной четверг бабы готовили раньше всякие скоромные угощения: варили брагу, пекли пироги. Затем отправлялись всей семьей к кладбищу звать покойников. В избе на лавках** стелили холщовые полотенца, нарочно для того сделанные (они назывались «лангаксикки»), расставляли еду на столе и угощали покойников. Всю пятницу, субботу и воскресенье покойники оставались в гостях. В понедельник устраивались проводы. Шли за огород, взяв с собой лангаксикки и всякого угощения, браги, а также особые ковши с монетами на ручке, нарочно для этого случая предназначенные и весь год хранившиеся в амбаре на запоре. Стелили лангаксикки в огороде, не земле, ставили на них ковши и клали угощение. Затем от каждого кусочка соскабливали небольшую часть, и все это завязывали в узелок. Это называлось «вознопал отщипнуть». Узелок вешали на березку, чтобы склевала птица. Из каждого ковша немного браги отливали на землю в огороде (д. Чертовка (Малое Сескино), записано от Е. Блониной, 62 лет).

* Разговорчивая. — Прим. сост.

** «На лавках» вписано от руки над строкой.

2. Зовут родителей в среду или в четверг на Масленицу, а провожают в пятницу вечером после обеда. Обычай этот существовал лет 30 тому назад. При проходах поливали снег квасом, пекли блины и оладьи, ели все приготовленное в огороде под яблоней. Бросали яйца и оставляли крошки от еды для умерших родственников (д. Чертовка (Малое Сескино), записано от Серовой, 70 лет).

3. В Великую пятницу²⁰² разговлялись, призывали родителей, выходили в огород, отворяли двери: «Родители праведные, просим милости в гости к нам». В эту пятницу в переднем углу клали лоскутки, тряпочки, вроде как постель. Вечером в пятницу, когда разговлялись, щипали от всех кушаний кусочки и выносили в субботу в огород. Отворяли широко дверь и провожали умерших родственников. Лоскутки убирали. Эти два дня праздновали, «как родителей призывать» (д. Большое Сескино, записано от А. Солдатовой, 70 лет).

4. На Страстной неделе в субботу топили баню, наливали в корыто воды, накладывали веников для парки и приглашали умерших родителей париться: «Ну, родители праведные, приходите, парьтесь, и для вас сегодня праздник».

Так делали, когда он был мальчиком, рассказывал об этом Петр Мотков. Ему говорили, что будто бы из Терюшева шли покойники домой мыться, одетые в шушпаны «брянчали сустугами». Попарятся и уходят обратно на кладбище в с. Терюшево (д. Большое Сескино, записано от Петра Моткова, 54 лет).

5. По рассказам бабушки, на Пасху созывали родителей, стол накрывали, ложки клали и ставили стряпню. «Садитесь, праведные, ешьте!» До обеда водой плескали по избе и утирком махали, чтобы покойники утирали руки, а потом сядились праведные обедать. После обеда стлали постель по лавкам, приговаривая: «Ложитесь, праведные, отдохайте!». На следующий день идут провожать родителей до речки и бросают подожок (д. Лом, записано от А. Шибановой, 56 лет).

6. Встреча родителей происходит в понедельник утром (после Пасхи). Хозяйева дома стоят у ворот, приговаривая: «Родители, идите все к нам в гости».

Провожали родителей вечером в среду. Варили пиво, кашу просяную молочную, пирожки пекли, брали яиц, клали все в чашку и выносили под яблоню. Ставили чашку на землю. Кланялись крестом три раза, на колени становились, приговаривая: «Приходите, родители праведные, к нам сюда». Квасом поливали землю, кидали крутки²⁰³, пшено и соль. Ковши были деревянные и медные с копейками (д. Макараша, записано от Н. Артюховой, 50 лет).

*НА НИИГН. И-945. Л. 140 — 149.
Машинопись. Подлинник.*

ФОЛЬКЛОР

ПЕСЕННЫЙ РЕПЕРТУАР МОРДВЫ-ТЕРЮХАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Местные песни-были

ВАКУР

Засорил Вакур дорогу.
Нет ни конному проезду,
Нет ни пешему проходу.
— Я вечер с Москвы приехал
Со каленым орехам.
Все лошадушки устали,
Все копытушки отбили.
Один буренький не устал,
Он копытушки не отбил.
Порожним с Москвы приехал.
Вставай, моя матушка,
Где моя жена Чеворга,
Раскашенная керемка?
Ушла уже на две недели,
Гостит уже три недели.

Далее рассказчица не помнит. Муж, по ее словам, пошел за своей женой в М[алое] Сескино и был там убит. В основу песни положено, по ее словам, реальное событие, отчего песня и носит название были (с. Мигалиха, записано от Екатерины Малухиной, 65 лет).

Вариант песни про Вакура:

На ключике, на грачике,
На той реке Сереже
Тут стоял Вакур с Дунаем,
Со большой сестрой Кудалькой.
Не давал Вакур проходу пешему,
Ни пешему проходу, ни конному проезду.
Уж запер Вакур большую Арзамасскую дорогу,
Дошла жалоба до белого царя²⁰⁴,
Изловили же злодея, его поймали.

Песня не окончена, продолжения рассказчица не помнит (д. Большое Сескино, записано от Е. Масовой, 58 лет).

* Керемкой, по объяснению рассказчицы, назывались раньше волосы, закрученные на лбу женщины. — *Прим. авт.*

Вариант песни про Вакура:

На ключике, грачике,
На той реке Сереже
Я вечер с Москвы приехал
С каленым с орешкам.
Все лошадушки устали,
Один Буланка не устал.
— Авай²⁰⁵, авай, матушка,
Где моя жена Чеворга?
— Твоя жена Чеворга в Большом Сескино в гостях,
В большом роду Миронят.
— Авай, авай, матушка,
Где моя жена Чеворга?
Твоя жена Чеворга в шабрах.

<...>

— Погоди, зятюшка, погоди, батюшка,
У меня в печи яичница прячется,
Поросенок жарится.

Далее рассказчица забыла (д. Арманиха, записано от И. Логуновой, 50 лет).

ВО ИНЮТИНЕ ДЕРЕВНЕ

Во Инютине деревне
Ходил Кормай, гулял Кормай
Со звонкой дудочкой.
Заходил Кормай в мужичью беседу,
Хвалился Кормай:
— Эти онучи, эти бучены²⁰⁶
Кудалькиной Марьюшки.
Пошел Кормай из мужичьей беседы,
Заиграл Кормай во звонкую дудочку,
Заходил Кормай во ребячью беседу.
И хвалился Кормай:
— Эти перстни, эти обручья
Кудалькиной Марьюшки.
И пошел Кормай из ребячьей беседы,
Заиграл Кормай во звонкую дудочку,
Заходил Кормай в девичью беседу,
Хвалился Кормай Кудалькиной Марьюшкой.
Как услышала это Марьюшкина матушка,
Говорила:
— Погоди, Кормай, хвалиться,
Я тебе, Кормай, пущу вошку в голову.
А он в ответ сказал:

— Я на Волгу пойду,
Куплю рыбий гребешок.
Этим гребешком, этим рыбьим
Эту вошку изловлю.
И ушел Кормай с молодой женой спать.
Поутру встала его родимая матушка.
— Ты вставай, Кормай, ты вставай, Кормай,
Горячих блинов есть.
Не поднял Кормай голову, не подал голосу.

(старинная мордовская песня, записана в д. Малое Сескино
(Чертовка) в 1927 г. от Алены Машонковой, 56 лет)

ОЙ, КЕДЕР

Ой, Кедер, Кедер, Кедерке,
Я ввечер с Москвы приехал
Со каленым орехам.
Наутро поехал к теще в гости.
А жена на меня нажаловалась братьям родным,
Они меня приняли очень хорошо.
Да и ей стало жалко меня, да некогда.
Кедер был дудник,
Играл на дуде.
Жена стала, выпивши, плясать под дуду.
Пляшет, пляшет да мне в ногу топнет,
Чтобы догадался, убежал я.
Бросился я во все ворота,
А они заперты на клиньях, а на железных.
Здесь Кедеру вилами скололи до смерти.

В содержании передается то реальное событие, которое произошло в соседней деревне Малое Сескино и вокруг которого сложилась песня. В настоящее время песня почти забыта, но случай, произошедший с Кедеркой, еще в памяти (с. Мигалиха, записано от Ольги Кульковой, 38 лет).

ПРИХОДИЛ ЕНЬКА

Приходил Енька, приходил Енька:
— Ты пойдем, Фролка, пойдем, братец,
Во Тарусинский лес гулять.
Там и ходят, там и гуляют
Тарусински девушки.
Они собирают сладкую красную малину.
Ты лови, Фролка, ты лови, братец,
Самую лучшую девушку.
Поймал Фролка, поймал Фролка
Самую лучшую девушку.
Она кучилась²⁰⁷ ему, кланялась:

— Пусти, дядюшка, пусти, родимый,
Вот тебе, дядюшка, вот тебе, родимый,
Меда на парьке²⁰⁸ с малиной.
— Не нужна мне твоя парька с малиной,
А нужна твоя девичья красота.
— Вот тебе, дядюшка, вот тебе, родимый,
Черный кафтан с костылями²⁰⁹.
— Не нужен мне твой кафтан с костылями,
А нужна твоя девичья красота.
— Вот тебе, дядюшка, вот тебе, родимый,
Из ушей плетни²¹⁰ длинные.
— Не нужны мне твои из ушей плетни длинные,
А нужна твоя девичья красота.
Пусти, дядюшка, пусти, родимый,
Подружки домой придут, батюшке скажут,
Мой батюшка, мой родимый
Над всем миром голова.
И он пригонит, и он приедет
На вороных на конях, на высоких ящиках.
По бокам бегут, по бокам бегут борзые кобели.

Данная песня поется на посиделках, на беседах по вечерам (записано в д. Малое Сескино в 1927 г. от Ефимьи Чарушиной, 56 лет).

ПУЛОМКА

Пулумка ходила в лес по ягоды,
У ней порвалася на лапте оборина.
Подружки ушли, она заплуталася,
Кустик за кустик, пенек за пенек,
Подошла она к березке:
— Выведи меня на торную дорогу.
— Надсмеялась, девушка, надсмеялась, красная,
Надо мной, березой.
Подошла она к горькой осинушке:
— Выведи меня на торную дорогу.
— Надсмеялась, девушка, надсмеялась, красная,
Над горькой осиною.
Подошла девушка к кудрявой рябине:
— Выведи, рябина, выведи, кудрявая,
На торную дорогу.
— Гляди, девица, гляди, красная,
На красное солнышко.
Она шла и шла,
На избушку вышла,
Отца, мать нашла.

(д. Инютино, записано от Пелагеи Талызиной, 40 лет)

СОБИРАЛСЯ ЯНЬКА

Собирался Янька, соби́рался Янька
В славную Макрашу с пирогам.
Как и звал Янька, как и звал Янька
Он цирюльника Степана:
— Поедем, Степан, поедем, братец,
В славную Макрашу с пирогам.
— Пойдите, братцы, пойдите, братцы,
Во вчерашнюю ночь нехороший
Мне сон сгрезился.
Будто два ворона, будто два черных
На головушке сидели,
Мою буйную головушку долбили.
— Полно, Степан, мордовские лясы точить²¹¹.
— Поди, хозяйка, поди, молода,
Мне черный чапан²¹² принеси.
Пойди, Васенка, поди, дитятко,
Звонку дудочку принеси.
Садился Степан, садился Степан
На переднюю троечку.
Заиграл Степан, заиграл Степан
Он во звонкую дудочку.
Де* не взялася, де не взялася
Серая кошка перебежала дорогу,
А навстречу встретилась черная цыганка.
— Не будет пути, не будет пути
Сему поезду в дороге.
Сутки гуляли, другие гуляли
Мы по славной Макраше.
Запела дуда, запела звонкая
Против Саломашникова двора.
Подошел батюшка, подошел родимый
К луговой клети.
— Отворь, Аннушка, отворь, доченька,
Луговую клеть скорее.
(Она отворила). Висит дудочка, висит звонкая...

Песня не закончена. По словам рассказчицы, героя песни убивают. В основу песни положен реальный факт, случившийся в д. Макраше (записано от А. Орловой, 56 лет).

СОБИРАЛСЯ ЯНЬКА (вариант)

Собирался Янька, соби́рался Янька
Во славну Макрашу с пирогам.

* Усечение первого звука. — *Прим. авт.*

Как и звал Янька, он чирульника* Степана:
— Поедем, Степан, поедем, братец,
Во славную Макрашу с пирогам.
— Я, бат, не поеду, я, бат, не поеду,
Мне дома недосуг.
У меня пашенка не пахана,
Бороньба не боронена,
На гумне горох не веян.
— Полно, Степан, полно, братец,
Мордовские лясы заводить.
Молода жена пашенку спасет,
Малы детушки бороньбу сбронят.
— Поди, жена, поиди, хозяйка,
Черный цапан** принеси.
Поди, дятитко, поди, милое,
Мне из верхней клетки
Звонку дудочку принеси.
Садился Степан, садился братец
На переднюю троецку**.
Заиграл Степан, заиграл братец
Во звонку дудочку.
— Слушайте, братцы, слушайте, милые,
Что я вам буду баить.
Не будет пути, не будет пути
Во славной Макраше нам гулять.
Как выезжают, перебежала
Сера кошка со котятами
Сему поезду дорогу.
— Баял, братцы, баял, милые,
Не будет пути нам
В славу Макрашу гулять.
Среди пути, среди пути
Дуга лопнула у яво.
Подъезжают к славной Макраше,
Встречают новых гостеньков...

Далее рассказчица песни не помнит. По ее словам, Степана в деревне Макраше убили (с. Мигалиха, записано от Пелагеи Илюхиной, 70 лет).

ХОДИЛА ЛЮБКА

Ходила Любка в Березники горшки класть.
Кучилась, кучилась Любка березнинской бабушке:

* Чирульника. — *Прим. сост.*

** Цоканье. — *Прим. авт.*

— Полож, бабушка, полож мне легонькие горшечки.
— У тебя, Любка, у тебя, Любка, не горшечно брюшечко.
У тебя, Любка, бат, Любка, завелся в брюхе ребеночек.
Вижги, бабушка, вижги, бабушка,
Из мово брюха ребеночка.
Запивать будут, запивать будут,
Первую рюмочку поднесу.
Отдавать станут, отдавать станут,
Полоксяк шушпан наденешь.
Не дошла Любка, не дошла Любка
До полупути дороги.
Мучилась Любка, мучилась Любка
В частом ельничке, березничке.
Родила Любка, родила Любка
Расхорошенькую девушку.
Вертела Любка, вертела Любка
В тонкий беленький платочек.
Заорила, заорила²¹³ Любка
В желтый меленький песочек.
Мне, бат, не жаль, не жаль платочек,
Жаль хорошенькую девушку.
(с. Сиуха, записано от Елены Васенковой, 52 лет)

Эпические песни и былины

БЫЛО У БАТЮШКИ ДЕВЯТЬ ДОЧЕРЕЙ
Было, было у батюшка* нас девять дочерей,
А десятый родной братец — охотничек молодой.
Взял он в ручку пистолетик,
За охотой в лес пошел.
Не бывал братец из рощицы
К своему дому пять годов.
Пропустивши я это времячко,
За малиной в лес пошла.
Наезжает на красавицу охотничек молодой.
Не спросивши роду, племени,
Стал с ней шуточки шутить,
Что такие шутки мерзки
Неприличны были ей.
Пошутили таки шуточки,
Стал выпрашивать ее:
— Ты скажи, скажи, красавица,
Чьего роду хороша?

* Им[енительный] п[адеж]. — *Прим. авт.*

Или царская, или боярская, или
Купеческая дочь?
— Я не царская, не боярская, не купеческая дочь,
А было нас, было девять дочерей,
Десятый родной братец в охотнички
В лес пошел...

Продолжение песни рассказчица не помнит, но конец ее таков, что брат находит сестру. В основу песни, по словам рассказчицы, положено реальное событие (д. Инютино, записано от Анны Баженовой, 35 лет).

КАК ВО ГОРОДЕ, ВО КИЕВЕ

Как во городе, во Киеве
Жила-была молодая вдова.
У нее было девять сыновей,
А десятая дочь несчастная,
Дочь несчастная, горемычная.
Братья сестру лелеяли,
Полелеявши, на разбой пошли,
Своей матери наказывали:
— Уж ты, мамонька, не отдай сестру.
Не послушала, дочку выдала
За богатого, за армянина.
Жили год, жили два,
Жили три года.
На четвертый год сына прижили
И надумали в гости к матери.
И напали на них злые разбойники.
Они мужа-то зарезали,
А сына-то в воду бросили,
А молодую под надзор взяли.
Все спать полегли,
Лишь один не спит,
Богу молится.
Помолившись, стал он спрашивать:
— Чьего роду ты, чья, откудава?
— Я из городу, я из Киева,
Там жила-была молода вдова,
У нее было девять сыновей,
А десятая — я, дочь несчастная.
— А ну вставай-ка, братья, что мы сделали,
Что мы сделали, что наделали?
Мы родного зятя зарезали,
А племянника в воду бросили,
А родную сестру под надзор взяли.

(д. Малое Сескино, записано от А. Серовой, 56 лет)

КАК МОСКВОЮ КУПЦЫ ПРОЕЗЖАЛИ

Как Москвою купцы проезжали
И ко вдовоньке заезжали.
— Уж как вдовонька-вдова,
Ты пусти, вдова, на квартиру, постояти.
— У меня, бат, дворик нестоялый,
А избушка-невеличка.
Силой к вдовоньке ворвались,
Все в избушке убрались.
Сели по лавочкам, по скамеечкам,
А один купец не садился,
Он по горенке расхотился.
Подошел ко вдове он поближе:
— Уж ты, бат, вдовонька-вдовица,
И давно ль, вдова, вдовеешь,
Давно ль, горькая, сиротеешь?
— Я, бат, при горе годы позабыла,
И не девятый, не десятый.
— У тебя, бат, много ли денег?
— У меня денег полтинка²¹⁴, а хлеба осминка²¹⁵.
— Ты, вдова, сними-ка с меня черную шляпу,
А на шляпе полотенце, не твое ли рукодельце?

Песня записана в д. Малое Сескино от Е. Чарушиной, 50 лет.

КАК ПОЕХАЛ КНЯЗЬ МИХАЙЛО

Как поехал князь Михайло,
Он во дальнюю дорожку,
Не в знакомую сторонку.
— Воротися, князь Михайло,
У тебя в доме нездорово,
Твоя матушка хворает,
Молода жена княгиня
В полночь горенку топила,
Горяч камень накалила,
К сердечушку приложила...

Песня не закончена (д. Малое Сескино, записано от Алены Машонковой, 56 лет).

ТЕКСТ ТЕРЮХАНСКОЙ ПЕСНИ*

В деревне Торшова
Жил мужик богатый,
Сгребал деньги лопатой,

* Из статьи в «Этногр[афическом] обозр[ении]». 1913. № 1 — 2. —
Прим. авт.

Звание ему Вачайка.
Дочь была у него Саманька²¹⁶;
Сама собой маленька,
Личком беленька,
Волосом русенька.
Сидела Саманька с своим подружкам в теплой бане,
Коя²¹⁷ хвалилась одеждой,
Коя хвалилась работой:
— Ох вы, красные девушиньки,
Милые подруженьки!
Нашли об чем хвалиться,
Нашли чем величаться!
Я бы, красная девушка, Казань-город взяла,
В три часа под свои руки подобрала.
Какой есть там царь,
Какой есть государь?
Семь лет берет,
А все еще не возьмет.
Я бы, красная девушка,
Своим девичьим умом
В три часа взяла,
Не хитростью, не мудростью,
Своим девичьим умом взяла бы.
Тут государевы драгуны²¹⁸ подслушивают,
Великому государю докладывают.
Через трое суток государь за Саманькой посылает,
Через своих драгунов на шестнадцати тройках
к себе вызывает.
Подъезжают к Вачайкову двору высокие повозки,
Останавливаются у его ворот зеленые коляски.
Сидит Саманька у красного окошка,
Вышивает узорья калханы*
Глядит и сама кричит:
— Ох, тятяй, тятяй, батюшка!
Что это за солдаты,
Что это за драгуны —
В великих повозках,
В зеленых колясках²¹⁹
К нашему двору подъезжают,
Свои повозки останавливают?
Спроси-ка, батюшка,
Зачем они подъехали,
У наших ворот встали?

* Калханы — мордовское шитье, употребляемое на женских рубахах. — *Прим. авт.*

— Что вы, государевы солдаты,
К моему двору подъезжаете,
Свои повозки останавливаете?
— Мы не солдаты,
А государевы драгуны.
— Зачем же вы приехали?
— За твоей дочечкой, за Саманькой,
Увезем твою дочку к великому государю.
Она собой хвалилась,
Над государем посмеялась.
— Родимый батюшка, сули им два ста,
А мало — три ста.
— Дурак, мужик Вачайка!
Мы два ста и три ста возьмем,
А Саманьку-то к государю увезем.
Срядилась Саманька,
Входила в высокую коляску,
Садилась в зеленую повозку.
Саманьку привозят,
К государю на лицо приводят.
— Ох ты, красная девка,
Богатого отца дочь!
Сама ты собой хвалилась,
Надо мной смеялась,
Голова с тебя долой!
— Батюшка свет, великий государь,
Мою голову руби,
Теперь на плахе от плеч отвали! —
— Ох ты, красная девка,
За что надо мной смеялась?
Чем ты хвалилась?
Прочь от меня поди,
Чем хвалилась, то и сотвори!
— Батюшка, великий государь,
Дай мне пятьдесят человек с человеком,
Дай мне с порохом пятьдесят бочонков с бочонком.
Вот подрылась Саманька
Под Казань-город близко,
Под Казанскую стену низко;
Накатила Саманька
Пятьдесят бочонков с бочонком;
Воткнула Саманька
У каждого бочонка по восковой свечке в порох;
Сама взяла свечку.
Государю — другую.
— Ох ты, красная девка,
Полтора часа житья тебе!

Как скорее свечки сгорят над землей,
То голова с твоих плеч долой.
— Батюшка, великий государь!
Поди на восток,
Бога помолим,
Земляной поклон положим, —
Наружные свечки сгорели,
А Казань взять еще не успели.
— Ох ты, красная девка!
Голову сниму с тебя долой,
Что надсмехалась надо мной.
— Но, великий государь!
На воле свечки горят скорей;
Нежели как они тают под землей. —
Дошли свечки до каждого бочонка,
Взяло Казань рвать,
Взяло стену метать.
Государь говорит:
— Ох ты, красная девка!
Стоит тебя миловать,
Чем же тебя жаловать?
— Прощу тебя, великий государь!
Меня, пожалуй,
Ничем не жалуй.
Позволь твое лицо колоти,
На лбах носить.
К отцу, к матери отпусти. —
И отвезли Саманьку домой
На высоких повозках,
На зеленых колясках.

А. В. Марков, знавший исследование [В. Ф.] Миллера и писавший на год позднее (его книга вышла в Тифлисе в 1914 г.), считал, «что песня эта, несомненно, довольно нового происхождения. Упоминаемые в ней солдаты, драгуны и зеленые коляски указывают на XVIII в. как на время ее сложения».

Ввиду того, что одна из песен, записанных в Терюшевской волости, величает царя Петра Алексея, того, который отдал эту волость грузинскому царевичу²²⁰, можно предполагать, что и песня о Саманьке сложена при Петре I. Поэтическим ее образцом была популярная русская песня о взятии Казани. Некоторые подробности взятия Казани сближаются с двумя пересказами, записанными в Пермской губ[ернии]²²¹ и в Елабужском у[езде] Вятской г[убернии]²²².

Этнографическое обозрение. 1913.
№ 1 — 2. С. 46. (Более подробно см. в тексте книги).

Песни игровые-хороводные

ВДОЛЬ ДЕРЕВНИ ТРОПОНЬКА

Вдоль деревни тропонька,
По тропоньке галка шла,
Ой, люли, галка шла.
За галонькой соколик,
Ой, люли, соколик.
Схватил галку за крыло,
За то крыло правое,
За те перья сизые.
Корилася галонька:
— Ты, соколик, отпусти.
— Тогда галку отпущу,
Когда сизы перья ощиплю,
На улицу вынесу,
Добрым людям покажу.
По тропоньке Анна шла,
За Ньюшей — Ванюша.
Схватил Анну за плечо,
За то плечо правое,
За ту ленту алую.
Корилася Аннужка:
— Ты, Ванюша,пусти.
— Тогда Анну пущу,
Когда ало платье изорву,
На улицу вынесу,
На улицу вынесу,
Добрым людям покажу,
Тея*, Анна, постыжу.

Игровая песня. Поют по вечерам на Масленицу, когда водят хороводы (с. Сиуха, записано от Е. Мамаевой, 60 лет).

ВДОЛЬ ПО БЕРЕЖКУ, ВДОЛЬ ПО КРУТОМУ

Вдоль по бережку,
Вдоль по крутому
Добрый молодец идет.
Сам с кудрями разговаривает:
— Кому мои кудри, кому мои русы
Достанутся чесати?
Доставались мои кудри,
Доставались мои русы

* Тебя. — *Прим. авт.*

Старой бабушке чесать.
Она и не чешет, и не гладит,
Только кудри русые дерет.
Доставались мои кудри,
Доставались мои русы
Красной девице чесати.
Она и чешет, она и гладит,
Волос к волосу кладет.

(д. Большое Сескино, записано от Марии Горячевой, 22 лет)

ВДОЛЬ УЛИЦЫ ШИРОКОЙ

Вдоль улицы широкой
Шелкова трава.
Ой-ли-ой, люшеньки, шелкова трава.
По той травке, по муравке
Девки гуляли,
Ой-ли-ой, люшеньки, девки гуляли.
Выезжал детинушка, с Дону казачок,
Казаченок, молоденок
Невесту выбирал.
Ой-ли-ой, люшеньки, невесту выбирал.
Выходила девка Ньюшка, тонка, высока,
Тонешенька, вышешенька, лицом хороша,
— Хорошая, пригожая, пойди за меня.
Ой-ли-ой, люшеньки, пойди за меня.
— Пойдем сходим к шабренишке,
Спросим про тебя.
— Шабренишка, голубушка,
Скажи, не утай.
Ой-ли-ой, люшеньки, скажи, не утай.
— Невестушка, голубушка,
Всю правду я скажу:
Он пьяница-пропойца, пропилил весь домок.
— Де Ванюшка, молоденька, не иду за тебя,
Ой-ли-ой, люшеньки, не иду за тебя.

Песня эта круговая, игровая, поется в те дни, когда водят хороводы, чаще на Масленицу. Во время этой песни парень ходит по кругу и выбирает невесту. Некоторое время они гуляют вместе, а потом в конце песни невеста покидает своего жениха, и песня начинается сначала (д. Большое Сескино, записано от Марии Горячевой, 18 лет).

ВЕНКИ МОИ ЛАЗОРЕВЫЕ

Венки мои лазоревые,
Калина, малина.
Цветы мои веселые,

Калина, малина.
Улица широкая,
Калина, малина.
Кругом хожу, не выхожу,
Калина, малина.
Конем ежжу, не выезжу,
Калина, малина.
Себе ровню не выберу,
Калина, малина.
Мне выбрался стар добрец,
Калина, малина.
Не ровня мне,
Калина, малина.
Не ровнюшка, не под версту, не по мысли,
Калина, малина.

(д. Ольгино, записано от П. Кашиной, 40 лет)

ВИННЫЙ МОЙ КОЛОДЕЗЬ²²³

— Винный мой колодезь,
Опять стоишь, воды нет?
— Конь воду выпивал, грязь копытой выбивал.
Копытой, копытой, серебряной подковой.
— Царский сын, королев,
Куда ездил, разъезжал?
— Ездил я, разъезжал в Казань-город гулять,
Выбрал я, выбирал казанскую девушку.

(Парень ходит по кругу и выбирает казанскую девушку), с самого начала:

— Винный мой колодезь,
А что стоишь, воды нет?
— Конь воду выпивал,
Грязь копытой выбивал.
— Царский сын, королев, куда ездил, разъезжал?
— Ездил я, разъезжал во Москву-город гулять,
Выбрал я, выбирал московскую девушку,
Московскую девушку выведу на улицу.
— Винный мой колодезь,
Что стоишь, воды нет?
— Конь воду выпивал, грязь копытой выбивал.
Копытой, копытою, серебряной подковою.
— Царский сын, королев, куда ездил, разъезжал?
— Ездил я, разъезжал во Питер-город гулять*,

* Слово «гулять» вписано от руки.

Выбрал я, выбирал
Питерскую девушку,
Питерскую девушку выведу на улицу.

(Трех и выводят)

Казанская девушка, постели постелюшку,
Московская девушка, положи сголовьице²²⁴,
Питерская девушка, накинй одеяльце.
Питерская девушка, убери одеяльце,
Казанская девушка, убери постелюшку,
Московская девушка, убери сголовьице.
Царский сын, повернись,
Красным девкам поклонись.

Песня широко распространена у терюхан (д. Малое Сескино, записано от А. Серовой, 56 лет).

ВО ЛУЗЯХ, ЗЕЛЕННЫХ ЛУЗЯХ

Во лузах, лузах, зеленых лузах
Вырастала трава шелковая,
Шелковая, полущелковая.
Ин я в той траве выкормлю коня,
Ин я выкормлю, выглажу его,
Поведу коня ко батюшке во двор.
Государь ты мой, батюшка родной,
Ты прими-ка слово ласковое,
Сговори слово приветливое.
Не отдай меня за старого замуж,
Как и старый муж дурак дураком,
Не пущат жену на улицу гулять.
Хоть и пустит, все окошко проглядит,
Не стоит ли молодая жена с кем,
Не баит ли молодая жена с кем?

(д. Инютино, записано от Анны Тагановой, 29 лет)

ЗАИНЬКА

Розан, розан мимо сада, (2 раза)
Заинька, выйди в садик,
Беленький, выйди в садик. (Припев 2 раза)
Заинька, рви цветочки,
Беленький, вей веночки,
Розан, розан вей веночки. (Припев 2 раза)
Заинька, на головку,
Беленький, на головку,
Розан, розан на головку.
Заинька, брось с головки,
Беленький, сбрось с головки,

Розан, розан сбрось с головки. (2 раза)
Заинька, махни ручкой,
Беленький, махни ручкой,
Розан, розан махни ручкой. (2 раза)
Заинька, топни ножкой,
Беленький, топни ножкой,
Розан, розан топни ножкой. (2 раза)
Заинька, попляши-ка,
Беленький, попляши,
Розан, розан попляши. (2 раза)
Заинька, поклонись,
Беленький, поклонись,
Розан, розан поклонись. (2 раза)
Заинька, выйди из сада,
Беленький, выйди из сада,
Розан, розан выйди из сада.

Парень ходит в начале песни кругом, затем он входит в круг и выбирает девушку, с ней он ходит по кругу и рвет цветочки. Песня поется во время игр и хороводов в праздничные дни (д. Большое Сескино, записано от Анны Кулеминой, 25 лет).

ИЗ-ЗА ЛЕСУ, ЛЕСУ ТЕМНОГО

Из лесу, лесу темного,
Из-за садика, саду зеленого
Тут и шли, прошли двое молодцев,
Оба холосты и неженатые,
Неженатые, вожаватые*.
Они вместе шли, не бранились,
А врозь-то пошли, разбранились.
А навстречу им выходит душа Машенька.
— Ох, вы молодцы, вы не спорьте-ка, не бранитесь-ка,
Вы по честности разойдитесь-ка.
Вы подите-ка, вы на ярмарку,
Вы купите-ка по ножичку.
Вы пойдите-ка в дубравушку,
Вы срежьте по прутику.
Вы уделите по жеребью,
Вы мотните нарезво-высоко,
Уж которому я достануся,
Или черному, чернобровому,
Или белому да румяному.
Доставалась-то душа Машенька,
Она черному, чернобровому.
Он взял Машеньку за руки и повел по кругу,

* Так в документе. Правильно: вожеватые²²⁵.

Всем друзьям, братьям поклоняется,
Душой Машенькой похваляется.

Песню пели на Масленицу и в другие дни, когда водили хороводы (д. Большое Сескино, записано от Е. Коноваловой, 30 лет).

КАК ПО УЛИЦЕ, ПО ШВЕДСКОЙ

Как по улице, по Шведской
Слободой гулял немецкой.
За собой он водит девку,
Брал за праву белу ручку,
За бумажный²²⁶ рукавочек,
За золотой перстенечек.
Девка к нему подходила,
С немцем речи говорила:
— Уж ты, друг мой и надежа,
Надежинька, друг, большая,
Нас сейчас с тобою двое,
Третий новый высок терем.
Если поедешь, друг, венчаться,
Заезжай ко мне прощаться.
Привяжи коня ко кусту,
Ко тому кусту, калина*,
Изволь ягоду искушать.
Какова сладка калина,
Каково мне красной девке
За старым мужем жити,
За старым, за проклятым?
Старый на руку ложится,
Как колодушка валится.

Песня игровая, масленичная (д. Большое Сескино, записано от Марии Солдатовой, 20 лет).

КАК ЗА НАШИМ ЗА ДВОРОМ

Как за нашим за двором,
Как за нашим за двором,
За высоким теремом,
За высоким теремом
Росла трава шелкова,
Росла трава шелкова.
По той траве пава шла,
По той траве пава шла,
За павой павлин идет.

* На полях прим. авт.: им[енительный падеж] вместо дат[ельного].

Кричит: Пава, подожди,
Белы ручки подожди.
Кричит: Пава, подожди,
Белы ручки подожди.
Она поджидала, белы ручки поджимала:
— Уж ты, парень, паренек, глупенький твой разумок,
Не кричи во весь народ, мой батюшка у ворот.
Мой батюшка у ворот,
Зовет меня в огород
Чесноку, луку полоть,
Часты гряды поливать,
Часты гряды поливать.
На размаховой²²⁷ снохе сарафаны хороши,
Все изорваны, худы, не годятся никуды.

(с. Сарлей, записано от Анастасии Размаховой, 17 лет)

КАК ПО ЛУГУ, ЛУГУ

Как по лугу, лугу, зеленому лужочку
Ходила, гуляла молодая молодича,
Поджав белы ручки ко ретивому сердечку.
— А что ты, невестка, что ты, голубка,
Невесело очень ходишь,
Несмело очень ступаешь,
Тяжело очень вздыхаешь?
Или тебя, невестка, или тебя, голубка,
Свекор-батюшка не любит,
Свекор-то не любит, а свекровь-то ненавидит?
— У меня свекор — ровно батюшка родимый,
А свекровь-то — ровно матушка родная.
Дома жуют, бранят,
На улицу выйдут, хвалят:
— У меня невестка, у меня голубка
Ровно доченька родная,
Дочь моя родная, работница дорогая,
Шить и прять горазда, работать мастерица,
Постельтцу стелет, изголовьице положит,
С головы положит, одеялице набросит.

(д. Большое Сескино, записано от А. Солдатовой, 22 лет)

КАК ПО МОРЮ СИНЕМУ

Как по морю синему,
По синему, по волынскому²²⁸
Плывет стая лебединая,
Лебедушка с лебедятами
Со мальыми со дитятами.
Она плывет и не шелохнется,
Не шелохнется, не ворохнется.

Под ей вода не сколыхнется,
Желтым песком не возмутнется.
Тряхнулася, ворохнулася,
Под ей вода всколыхнулася,
Желтым песком возмутилася.
Де не взялся разъясен сокол,
Убил, ушиб лебедь белую,
Лебедушку с лебедятами,
Со малыми со дитятами.
Он кровь точил во сыру землю,
Он пуцал по синю морю,
А перышки вдоль по бережку.
Идет девка с коробушечкой
Сбирать* пушок в коробушечку,
Милу дружку на подушечку.

(д. Лом, записано от Марии Алексеевой, 50 лет)

КАК ПО ТРОПКЕ, ПО ТРОПИНКЕ

Как по тропке, по тропинке
Бежал легонько детинка,
За ним идет красна девка:
— Уж ты, молодец, постой, неженатый, холостой,
Разголубчик, любчик мой.
Ты не смейся надо мной,
Над моей русой косой.
Моя русая коса
Всему городу краса,
Алым лентам увита,
Булавочками убита²²⁹.
Алы ленты яют²³⁰,
А булабочки сияют.
А меня девку квалят**,
А молодушки говорят,
Любить тебя не велят.
За досаду это слово показалось молодцу,
Он ударил красную девицу
По белому лицу, по румяной щеке,
По серебряной сереге.
Из ее бела лица выступила рудеца²³¹,
Из ее ясных очей выступал слезный ручей.
— Уж вы слезы, мои слезы, не катитесь из глаз,
Мне теперя не до вас,
Расставаться с милым час.
Расставанье-гореванье,

* На полях прим. авт.: выпадение звука.

** На полях прим. авт.: «к» вместо «х».

Прощай, радость, не грусти,
Полюбовницу не жди.
Я когда была твоя,
Верно слушала тебя.
А теперь не твоя,
Не твоя воля, своя.
Воля батюшкова, нега матушкина.
Я у батюшки жила, я повольничала,
Я у матушки жила, я понежилась.
Я без меду есть не сяду,
Без калачика не съем,
Без милого спать не лягу,
Без надежи не усну.
Хоть и уснитися младой,
А во сне видится милóй.

Песня хороводная, игровая (д. Большое Сескино, записано от Марии Горячевой, 22 лет).

КАК ПО ТРОПЕ, ПО ТРОПИНКЕ (вариант)

Как по тропе, по тропинке
Бежал легонький детинка,
Не в шубе, не в кафтане²³²,
В одном ряженном камзоле²³³.
Зелен камзол нараспашку,
Шелков пояс на рубашку.
За ним идет старая баба, строобраза,
Кричит: Молодец, попляшем,
Душа-радость, потолкуем.
— Мои ноженьки не пляшут,
Головушка не кивает,
Белы ручки не щелкают.
За ним идет молодая молодича,
Красна девка,
Кричит: Молодец, попляшем,
Душа-радость, потанцуем.
— Мои ножки заплясали,
Головушка закивала,
Белы ручки защелкали.

Песня игровая, масленичная, поется и в другие праздники (д. Большое Сескино, записано от Ксении Солдатовой, 35 лет).

МЫ ПРОСО СЕЯЛИ

Раньше, лет пятнадцать тому назад, на праздники Троицы и Николу девушки разбивались по группам по деревням: [Большое] Сескино, Чертовка ([Малое] Сескино), Макраша, и после обеда в долу начинали перекоряться²³⁴:

- Мы просо сеяли, сеяли,
- А мы просо пололи, пололи,
- А мы просо вытравим, вытравим.
- А чем же вам вытравить, вытравить?
- А мы коней выпустим, выпустим,
- А мы коней узловим, узловим.

(Расходятся и начинают петь в «честуху»)

Как вам, девушки, не стыдно, не стыдно,
 Вам, чертовские, не озойно²³⁵, не озойно?
 По горам, долам вы ходили,
 Черных коров вы доили, доили,
 Сдобных пышек вы месили, месили,
 Наших ребят прикормили, прикормили.
 На Унев-реку выходили, выходили,
 Подолом рыбу вы ловили, вы ловили.
 Большими титьками вы ботали, вы ботали,
 Повымали²³⁶ вы шуренка*, вы шуренка,
 Чертовских девок вы ребенка, вы ребенка.
 На Вознесенье выходили, выходили,
 Шелк да мишуру воровали, воровали,
 На шушпанья нашивали, нашивали.
 И вы банные затычки, вы затычки,
 Подовинные вы коряки, вы коряки.

Затем играющие расходятся в разные стороны и начинают опять кориться по соглашению (д. Большое Сескино, записано от Ксении Солдатовой, 35 лет).

Под грушею, под зеленою,
 Под грушею, под зеленою,
 Под яблоней, под медовою
 Муж жену учил, муж угрюмую,
 Как жена мужу не корилася.
 Пошла к батюшке поклонилася:
 — Свекор, батюшка, отойми меня
 От лиха мужа, от задорного,
 От задорного, от кайбойного.
 — Не моя жена, не моя воля,
 Жена, бат, мужнина
 И его большая воля.
 Как жена мужу покорилася,
 В резвы ноженьки поклонилася.
 — Муж, бросай лозу, подымай жену,
 Бери за руку, веди по кругу.
 Поглядите, добры люди,
 Как жена меня любит.

* Так в документе. Правильно: шуренок²³⁷.

Старинная игровая-хороводная песня, поется на праздники Троицу, Николу, Вознесение, когда водят хороводы в деревне (д. Малое Сескино, записано от Е. Чарушиной, 50 лет).

ПОДУЙ, ПОДУЙ, ПОГОДУШКА

Подуй, подуй, погодушка,
Подуй верховенькая.
Раздуй, раздуй, погодушка, лазоревый цвет,
Калинку во саду.
За реченькой, за быстрою слободка стоит,
Слободушка не мала — четыре двора.
Во каждом во дворике по кумушке есть.
— Вы кумушки, вы голубушки, подружки мои,
Кумитесь, любитесь, любите меня.
Вы пойдите во зеленый сад,
Возьмите меня.
Вы будете цветочки рвать,
Сорвите и мне.
Вы будете веночки вить,
Уже свейте и мне.
Вы пойдете на Дунай-реку,
Возьмите меня.
Вы будете венки спускать,
Сбросьте и мой.
У вас венки поверх плывут,
А мой потонул.
У всех мужья домой пришли,
А мой не бывал.
Он пить не пьет и домой не идет,
За мной молодой шлет.
А я млада-младешенька
Замешкалася за утками,
За гусями, за лебедями,
За вольной за пташечкой за журанькой.
Журка²³⁸ белка вдоль бережка похаживает,
Лишь травоньку пощипывает,
Речной водой холодной прихлебывает.

Песня поется на Троицу при завивании венков (д. Борцово, записано от Аграфены Селенковой, 59 лет).

ПО ТРАВКЕ, ПО МУРАВКЕ

По травке, по муравке девки гуляли,
Ой-ли-ой, люшечки, девки гуляли.
Выходила девонюшка, тонка, высока,
Тонешенька, белешенька,
Лицом хороша.

Ой-ли-ой, люшечки, лицом хороша.
Как по морю, по морюшку, морю синему,
По синему, по волынскому
Плывет стая лебединая,
Лебедушка с лебедятами, со малыми со дитятами.
Уж де взялся развесел сокол.

(Лебедь ходит по кругу, затем выходит сокол)

Разбил стаю лебединую,
Лебедушку с лебедятами,
Со малыми со дитятами.
Он пух пустил по синю морю,
Он кровь точил во сыру землю.
Где ни взялась красная девица.

(Входит в круг девица)

Берет перья в корбушечку,
Милу дружку на подушечку.
Где ни взялся добрый молодец:
— Богу на помочь, красна девица,
Спесливая²³⁹, небасливая²⁴⁰,
Несклончива, непоклончива.
Не склонишься, не поклонисься.
Хорошая, пригожая, поди за меня,
Поди, сходи, ой-ой-ой, мошеньки,
Спроси про меня, к шабрёнушке,
Спроси про меня.

Припев:

— Он пьяница, пропойца, пропилил весь домок.
— Казаченька, молоденька, не пойду за тебя,
Не хвалят тея*.

(д. Малое Сескино, записано от Марии Горячевой, 22 лет)

РАЗМЕТЕМ ЛУЖОК, ЗАВЕДЕМ КРУЖОК

Дунай мой, Дунай, сын Иванович, Дунай.
Дунай улицей прошел, соловьем он просвистел.
Шапку на ухе принес, соловьем он просвистел.
Ой, Дунай, мой Дунай, сын Иванович, Дунай.
В терем голос подавал, чтобы слышала она,
Государыня моя.
Ой, Дунай, мой Дунай, сын Иванович, Дунай.
Государушка моя, молодая вдовонька.
Вечер звали молодца, подзывали удальца,
Посадили молодца, посадили удальца

* На полях прим. авт.: выпадение звука «б».

Против вдовеньки на скамейке.
Ой, Дунай, мой Дунай, сын Иванович, Дунай.
Молодец девке поклон,
С молодца шляпа долой.
— Уж ты, вдовенька, подай, молоденька, подыми
Черну шляпу со земли.
Положи-ка шляпоньку на русы кудри.
Ой, Дунай, мой Дунай, сын Иванович, Дунай.
— Я не слуга, сударь, твой, работать на тебя.

Парень становится на землю на колени. Снимает фуражку, кладет на снег (если дело зимой) или на луг. Девка берет фуражку и кладет парню на голову. Слово «вдова» заменяется словом «девушка».

Песня эта игровая-хороводная, поется в те дни, когда водят хороводы. На Масленицу эта песня поется вокруг зажженного посередине деревни костра около пожарного двора (д. Большое Сескино, записано от Марии Горячевой, 18 лет).

РАССЕВАЛИ ДЕВКИ БЕЛЫЙ ЛЕН

Рассевали девки белый лен,
Рассевали, бороновали.
Уродился лен хороший,
Лен хороший, бел, прядистый,
Бел, прядистый, волокнистый.
Стал лен попевати, а я млада горевати,
С кем мне младе бел лен брати?
Я пойду схожу домой
Ко свекрову, ко батюшке.
— Уж ты, свекор, мой батюшка,
Пособи-ка бел лен брати,
Головицы²⁴¹ выбирати.

(Затем обращение девушки повторяется по отношению к свекрови, к деверю, к золовухке-сестрице)

Я со всею со семьею
Пойду схожу прокачуся,
Добрым людям покажуся.

Собравшаяся на середину круга «семья» кланяется играющим и расходится.

(с. Сиуха, записано от Анны Мамаевой, 60 лет)

РЕПЕЙ СТЕЛЕТСЯ, РАССТИЛАЕТСЯ

Репей стелется, расстиляется
Мимо царского двора,
Мимо барского кабака.
Ой, дидо, мой репей,

Ой, ладо, молода.
Тут шли, прошли
Три родны сестры.
Как сестра сестру питает, третья спрашивает:
— Хорошо ли тебе, сестрица, за старым жить?
— Мне за старым жить — только сердце сушить.
— Хорошо ли тебе сестрица за малым жить?
— Мне за малым жить — только постелюшку стелить.
— Хорошо ли тебе сестрица за ровнюшкой жить?
— Мне за ровнюшкой жить — не нарадоваться!

(д. Малое Сескино, записано от Алены Машонковой, 56 лет)

Я ХОЖУ, ГУЛЯЮ

Я хожу, гуляю, вдоль я хороводу,
Вдоль я хороводу, вдоль всего народу.

Припев:

Заинька, белый зайчика.
Я хожу, гуляю, гляжу, выбираю
Сея милу младу.
Вот нашел я, выбрал.
— Ты быть мне млада,
Я тебе муж буду,
Тебя за себя возьму.
Я хожу, гуляю, вдоль я хороводу,
Гляжу, выбираю богатого я тестя.
Нашел я, выбрал богатого тестя.
— Ты быть мне тесть, а я тебе зять буду,
Твою дочку взять хочу.

(Потом тещу выбирают, потом шурина, потом свояченицу)

Я хожу, гуляю, вдоль я хороводу*,
Вдоль всего народу.
Хожу я, гуляю, хожу, выбираю
Своячицу-барыню.
— Ты будь мне своячица,
А я тебе зять буду,
Твою сестру взять хочу.
Поглядите люди, поглядите, добры,
Я со всей семьею, с жениной роднею,
С женой с молодою,
Со батюшкой-тестем,
Со матушкой-тещей,
Со шурином-братцем,
С своячицей-барыней.

* На полях прим. авт.: «к» вместо «х».

Вас, добрые люди, желаю на свадьбу,
У моего-то тестя всего много ести.
Пива, вина много, пирогов довольно.
Пивца, винца выпили,
Тестя выгнали.
Пироги-то съели,
А теще по ше.
Молодому шурина
Подарю подарочек.
Подарю подарочек,
Коней своих.
Коней своих
Со двора скорей.
Молодой своячнице
Подарю подарочек
Шелковую плеточку.
Весел я, весел, сегодняшний вечер,
Потому я весел, что один остался,
Что один остался со своей милой.
Я свою младу
Семь раз поцелую.

Песня поется по вечерам на Масленицу и в другие весенние праздники, когда водили хороводы (д. Малое Сескино, записано от Анны Мамаевой, 35 лет).

Солдатские песни

МИМО ГОРОДА, МИМО ПИТЕРА

Мимо города, мимо Питера,
Мимо каменной матушки-Москвы
Тут и шли прошли веселы полки.
Один полк невеселый шел,
Невеселый шел и нерадостный.
Вперед полка тут вели коня
Сивого, совогривого.
На коне сидел добрый молодец,
Сам покачивался.
Увидела его родна мамонька
Из косящего из окошечка.
— Дитя мое, дитя милое,
Молодешенек шатаешься,
Пьянешенек напиваешься.
— Родимая, бат, моя мамонька,
Напоил меня шведский король,
Напоил меня трем опоилом.
Первым поилом — пулей быстрою,

Вторым поилом — саблей вострою,
Третьим поилом — каленой стрелой.
(д. Инютино, записана от Марии Цигалевой, 29 лет)

ОТЕЦ С МАТЕРЬЮ ЗА СТОЛОМ СИДЯТ

Отец с матерью за столом сидят,
За столом сидят, думу думают.
Думу думают заединую:
— Нам которого во солдатушки?
Нам отдать, не отдать сына большего?
У большего-то малы детушки.
Нам отдать, не отдать сына среднего?
У среднего молода жена.
Нам отдать сына малого,
Сына малого, неженатого?
А и малый сын на полатях²⁴² спит,
На полатях спит, пробуждается,
Отцу с матерью в ноги кланяется:
— Ох, отцы мои, отцы-матери,
Неужели я не кормилец Вам?
— Ой и детушки, мои милые,
Вы возьмите, вы по ножичку,
Вы пойдите-ка ко Дунай-реке
И вы срежьте-ка там по прутику,
И уделайте вы по жеребию.
И пустите-ка во Дунай-реке.
Как у большего-то к берегу плывет,
У среднего-то ко середке льнет,
А у младшего ключ ко дну тянет.

Песня поется на посиделках, по вечерам на беседах (д. Малое Сескино, записано от Авдотьи Ширияевой, 45 лет).

О ЧЕМ ЗАДУМАЛСЯ, СЛУЖИВЫЙ?

— О чем задумался, служивый,
О чем горюешь, молодой?
Аль тебе служба надоела,
Аль заболел твой конь гнедой?
— Мой конь болезней не боится,
Здоров и весел, громко ржет,
Коню на месте не стоится,
Копытой грозно в землю бьет.
— Скажи, служивый, нас здесь двое.
Иль ты в красоточку влюблен?
— Но я в красотку не влюбился,
И нет здесь девы молодой.
В деревне есть одна избушка,

На краю стоит она,
В ней живет старая старушка,
Мать моя молит бога обо мне.

(д. Инютино, записано от М. Цигалевой, 50 лет)

Свадебные и шуточные песни

ДУНЯ-ТОНКОПРЯЖКА²⁴³

Собиралась Дуня ко батюшке в гости
на две недельки.

Брала две рученьки,
Напряла Дуня одну простянишку.
На собаку мотала.

Собака лает, а Дуня мотает.

Ой, Дуня, Дуня-тонкопряжка.

Собиралась Дуня мотики залити
В воду-то колом, из воды-то конем.

Ой, Дуня, Дуня-тонкопряжка.

Собиралась Дуня новинку соткати.

Ой, Дуня, Дуня-тонкопряжка.

В семи селах искала, берда²⁴⁴ не сыскала,
В восьмом селище выскала бердище,
ровно боронище.

Выткала Дуняша не холст, не новинку, козью пузровинку.

Собиралась Дуня новинку белити.

Ехали бояры, «Бог помощь» — сказали.

Ой, Дуня, Дуня-тонкопряжка.

— Бог помощь, Дуняша, рогожи белити.

— Это не рогожи, ваши красны рожи.

Собиралась Дуня рубашку сошито.

Шильцем надвинет, молоточком настукнет.

Ой Дуня, Дуня-тонкопряжка.

Семь годов носила, смену не просила.

Ой, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряжка.

Песня шуточная (с. Сиуха, записано от Татьяны Крайновой, 40 лет).

КАК ВО ПЕНЬЕВСКОМ УЕЗДЕ

Как во Пеньевском уезде,
Во сосновском стану,
Вниз по Волге, по реке,
У иного на дворе
Живет криса, живет Миша,
Живет криса-господин,
Она в погребке один.
Как по погребу катает,

Уж задком землю хватает.
Увидали эту крису
И поймали в погребу.
Завязали эту крису,
Зачепали поперек.
Как и крисинку тащат,
Только косточки трещат.
Тащат крису во творилу²⁴⁵,
А Трубалов бьет по рылу.
— Ты добро, добро, Трубалов,
Добро, недруг мой,
Как и крыса, не встану,
Трубалова не достану.
А Трубалов господин
На мирской сход выходил,
Старым старикам явил:
— Уж вы, стары старики,
Мироеды мужики.
Молодые-то ребята
Все тоя бедняки.
Под коровою сижу,
Сковородником грожу.
Недосуг бабе в избе,
Подает скоро извод.

Шуточная песня, пелась женщинами при гуляньи на свадьбе (д. Ольгино, записано от М. Солкиной, 57 лет).

НА ГОРЕ-ТО КАЛИНА

На горе-то калина,
Под горой-то малина.
Ну что, кому какое дело, калина.
Там девушки гуляли,
Калинушку сломали.
Ну и что ж, кому какое дело, ломали,
Во путочки вязали.
Садила Маланья бобы,
Просила Маланья воды:
— Дождик, дождик, дай воды.
Полей, полей зелены бобы.
На дорожку бросали.
Ну что ж, кому какое дело, бросали,
Во офицера попали.
Ну что ж, кому какое дело, попали.
— Офицер парень молодой,
Ну что ж, кому какое дело, молодой,
Ну уж, кому какое дело, молодой.

— Ты возьми меня с собой,
Ну что ж, кому какое дело, что с собой,
Ну что ж, кому какое дело, что со мной.
— Проводи меня домой.
Ну что ж, кому какое дело, что домой,
Под тулупом, под полой,
Ни дорожки стороной.
Ну что ж, кому какое дело стороной.
— Я тебе пригожусь,
Коням сено припасу,
Спать в постелю уложу.

Песня шуточная, поется во время посиделок (д. Большое Сескино, записано от Авдотьи Тормозовой, 22 лет).

НА КУЛЬ²⁴⁶ СТАНУ

На куль стану,
Куль достану.
Куль давала,
Куль брала.
Под горой-то малина,
На горе-то калина.
Тут девушки гуляли,
Ну, какое кому дело, гуляли.
Калинушку ломали,
Калинушку ломали,
В пучочки вязали,
На дорожку бросали,
В маркитончик попали.
— Милый мой, куда едешь в поход?
Возьми меня с собой.
Я там тебе буду слугой,
Лесу нарублю,
Тесу тонкого напилю,
Кроватьку сделаю,
С милым спать лягу.

Песня шуточная, поется на свадьбе и на посиделках (д. Ольгино, записано от Аграфены Каузовой, 50 лет).

НА ЛАВКЕ СИЖУ, ЗАПЛАТЫ ПЛАЧУ

На лавке сижу, заплаты плачу,
Все мужа браню, побраниваю.
В людях-то мужья все в лес по дрова,
А у меня муж на печи лежит.
Принес муж хомут,
Впрягайся, жена,
В лес по дрова.

Ну-ка, ну-ка, в лес по дрова.
На гору свистнет,
А под гору хлыстнет.
Деревней едет,
Кобылу-то хвалит,
Кобыла гожа,
Велик воз довезла.

Песня юмористическая, поют на посиделках (с. Мигалиха, записано от Марии Шириновой, 38 лет).

ПОЙДЕМ, ДУНЯ, В ОГОРОД

Пойдем, Дуня, в огород, в огород,
Сорвем, Дуня, лопушок, лопушок,
Сошьем, Дуня, сарафан, сарафан.
Носи, Дуня, не марай, не марай,
Под лавочку не кидай, не кидай,
В коробочку запирай, запирай.
Под лавочкой таракан, таракан
Проел Дуне сарафан, сарафан.

Веселая свадебная песня (д. Шониha, записано от Марии Филькиной, 70 лет).

ПОСЫЛАЛА ВАНЮ МАТЬ

Посылала Ваню мать
Яровое поле жать:
— Поди, Ваня, пожни.
Вышел Ваня на крыльцо,
Серп повесил на плечо,
Заплакал и пошел.
Не путем шел, не дорожкой,
Не нашел свою полоску
И начал чужую жать.
Уж жать-то Ваня не нажал,
Один снопик связал.
Обуяла Ваню тоска,
Приобрезал Ваня серпом руку,
Течет урезная кровь.
А сударка²⁴⁷ с Ваней рядом жала,
Платком руку завязала,
Уймись, урезная кровь.
А шабры-то рядом с Ваней жали,
Отцу с матерью его сказали,
Кричат Ваню домой.
Бежал Ваня, торопился,
Калиновый мостик под Ваней подломился,
И тут Ване беда.

Уж беда-то Ване не беда,
Течет под мостом вода,
И сам не знаю куда.
Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
Ударился Ваня в тоску.

Песня шуточная, поется во время посиделок и при гуляньи по деревне (д. Инютино, записано от Марии Мартыновой, 22 лет).

УЖ ТЫ, СВАХОНЬКА

Уж ты, свахонька, шабольница²⁴⁸,
Ты ходила да все хвастала,
Ты баила, больно жених хорош.
Он хорош, на шута похож,
На горбу-то роцца выросла,
В голове-то вши веревки вьют,
В бороде-то мыши гнезда вьют.
И Марья-то Ивановна
Возьмет метлу-то — мышей выгонит,
Возьмет гребень — вшей вычесет.
Возьмет топор — рощу вырубит.
Постелила бы тебе, свахонька,
На печи тебе под шубою.
Под семи-то тя²⁴⁹ тулупами
Схоронила бы тебя, свахонька,
Без попа тя, без дьякона.
Как на свахоньке-то перчатки,
Ровно маленькие чертятки,
А на свате сапоги
После деда-сатаны.
А тут свахонька хороша, свахонька пригожа.
Сват под печку заглянул, слепу курицу стянул,
Сват с полатицы упал, в сыру кашицу попал.

Свадебная песня. Поется на смотринах (с. Сарлей, записано от Екатерины Тормозовой, 22 лет).

УЖ ТЫ, СЕЛЬСКИЙ ПЕТУХ

Уж ты, сельский петух,
Деревенский барматух,
Ты, бат, зачем рано встаешь,
Голосисто поешь,
С милым спать не даешь?
Уж не я ли молода
Одиноко я жила,
Сама печку затопила
И я по воду пошла
На Самару на реку.

Распахнула широко, почерпнула глубоко,
Я на плечи подняла,
Ровно пава поплыла
Против милого двора
Приукатана гора.
Не слыхала, как упала,
Пробудилась, я лежу.
Пришла домой,
Березовые дрова переуглились,
Все чугунички, горшки перелопались.

Песня шуточная (с. Сиуха, записано от Татьяны Крайновой, 40 лет).

Семейно-бытовые песни

ВДОЛЬ БЕРЕЖКА ДУНЯ ШЛА

Вдоль бережка Дуня шла, Дуня шла,
Вдоль крутого гуляла, гуляла.
Правой рукой махала, махала,
Колечко на ручке сияло, сияло.
Мила дружка надеждою назвала:
— Надеженька, мил сердешенька дружок,
О чем вечер ко мне в гости не пришел?
— Жена-шельма всю ночь дома пробыла,
Красавица-жена сына родила.
Ох, улица широка и долга.
Во улице стоит нова кузница,
Во кузнице молодые кузнецы,
Они куют, часто жваривают²⁵⁰,
Меня, Дуню, приговаривают:
— Взойди, Дуня, в нову кузницу сюда,
Скуем Дуне два замочка к сундуку.
— Одно слейте-ка мне медное ружье,
Пойду-ли я с охотой в лес гулять,
Убью ли я сера гуся на лету.

(д. Лом, записано от Екатерины Алексеевой, 50 лет)

В ЛЕСУ ЯГОДА ЛЕСНАЯ

В лесу ягода лесная принакрыта и спела,
А княгиня молодая с князем в тереме жила.
Как у князя был Ванюша кудреватый, молодой,
Ваня-ключник²⁵¹, злой разлучник
Разлучил князя с женой.
Князь дознался, догадался, что княгиня с ним живет.
Мне поведала подушка и перина пухова.
— Ви*, слуги мои, холопи*, слуги верные мои,

* На полях прим. авт.: «и» вместо «ы».

Вы подите, приведите Ваню-ключника ко мне.
Как ведут, ведут Ванюшу, ветерочек кудри вьет.
— Ты скажи, скажи, Ванюша,
Сколько лет с княгиней жил?
— Я и сам того не знаю,
Сколько я с княгиней жил.
И я жить-то с ней не жил,
Только так ее любил.
Как повесили Ванюшу на шелковый поясок.
Уж висит, висит Ванюша на шелковом пояске,
А княгиня молодая помирает на ноже.

(д. Инютино, записано от Марии Мартыновой, 22 лет)

В ТАГАНРОГЕ СЛУЧИЛАСЯ БЕДА

В Таганроге случилась беда:
Там убили молодого казака,
Схоронили при широкой долине.
Там летели соловушки, соловьи,
Сели, пали у вдовоньки на дворе.
Крылышками широк двор размели,
Голосами все вдовоньку будили:
— [В]стань, проснись, молодая вдовонька,
Послушай, что соседи говорят.
Поди, бают, все вдовоньку ругают,
Не велят вдове на улицу ходить,
Не велят вдове молодчика любить.

(д. Инютино, записано от Елены Гаюшкиной, 45 лет)

НЕ УБЕЙ МЕНЯ, МУЖ

— Не убей меня, муж, со вечера,
А убей лучше с полуночи.
Когда все люди спать улягутся,
Малы детушки успокоются.
А проснулась дочка Аннушка,
По родимой своей матушке.
— Разродимый ты* наш тятенька,
Ты скажи, скажи, где наша мамонька?
— Ваша мамонька во зеленом саду
Белуется, румянится,
В цветное платье наряжается.
— Я пойду, схожу во зеленый сад,
В зеленом саду одни ташечки²⁵².
— Не плачь, не плачь, дочка Аннушка,
Я сошью тебе разноцветное платье,
Я поставлю вам развысок терем.

* Исправлено, в документе «мы».

— Уж сгори, сгори твой высок терем,
Изорвись мое все цветно платье,
А восстань лучше, наша мамонька.

Песня-быль о том, как муж зарезал жену (д. Инютино, записано от Анны Баженовой, 35 лет).

ПОЛОСА МОЯ, ПОЛОСОСЫНЬКА

Полоса моя, полососынька,
Заросла моя полососынька
Частым ельничком, березнячком,
Горьким осинничком.
Тут ходил, гулял вороной конь,
Трое суток непоеный был,
Неделюшку не кормлен стоял,
Черкасское седло на бок сбил,
Золоту узду произорвал.
Не в Москве я был, во Питере,
Во Стрелецкой славной улице.
Там случилось несчастье безвременное,
Тут жена мужа зарезала,
На ножичек сердце вынула,
Сердце стрепехнулося.
Она, шельма, рассмехнулася,
Рассмехнувши, догадалася,
Что я, курва, что я сделала?
Родного мужа зарезала!
Распроклята жизнь
С чужим мужем жить.
Пойду в зелен сад
Своего мужа звать.
Пойдем, муж, домой,
Чай накушался сладких яблочек,
Чай наслушался вольных пташечек.

(д. Инютино, записано от Марии Пигалевой, 25 лет)

ПО СЕНЯМ ДУНЯ ХОДИЛА

По сеням Дуня ходила,
Своего мужа будила:
— Ты вставай, муж-хозяин,
На дворе-то заря бела,
У ворот-то стоят гости.
Эти гости мне не милы,
Мне не милы, все постылы.
Я сошлю этим гостям
Всему роду по поклону,
Одной маме нет поклону.
Отдала меня младеньку

Ну чужу дальню сторонку,
Через три поля пустых,
Через ту полынь густую,
Во новую деревню,
Во самую беседу.

(д. Малое Сескино, записано от Е. Ширяевой, 22 лет)

УЖ ГОЛУБЬ, ТЫ МОЙ ГОЛУБОК

— Уж голубь, ты мой голубок,
Рассизенький, славный воркунок,
Что невесел по полю летаешь,
Нерадостно, сизый, распеваешь?
— Чему мне радоваться,
Рассизому веселиться?
Вечером поздно вечеру,
Во вторым ноченьки часу
Голубушка во гостях была,
Сладкую водку со вином пила.
С вина пьяна, весела была.
— Я не помню, как домой дошла,
На правое крыло спать легла,
Сверху левым сизым обняла.
Обнявши-то наказывала:
— Спи-ка, голубь, не проспи меня.
Проснулся голубь, голубушки нет.
Летел голубь за сини моря,
Искал голубь, голубушки нет,
Разбился голубь о сизый камень.

(с. Сиуха, записано от Анны Мамаевой, 60 лет)

УЖ ТЫ ЗИМУШКА, ЗИМА

Уж ты зимушка, зима,
Холодная была.
Я боюсь тебя, заморозишь меня,
Добра молодца, горького пьяницу.
Как жена с мужем не в ладу жила,
Не в ладу жила, мужа извела,
Во зеленом саду повесила.
Пришла ко двору, села на скамью,
Слезно плакала.
Пришла ко двору, стала мужа звать:
— Иди, муж, домой, иди, голубчик мой,
Вольных пташечек ты наслушался,
Сладких яблочек ты накушался.

(д. Инютино, записано от Е. Милютиной, 60 лет)

Песни любовные — лирические

В ЗЕЛЕНОМ САДИКЕ ГУЛЯЛА

В зеленом садике гуляла
Возле открытого окна,
И вдруг подул холодный ветер,
И пошатнулась трава.
Из-за кустов я увидала
Его изменчивы глаза,
И он своею мою руку
Так крепко сердце сжал.
И сам готовился к разлуке,
Обнял меня и мне сказал:
— Пора, девица, нам расстаться,
Пора расстаться нам с тобой.
Не будем плакать и ласкаться,
Тоска невидимо пройдет.
— Пройдет зима, настанет лето,
В садах цветочки расцветут.
Меня, горькую девчонку,
В железны цепи закуют.

(д. Инютино, записано от Наталии Баженовой, 25 лет)

ВИЖУ В ДОМЕ УКРАШЕНИЕ

Вижу в доме украшение, красно солнышко взошло,
Вижу в небе огорчение, летит голубь высоко.
Летит голубь, летит сизый со голубушкой,
А за ними два товарища присматривают.
Что присматривают, приговаривают:
— Кабы этой голубушке за голубем быть,
Кабы этой красной девушке со молодцем жить.
Я бы знал, я бы знал, чем утешить-веселить,
Я бы летнею порою на коляске прокатил,
А зимой холодною в новопитерских снях,
В новопитерских снях, на своих бодрых конях.
Два извозчика в кафтанах висельского сукна,
Петербургского шитва.
Кладу голубя на рученьку — не тряхнется,
На другую переложу — не шелохнется.
Скажу: Шиш, голубок, от голубушки своей.
Голубок-то ворковал, голубушку целовал,
А голубка ворковала,
Голубчика целовала.

Песня поется по вечерам на посиделках и во время гуляний по саду (с. Сарлей, записано от Анны Размаховой, 19 лет).

ДЕЛО БЫЛО ЛЕТОМ

Дело было летом, летнею порою,
Когда мы гуляли, Санечка, с тобою.
В саду канарейки громко распевали,
У них так унывно голос раздается.
Это, верно, Саня за новы ворота,
Говорила Саня потайные речи:
— Куда, милый, едешь,
Куда уезжаешь,
На кого, мой милый, меня покидаешь?
— На людей, на бога,
Нас на свете много,
Нас на свете много, а мне путь-дорога.
Дорогая Саня, не стой предо мною,
А то люди скажут, что я жил с тобою.
— Пускай люди бают, а я не боюся,
Кого я любила, с тем я расстаюся,
Кого ненавижу, с тем я остаюся.

(с. Сарлей, записано от Марии Сидоровой, 18 лет)

КАК ПОДУЛА, ПОНЕСЛА МАТЬ ХОЛОДНАЯ ЗИМА

Как подула, понесла мать холодная зима,
Как задула, занесла все дорожки и пути,
Негде к милому пройти,
Соловушку пронести.
Соловушка лесной,
Ты не пой рано весной,
Ты не пой-ка, не свисти,
Да мне сердце не грусти.
Трудно было детищенке
На чужой стороне,
На чужой дальней сторонке,
Во матушке, во Москве.
Во Москве Ваня гулял,
В самоскрипочку играл,
В самоскрипочку, балалайку.
Товар мелкий закупал,
Извозчика нанимал,
Извозчика не нашел,
Сам заплакал и пошел,
Ко товарищу зашел.
— Ты, товарищ, братец мой,
Сам подумай, погадай,
Кого к Любоньке послать?
Если старого послать,
Старый не найдет двора,
Если малого послать,

Малый не отворит ворота,
Мне не быть ли соколу,
Не слетать ли самому?

Песня поется во время посиделок по вечерам (д. Большое Сескино, записано от Евдокии Тормозовой, 22 лет).

КЛЯЛСЯ МИЛЕНЬКИЙ, БОЖИЛСЯ

Клялся миленький, божился,
Клялся сердцем и душой,
Клялся небом и землей.
Изменил священну клятву,
Стал жениться на другой.
— Ты женись, женись, мой милый,
Дозволяю я тебе.
Тее, миленький, жениться,
А мне, младе, помирать.
Тее, миленький, карету,
Мне печальный черный гроб.
Тее, милый, пару коней,
А мне четверых людей.
Тея, миленький, в церкву,
Меня следом за тобой.
Тея, миленький, поставят
Против царских дверей,
Меня, горькую, несчастную,
К печке в уголок.
На главу венцы наденут,
Тее, миленький, венчальный,
А мне вечный гробовой.
Если жалко будет,
Подойти к гробу мому,
Погляди на белу грудь,
На моей на белой груди,
Милый, вьюношек лежит.
Он от крови от моей,
От любви от твоей.
Останься, мой ты милый,
У моих холодных ног,
И поронишь горьки слезы
Над моим белым лицом.
Не подай, злодей, в окошко,
Накорми моих детей.
Не успела слова молвить,
Круг наля²⁵³ повели,
Меня, горькую, несчастную,
Вон из церкви понесли,
На кладбище повезли.

Как поставят гроб на землю,
Простонала вся земля,
Вся вселенная познала,
Через любовь я померла.

(д. Инютино, записано от Марии Мартыновой, 22 лет)

ЛЕТ СЕМНАДЦАТИ ДЕВЧОНКА

Лет семнадцати девчонка,
Я не знала ничего.
На восемнадцатом узнала
Я милого невзначай.
На той речке, на озерке, на крутом берегу
Мил стоит со нежным взором,
Взор кидает на меня.
Взор кидает и бросает,
Со мной речи говорит:
— Здравствуй, милая, хорошая,
Давно ждал я здесь тебя,
Давно ждал я, дожидался
И подарочки принес.
На белую грудь цепочку,
На шеечку жемчужок.
Ты гори, гори, цепочка,
Разгорайся, жемчужок.
Ты умри, жена-хозяйка,
Я молоденьку возьму.
Я молоденьку, хорошеньку,
Получше тебя.
И получше, и почище,
Приуважит ей тебя.

(д. Инютино, записано от Анны Баженовой, 35 лет)

ЛЕТ СЕМНАДЦАТИ МАЛЬЧИШКА

Лет семнадцати мальчишка,
Он надумал жениться,
Он не знал, кого проситься,
Отца, матери свою.
Подхожу к отцу с поклоном,
Стал проситься у ево:
— Дозволь, батюшка, жениться,
Позволь взять, кого люблю.
Не позволил отец сыну
Кого любил, того взять.
Отвернулся сын, заплакал,
Пошел по саду гулять.
Пошел Ванюшка садочком,
Не дорожкой — стороной.

Подхожу к своей Сашонке:
— Открой, Сашенька, окно.
На тебе злато колечко,
Береги его, как свет.
Пошел Ванюшка садочком,
Не дорожкой, не путем,
Вынимал он саблю востру,
Поразил он сам себя.
Его буйная головка
Покатилась по лужку.
Его очи голубые
Все на солнышко глядят.
Его письма дорогие
Прямо к Сашеньке летят.
Саша письма принимала,
Все читала, плакала,
Прочитала, тут упала,
С милым кончилась любовь.

Песня старинная. В настоящее время поется редко (с. Сиуха, записано от Анны Мамаевой, 60 лет).

ПРИ БУРНОЙ НОЧИ, ПРИ ХОЛОДНОЙ

При бурной ночи, при холодной
Скрывался месяц за облака.
На ту широкую долину
Пришла красавица моя.
Она на самый край вершины
Главой на памятник легла,
Своим унылым голосочком
Будила милого дружка:
— А ты вставай, друг мой милый,
Я без тебя жить не могу.
Твое колечко золотое
Всегда тускнеет на руке.
Мое сердечко ретивое
Всегда тоскует по тебе.
И вдруг могила задрожала,
Из гроба голос подался:
— А ты уйди прочь от могилы,
И твой любезный крепко спит.
Тут девчонка зарыдала
И от могилы прочь пошла,
Ее сердечко не стерпело,
Опять к могиле подошла,
Главу на памятник склонила
И душу богу отдала.

(д. Инютино, записано от Елены Милютиной, 25 лет)

РАЗВЕСЕЛО БЫЛО ВРЕМЯ

Развесело было время,
Когда мил меня любил.
А сейчас время переменно,
Милый бросил, позабыл.
Злой судьбою наделил,
Злой судьбою, злой такою
Век во девушках сидеть,
Век во девках, век во красных
Буду славушку терпеть.
Я терпеть славу не буду,
В монастырь жить уйду.
Я надена черно платье,
На Дунай гулять уйду.
По Дунаю я гуляю,
Грудью на воду паду:
— Не топи ты, лебедь белый,
За себя замуж возьми.
Нигде милого не вижу,
Ни в долинах, ни в лугах,
Только милого я вижу
В темных ноченьках во снах.

(д. Лом, записано от Анны Седовой, 50 лет)

РЯБИНУШКА

Давайте-ка споем про рябинушку,
Про рябинушку раскудрявую.
Коли цвела, коли выцвела,
Когда цвет опал.
Не выцветши, рябинушку нельзя заломать,
Не выбравши, красную девушку нельзя замуж взять.
Я сам пойду, сам повыберу
И за сея возьму.
Светел месяц, светлешенок,
Стал он спомеркать.
Любил парень красную девицу,
Стал он спокидать.
Спокинул, оставил во темном лесу,
Во темном лесу, во сыром бору.
Под сосенкой, под зеленой, под кудрявой.
Шла я лесом, шла я темным, не боялася,
Шла я лугом, я зеленым любовалася,
Шла я полем, шла я чистым, красовалася,
Шла я улицей, шла широкой, всем казалася.

Песня поется в праздничные дни во время гуляний по селу
(д. Инютино, записано от Марии Мартыновой, 22 лет).

САЖУСЬ ЗА СТОЛ

Сажусь за стол,
Беру я карты,
Сама себя развеселю.
Довольно в картах понимаю,
Что разлюбил меня милой.
Он разлюбил меня, неверную,
До гробу прострадаю я.
Однажды вечером сидела,
А дождик брызгал на меня,
Но я подружкам говорила:
— И вы не делайте, как я.
С ребятами рядом не садитесь,
Ребят вы бойтесь, как огня.
Они вас любят и разлюбят,
А после девица страдает.
Нельзя мне дома приютиться,
Родные гонят прочь меня.
Не лучше ль в лесе заблудиться?
Пущай наищутся меня.
Не лучше ль в море утопиться?
Пускай забьет меня волна.
Девица к морю опускалась,
Кричала: Вольный свет, прощай,
Прощайте, кустик и березки,
Прощай, родительский мой дом,
Прощайте, родные подруги,
Прощай, изменник мой лихой!

(д. Борцово, записано от Екатерины Гавриловой, 48 лет)

СЫЗМАЛЕШЕНЬКА²⁵⁴ КРАСНАЯ ДЕВЧОНКА

Сызмалешенька красная девчонка
Уродилась больно хороша,
Лицо бело ее, румяно,
Развеселые ее глаза.
Веселешенька в глаза глянула,
Прельстила к себе молодца.
Я не верила своим подружкам,
Что милого дружка будет жаль.
Пришло времячко такое,
Унимала дружка ночевать:
— Ты ночуй, ночуй, милый, ночку,
Хоть ноченьку у меня.
— Рад, рад бы ночевать, боюсь, забранят.
— Ты не бойся, не бойся, мой милый,

Утром рано разбужу,
Я подальше провожу.
Я до тех мест провожу,
До зеленых лугов,
Вплоть до белых берез, до зеленых лугов,
Где скончалась наша любовь.
Расставались, распрощались, милый мой.

(д. Инютино, записано от Марии Мартыновой, 22 лет)

ТЕЧЕТ РЕЧКА

Течет речка-невеличка с бережками вровень.
Как за тою за рекою казак коня просил:
— Отпусти, конь, отпусти, конь, погулять на волю.
— Рад бы, рад бы отпустить, долго не придешь ты.
Ты напейся воды холодной, милую забудешь.
— Пил я воду, пил холодну, пил, не напивался,
Любил девку черноброву, с ней во сне ласкался.
Помер казак, помер казак, померла надежда.
Остался конь ретивый, золотая сбруя.
— Отнесите эту сбрую ко родному брату,
А конечку вороного за мною ведите.
Коня ведут, меня несут, конь головку клонит,
Казаченька молодая горьки слезы ронит.
Помер казак, помер казак, померла казачка,
Оставались малы детки круглыми сиротками.

Песня поется при гуляньи в Семик, когда ходят с венком по деревне и в другие праздничные дни (д. Больше Сескино, записано от Анны Кулеминой, 25 лет).

УЖ ТЫ, ВАНЯ, РАЗУДАЛЫЙ ГОЛОВА

— Уж ты, Ваня, разудалый голова,
Сколь далече уезжаешь от меня?
Да на кого, Ваня, спокладаешь ты меня?
С кем я буду эту зиму зимовать?
Да с кем прикажешь
Мне лето красное гулять, да гулять?
— Да гуляй, гуляй, моя милая, одна,
Я уеду жить во далекие края
Да не приеду, любезная, года два.

(с. Мигалиха, записано от Екатерины Малухиной, 65 лет)

*НАНИИГН. И-945. Л. 150 — 246.
Машинопись. Подлинник.*

ЧАСТУШКИ

Кто-то, кто-то к нам заехал,
Санки незнакомы,
Черна сбруя, белый конь,
Это, видно, милый мой.

Чайник новый, чай бордовый,
Кипяченая вода,
Милый режет лимон свежий:
— Кушай, милая моя.

Скрипи, скрипи, дверца,
— Выди²⁵⁵, выди, девица.
Вышла девка на крыльцо,
Отдала парню кольцо.

Парень, парень бестолковый
Отдал матери целковый,
Не на сахар, не на чай,
На пуклеву²⁵⁶ черну шаль.

— Милый, милый, милачок,
Дай на зерна пятачок,
Дай на сахар, дай на чай,
Дай на всякий на случай.

Не пойду я в тот конец
По ягнят да по овец,
Серая овца, не пойду я за вдовца.

— Ваня, Ваня, Ванщик,
Ты какой обманщик,
Одну девку обманул,
Стал жениться, не взглянул.

Известны под названием Сормовских. Поются на Семик и во время гуляний по саду (д. Большое Сескино, записано от Ефимии Коноваловой, 36 лет).

— Перестань, милый, играть,
Наверно, ручки больно.
Никогда девки не скажут,
Что играть довольно.

Зеленейся, зеленейся,
На горе зеленый лес.
Милый новы[й] симпатейка,
Скорее надоест.

Утка бела, утка сера
Не на ту березу села.
Пересядь на елочку,
Скажу поклон миленочку.

Не от чаю полиняла
Моя чашка чайная.
При тебе Шура весела,
Без тебя печальная.

Шура, Шура,
Моя Шура с Волги.
Давай, Шура, погуляем,
Пока ночи долги.

У колодца бабы судят
И считают мне года.
Я девчоночка не розан,
Не повяну никогда.

Шура, Шура, Шура мой,
Шура ласковый какой.
Шура встретит и проводит
Со гуляньица домой.

Я иду, а Шура пашет
Черну земелюшку.
Подхожу и говорю:
— Вот тебе изменушку.

Я по садику ходила,
Садиком горожена,
Провожала Шуру в город
Торговать морожное.

Взгляните, Шурочка, на небо,
Всю любовь нашу видать.
Ты с другою занимаешься,
Я могу слободу²⁵⁷ дать.

Садик, садик, садик мой,
Садик и долиночка,
За веселую игру
Спасибо тебе, милочка.

Говорят, я похудела,
Я не от работушки.
С переменной-то любовью
Мало ли заботушки.

Капустка моя, мелкорубленая,
Отойдите, кавалеры,
Я напудренная.

Меня отдали в широкую улицу.
Дал мне тятенька приданого
Петуха да курицу.

Меня отдали в дом деревянный,
Свекровь — сатана,
Свекор — окаянный.

Кадушка моя
В кадушечке,
Семь лет не спала
На подушечке.

Под елочкой, под низенькой
Наелся, спит
Мой миленький.

Меня отдали в два окошка.
А я в избу-то вошла—
Собака да кошка.

Частушки, современные для 1927 — [19]28 гг. (д. Касаниха, записано от Марии Рузаковой, 17 лет).

Шел я лесом, изустал,
На пенек садиться стал.
Вынул беленький платочек,
Вспоминать девчонку стал.

Издалека вижу я —
Лесопилка топится.
Я нашла бы с кем гулять,
Да самой не хочется.

Я из сада выносила
Голубя убитого.
Издалека увидала
Милого сердитого.

Из косы я ленту красну
Привяжу на радио.
От меня милый отстал,
Всем подружкам на диво.

Уж какая стала бледна,
Поглядел бы милый мой.
Скоро белая березонька
Сравняется с тобой.

Пойду лягу под машину,
Под машину красную.
Не задавит ли машина
Девушку несчастную?

Современные для 1927 — [19]28 гг. (с. Сарлей, записано от Марии Сидоровой, 18 лет).

Подарил Шура гребенку
Двадцати пяти зубов.
А ему я подарила
Сердечную любовь.

Не на то колечко лито,
Чтоб на полочке лежать.
Не тако мое сердечко,
Чтоб ребятам подражать.

Что ты, милый, хвалишься,
Что я тебя любила?
Делать было нечего,
Время проводила.

Много звездочек на небе,
Только две неясные.
Мы, подруженька, с тобою
Только две несчастные.

Подруженька, тает, тает
Во лесочке белый снег.
Получила я от Шурочки
Решительный ответ.

Шла я полом, коридором,
Полусапожкой топала.
Вышла замуж за плохого,
Все жила да охала.

(старинные, д. Лом, записано от Анны Мамайковой, 20 лет)

Я думала, слез не будет
По любви никогда,
А теперь слезы льются,
Как по зеркалу вода.

Не ходите, девки, замуж,
Замужем не весело,
У меня сестренка вышла,
Голову повесила.

Не ходите, девки, замуж
Во Клюиху, во село,
Говорят там не по-нашему:
Цаво, цаво, цаво*.

Я помру, вы гроб не красьте,
Лучше памятник поставьте,
Напишите слова два:
От любви померла.

У подружнички на девишничке
Любила пировать,
Пировала, сама думала:
И мне не миновать.

* Цоканье. — *Прим. авт.*

Бежит речка по песочку,
Так и жизнь моя пройдет,
Не надеюсь на милого,
Кто не то, да отобьет.

Из окошечка в окошечко
Конфеточки летят.
Сидят бабы у завалины,
Про девок говорят.

— Не судите, бабы, нас,
Мы вас не боимся,
Мы за ваших сыновьев
Замуж не годимся.

Как чертовский порядок,
Смутливая улица,
Где не хают, где не бают,
Чертовские бабы знают.

Я иду, а бабы судят,
Пересудков не боюсь,
Я не в первую влюбляюсь,
Не с последним расстаюсь.

Буду с милым расставаться,
Сперва в кузницу схожу,
Грудь железную я вставлю,
Сердце каменно вложу.

Золотая моя брошечка
Упала в молоко.
Только с милым познакомилась,
Уехал далеко.

У окошка стоит липа,
Серебристый на липе лист.
За измену, симпатечко,
Отравы берегись.

Я по садику ходила,
Виноград качается.
Отворю я царски двери,
Миленький венчается.
Я налью стакан воды,
Жизнь моя кончается.

Кто-то с горенки спускается,
Подруженька, твой да мой.
Мой в сиреновой рубашке,
Твой, наверно, в голубой.
Твой в двурядочку играет,
Мой притопывает ногой.

Пойду схожу на кладбище,
Разбужу родную мать:
— Вставай, мамонька, родная,
Со мной горе горевать,
В чужие люди собирать.

Все пташки-канарейки
Все жалобно поют,
А нам с тобой, мой милый,
Разлуку задают.

(д. Инютино, записано от Пелагеи Котовой, 19 лет)

Мого милого венчали,
Восемь свечек засвечали,
От аналоя до дверей
Горело девять фонарей.

Как тебе, милый, не стыдно,
Твоим серым глазам?
Уговаривал девчонку
Перед богом со слезам.

На круг девушкой поставят,
С круга бабой уведут.
Косу надвое разделят
И в одну не заплетут.
И на улицу не пустят,
Дома воли не дадут.

Вейся, вейся, развевайся
Алой лентой до плечу.
Любить, милый, не старайся,
Я забыть тебя хочу.

(старинные, д. Малое Сескино, записано от Серовой, 56 лет)

*НА НИИГН. И-945. Л. 3 — 256.
Машинопись. Подлинник.*

МОРДВА-КАРАТАИ И ИХ КУЛЬТУРА¹ (К вопросу о происхождении)

Мордва-каратаи — своеобразная этнографическая группа, живущая ныне в трех селениях Камско-Устьинского района Татарской АССР: Мордовских Каратаях, Шершалан[ах] и Заовражных Каратаях. Общая численность каратаев не превышает и тысячи человек. Живя продолжительное время среди татар и русских и употребляя в быту татарский язык, каратаи называют и считают себя мордвой. Почти все каратаи наряду с татарским свободно владеют и русским языком, на котором в настоящее время проводится школьное обучение.

Современная культура каратаев весьма близка к культуре русского населения соседних районов Поволжья. Основные занятия каратаев — земледелие и животноводство. Последнее в колхозном производстве занимает даже большее место, чем полеводство. В дополнение к основным отраслям хозяйства колхозники занимаются немного рыболовством, пчеловодством и садоводством.

Издавна значительная группа каратаев уходила на заработки, на сезонные работы. Мужчины преимущественно занимались добычей и погрузкой алебаstra, который разрабатывался в местных горах, или шли на Волгу, где нанимались на летний сезон бурлаками, рабочими на баржи и пароходы. Отлив населения из каратайских селений на сезонные работы в волжский речной транспорт и приволжские города наблюдается и в настоящее время.

Вопрос о происхождении мордвы-каратаев неоднократно поднимался в литературе, но до настоящего времени не нашел решения. Впервые о каратаях упомянул И. И. Лепехин в 1768 г. Он выделил их в самостоятельное, хотя и немногочисленное, мордовское колено (племя) наряду с эрзей и мокшей².

Х. Д. Френ в своей работе «Ibn Fozzlan», вышедшей в 1824 г., приводя свидетельство Ибн-ель-Варди и Димешки о народах,

¹ Материалы по этнографии мордвы-каратаев были собраны в 1956 и 1958 гг. Мордовской этнографической экспедицией, организованной Институтом этнографии АН СССР и Мордовским научно-исследовательским институтом. В сборе этнографических материалов, кроме автора, руководившего экспедицией, принимали участие Е. И. Динес, Л. М. Сабурова, Т. П. Смирнова и В. Л. Пешонова. Сбором лингвистического материала занимались В. Д. Обьедкин, А. В. Якушкин.

² См.: Лепехин И. И. Записки путешествия // Полн. собр. учен. путешествий по России. СПб., 1821. Т. 3. С. 165.

обитающих по Волге, высказал предположение, что в народе Keratijan, упоминаемом рядом с двумя мордовскими племенами, можно видеть каратаев [И. И.] Лепехина.

Высказывания И. И. Лепехина и гипотеза Х. Д. Френа были восприняты академиком П. И. Кеппенем как неоспоримый факт, и в своих статьях он безоговорочно выделял каратаев, так же, как и эрзю и мокшу, в самостоятельное мордовское племя³. По примеру своих предшественников считали каратаев самостоятельным мордовским племенем и некоторые другие исследователи прошлого века (например, П. И. Мельников)⁴.

Другого взгляда на каратаев придерживались А. Ф. Риттих и С. К. Кузнецов. Они полагали, что каратаи не составляют отдельного мордовского племени, а представляют собой локальную группу мордвы. Термин «каратаи», по мнению А. Ф. Риттиха, не этнический, а, скорее, географический. В подтверждение этого предположения он привел несколько топонимических названий со словом «каратай»⁵.

С. К. Кузнецов указывал, что в актах исторических, изданных Степаном Мельниковым⁶, есть несколько грамот, в которых названы селения Каратаи и Каратаевская дорога, однако в них, так же, как и в летописях и других исторических документах, ни разу не упомянут народ каратаи. «Упоминание Каратаевской дороги под 1582 годом, — пишет С. Кузнецов, — в смысле термина географического или даже административного дает повод думать, что, скорее всего, название каратаи можно счесть приуроченным к небольшой горсти мордвы, поселившейся вблизи Каратаевской дороги и притом с неособенно отдаленного времени, чем названием, издревле ей принадлежавшим и обозначающим особое мордовское колено»⁷.

Группой мордовского происхождения, но отатарившейся, считал каратаев А. О. Хейкель, совершивший в 1883 г. путешествие на Среднюю Волгу⁸. [Х.] Паасонен, посвятивший каратаям специальное исследование, основываясь на анализе собранного им словарного материала, также видел в каратаях

³ См.: **Кеппен П. И.** Каратаи, мордовское колено // Санкт-Петербург. ведомости. 1845. № 268.

⁴ См.: **Мельников П. И.** Очерки мордвы // Рус. вестн. 1867. № 6. С. 490 — 491.

⁵ См.: **Риттих А. Ф.** Мордва // Материалы для этнографии России. Казанская губерния : в 2 ч. Казань, 1870. Ч. 1, № 14. С. 223 — 224.

⁶ Акты исторические и юридические [и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний]. Казань, 1859.

⁷ **Кузнецов С. К.** Сообщение о мордвях-каратаях // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. Казань, 1886. Т. 6, вып. 1. С. 8.

⁸ См.: **Heikel A. O.** Mordvalaisten Pukuja ja Kuoseja-Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors, 1899.

локальную группу мордвы, но затруднялся отнести их к мокше или эрзе⁹.

Более определенно высказывались на этот счет некоторые местные краеведы. Так, например, Байтеряковский из с. Мордовские Каратаи утверждал, что сами каратаи относят себя к мокшанскому колену, и три-четыре поколения назад в их языке еще было несколько мокшанских слов¹⁰. Однако вопрос этот все же оставался неразрешенным. И даже такой крупный исследователь народов Поволжья прошлого столетия, как И. Н. Смирнов, считал, что слабая сохранность мордовского языка и утрата своеобразных черт в культуре каратаев чрезвычайно затрудняют определение их происхождения и выяснение отношения к основным мордовским группам¹¹.

В литературе было высказано также мнение о том, что каратаи по своему происхождению связаны не с мордвой, а с татарами и по сути являются крещеными татарами, материальная культура которых (главным образом одежда) испытала сильное влияние мордвы. Этой точки зрения придерживался [А.]Алквист, посетивший каратаев в 1856 г. Ее разделяли и некоторые местные краеведы, в частности В. Т. Тимофеев¹².

В настоящее время самобытных черт в культуре каратаев стало еще меньше, чем было тогда, когда о них писал И. Н. Смирнов. Однако мы все же попытаемся еще раз проанализировать их культуру и, привлекая данные антропологии и языка, попробуем уяснить их происхождение и этническую принадлежность.

И. И. Лепехин, впервые указавший на каратаев, сообщает, что живут они только в трех деревнях Казанской губернии¹³. В Списке населенных мест Казанской губернии за 1859 г. даны некоторые подробности об этих селениях¹⁴. Все они находятся в Тетюшском уезде, неподалеку одно от другого, и населены казенными крестьянами. Наиболее крупное из них — село Рождественское (Мордовские Каратаи). Оно расположено по Лаишевскому торговому тракту в 28 верстах от уездного города Тетюши, на речке Каратае. В селе числились 161 крестьянский двор и одна православная церковь.

⁹ См.: **Paasonen H.** Die sogenannten karataj-mordwinen oder karatajen // J. de la Société finno-ougrienne. Helsingfors, 1903. Vol. 1 — 51.

¹⁰ См.: **Кузнецов С. К.** Указ. соч. С. 8.

¹¹ См.: **Смирнов И. Н.** Мордва: ист.-этногр. очерк // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. Казань, 1893. Т. 11, вып. 5. С. 426.

¹² См.: **Кузнецов С. К.** Указ. соч. С. 8 — 9.

¹³ См.: **Лепехин И. И.** Указ. соч. С. 165.

¹⁴ См.: Список населенных мест по сведениям 1859 года. Казанская губерния, XIV. СПб., 1866. С. 97 — 98.

В 7 км от с. Мордовские Каратаи по правую сторону Лаишевского тракта стоял починок Менситов, или, как он еще именуется по списку, деревня Каратаи при оз. Менситове. Починок Менситов был удален на 35 верст от уездного центра. В 1859 г. в нем было 57 крестьянских дворов. По левую сторону того же тракта, при речке Кляре, на расстоянии 31 версты от уездного города, был расположен и третий поселок каратаев — деревня Шершаланы, или Малые Каратаи. В этой деревне числилось 92 крестьянских двора.

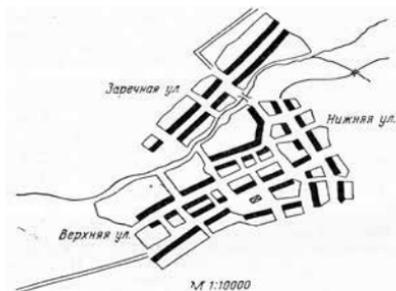

Рис. 1. План села Мордовские Каратаи. Составил В. И. Козлов, 1958 г.

Более старым селением является, очевидно, с. Мордовские Каратаи. Жители окружающих деревень называют его также Искевеле¹⁵. Второе название села — Рождественское — было получено им в связи с постройкой церкви. По местным преданиям, селение было основано лет 400 — 450 назад, и дома первых поселенцев стояли на расчищенном из-под леса месте возле церкви. Во всяком случае имеются письменные свидетельства, подтверждающие, что в начале XVII в. это и другие селения каратаев уже существовали¹⁶.

В настоящее время в с. Мордовские Каратаи 140 колхозных дворов. В нем имеется сельсовет, четырехклассная школа и клуб (они помещаются в здании б[ывшей] церкви). Село имеет двухрядную уличную застройку и подразделяется на три части: верхний, нижний и заречный концы (рис. 1, 2).

Деревни Менситово и Шершаланы являются более поздними выселками из с. Мордовские Каратаи. В настоящее время деревня Менситово уже не существует: в 1954 г. в связи с работами по расширению Волги и постройкой плотины эта деревня была затоплена, а жители ее

Рис. 2. Улица в с. Мордовские Каратаи. Фото автора, 1958 г.

Деревни Менситово и Шершаланы являются более поздними выселками из с. Мордовские Каратаи. В настоящее время деревня Менситово уже не существует: в 1954 г. в связи с работами по расширению Волги и постройкой плотины эта деревня была затоплена, а жители ее

¹⁵ Первая часть этого названия в переводе с татарского означает «старый»; вторая часть — мордовское слово (эрзя и мокша), означающее «деревня», «селение».

¹⁶ См.: Памятная книжка Казанской губернии на 1866 г. Казань, 1867. Отд. 6. С. 25, 32.

переселены в соседнее русское селение Заовражные Каратаи. Здесь каратаи, составляющие примерно четвертую часть всех жителей села, поселились отдельным порядком.

Третий поселок каратаев — Шершаланы, или Малые Каратаи, местные жители называют часто Алан, или Шалаң, то есть «Поляна». Первоначально это название звучало как Чыршылан, то есть Еловая Поляна. Объяснение такого названия дает одно из записанных нами преданий, повествующее о том, что на месте теперешней деревни рос густой лес, в котором было особенно много елей. В настоящее время Шершаланы делятся глубоким оврагом на две части. В одной части живут русские, в другой — каратаи. Та часть деревни, где живут русские, называется русским концом, или слободой, а та часть, где живет мордва, — мордовским, или дальним («арысь») концом (рис. 3). Предки современного русского населения пришли сюда немного позднее мордвы, в конце XVII в., из Казанской, Орловской и

Рис. 3. План деревни Шершаланы. Составил В. И. Козлов, 1958 г.
1 — русский конец;
2 — мордовский конец

Московской губерний и около трех столетий живут совместно с каратаями. Застройка старой части деревни беспорядочная, в более новой имеются улицы, однорядные и двухрядные.

За последнее столетие численность каратаев значительно уменьшилась. Это объясняется тем, что многие жители, в особенности из д. Менситово, переселились в города и рабочие центры и при переписи называли себя русскими.

До принятия русского подданства предки мордвы-каратаев, живущих в указанных выше селениях, платили ясак татарам. После взятия Казани каратаи были причислены к казенным крестьянам.

Земледелие, хотя и являлось их ведущим занятием, в до-революционное время не оправдывало потребностей населения в хлебе. Земли было мало. При господствовавшем здесь трехполье земельный душевой надел был по десятине и даже немногим меньше в каждом поле. Пахотную землю и луга отводили только на мужскую душу. Женщины ни лугов, ни пашни не получали. Земельные переделы производили сначала через двенадцать лет, затем через шесть, а перед Октябрьской революцией значительно чаще — почти ежегодно. Не все земли, обрабатываемые каратаями, отличались плодородием; значительный процент занимали песчаные и камени-

стые почвы, требовавшие хорошего удобрения, и пар здесь всегда унавоживался. Основными культурами, возделываемыми каратаями, были рожь — «арыш» и овес — «сылы»; сеяли также горох — «брчак», чечевицу — «дзясмык», гречу — «карабдай», коноплю — «киндер» и лен — «сюс». Просо — «тары» возделывали сравнительно редко, а пшено покупали на базаре в г. Тетюшах. Сеяли также полбу — «брай», которая заменяла здесь пшеницу. В значительном количестве сажали картофель — «береньги». В настоящее время состав возделываемых культур несколько изменился. В местных колхозах почти перестали сеять лен, коноплю и просо. Совсем исчезла с полей полба, зато значительные площади стали отводить под пшеницу и кукурузу.

Традиционным пахотным орудием у каратаев была соха — «сука», двухлемешная, с перекладной палицей и веревочными подвоями. Для регулирования глубины вспашки подвоя подкручивали палкой. Сабаном каратаи никогда не пользовались, хотя и знали об этом пахотном орудии от своих соседей — татар. Один и тот же вид сохи каратаи применяли на всех встречавшихся у них почвах и новинах. Сохи делали сами крестьяне, но были и особые специалисты по изготовлению этих орудий. Сошники покупали на базарах в Тетюшах, Камском Устье; делали их и местные кузнецы. Рассоха чаще применялась цельная, но встречалась и составленная из двух кусков дерева. Сошники были перовые. Пахали на одной лошади. Лошадь впрягали в соху без дуги, с одним хомутом. От хомута шли гужи, которые скрепляли посредством петель с оглоблями. Пахота считалась мужским занятием; женщины пахали в исключительных случаях, только когда дома не было мужчин. Соха исчезла у каратаев еще в дореволюционное время, примерно к 1914 г. На смену сохе пришел плуг. Плуги были двухлемешные на трех колесах (одно впереди и два по бокам) и однолемешные на двух колесах; в двухлемешные плуги впрягали двух лошадей, в однолемешные — одну. Двухлемешными плугами пользовались более зажиточные крестьяне.

Рыхление почвы производилось бороной — «сыбыртке». Бороны были деревянные рамные с 25 железными зубьями. Изготавливали их, как и сохи, сами крестьяне, а зубья ковали в местной кузнице. Зубья укрепляли без наклона, перпендикулярно к основе бороны. Плетеных борон местное население не помнит, возможно, здесь они и не были распространены. Рамные бороны с деревянными зубьями исчезли лет 60 — 70 назад, так как крестьяне в возрасте 60 — 70 лет в молодости уже не боронили подобными боронами, но они хорошо знают их устройство по рассказам отцов. После каждой бороньбы бороны с деревянными зубьями замачивали в реке, чтобы

предохранить зубья от выпадения. Рамные деревянные бороны, как и сохи, в настоящее время у каратаев вышли из употребления. Запряжка при бороньбе была, как и при пахоте, без дуги, с одним хомутом и гужами. Боронили, как и у русских, ребята в возрасте 12 — 14 лет. Иногда они шли рядом с бороной, держась за вожжи, или же ехали верхом на лошади.

Сеяли, как правило, мужчины вручную из соломенного или лубяного лукошка — «тубал», которое вмещало около пуда* зерна, почему оно и называлось также пудовкой. Пудовки делали из жгутов соломы, перевязанных ветвями тальника. При севе одни вешали лукошко на шею и обеими руками разбрасывали из него семена, а другие вешали его на левое плечо и сеяли правой рукой.

Рож жали серпами — «урак». Серпы покупали на базаре в Тетюшах. Возили серпы по деревням и разъездные торговцы, которые продавали их крестьянам в долг под новый урожай. Края серпов зазубривали. Зубрить серпы приезжала «мещера» из Горьковской области. Уборка ржи начиналась после 20 июля. Жатва считалась у каратаев женским занятием, но случалось, что жали и мужчины.

Сноп сжатой ржи, если рожь была высокая, укладывали в «бабки» по 10 снопов. Укладка производилась следующим образом. Один сноп ставили посередине, четыре кляли крест накрест, четыре ставили по углам и десятым снопом покрывали сверху. Если рожь была низкая, то вместо «бабок» ставили «скамьи» из 12 снопов. Большую копну — «чумалья» (по-русски — «суслон») составляли из 100 снопов.

Овес и горох, если они были высокие и густые, тоже жали серпами, а низкие косили косами. Гречу всегда косили обычной косой, но привязывали к ней деревянную грабилку с тремя зубьями. Коноплю и лен теребили (рвали) руками, связывали в маленькие снопики и ставили в ряд на поле, прислонив по два снопа друг к другу. Косьба, как пахота и сев, считалась мужским занятием.

Перед обмолотом зерновые культуры сушили в овинах. В деревнях, где жили каратаи, был распространен самый простейший тип овина, который местное русское население называло мордовским, или шишом (под таким же названием этот овин известен и в литературе). Каратаи называли его авин. Овин-шиш представлял собой яму в 1,5 м глубиной и до 2 м в диаметре, выложенную камнями. На дне ямы разводили костер, обычно из соломы. Сверху над ямой ставили жерди в форме конуса, а на них кляли снопы, связывая их веревкой. Одновременно на конус можно было положить не более 100 — 150 снопов. Овин, как правило, имели сообща 3 — 4 хозяина. По-

* Пуд — русская мера веса, равная 16,38 кг. — *Сост.*

добный тип овина характерен для народов Поволжья: мари, мордвы-мокши, чувашей, местами встречался он и у татар (в Мамадышском уезде Заказанья и за Камой)¹⁷. Соседнее русское население пользовалось для сушки снопов так называемым ямным овином в виде двухкамерного сруба, нижняя камера которого углублена в землю. Каратаи, хотя и видели все преимущества ямного овина (безопаснее в пожарном отношении, большая вместимость), все же продолжали по традиции ставить конусообразный овин-шиш.

Молотили цепами «чубагась», работая партией обычно по 6 человек (мужчины и женщины). Бедные крестьяне обмолачивали после уборки весь урожай, а богатые только небольшую часть, предпочитая остальное молотить зимой. Молотьба производилась на току — «андрине», который располагался обычно неподалеку от деревни возле гумна — «андер». Цеп каратаев по устройству был близок к мордовскому. Било цепа делали обычно из дуба, ручку — из ветлы, липы или других более мягких древесных пород. Ремень, соединяющий било и ручку, одним концом пропускали в отверстие, сделанное в ручке, несколько раз обергивали вокруг нее и прибавляли гвоздями. Второй конец ремня привязывали к билу посредством тонкого ремешка или крученой бечевки. Просо и горох также молотили цепами, а семена льна и конопли отбивали теми же вальками, какими колотили белье. Молотьбу путем прогона лошадей по кругу, застланному снопами, как это было распространено у башкир¹⁸ и татар¹⁹, каратаи никогда не применяли.

Веяли на току с помощью специальной деревянной лопаты — «крэк» и решета — «плек». Лопату делали с желобком из цельного куска липы или ветлы. Веяли обычно мужчины. У некоторых из более зажиточных крестьян были веялки — «вейлиа». Мололи зерно на ветряных мельницах — «дильтирмен». Мельницы были шатровые, строили их русские мастера. На ручных жерновах мололи полбу на крупу или рожь на солод. В настоящее время ручные мельницы («тирмен») вышли из употребления; колхозники с. Мордовские Каратаи производят помол зерна с помощью парового двигателя.

Кроме полеводства, каратаи занимались также садоводством и огородничеством. Небольшие сады располагались на приусадебных участках вблизи дома. В садах росли яблони, груши, вишни, сливы, смородина и крыжовник. На огородах выращивали лук, капусту, морковь, свеклу и огурцы. Садовод-

¹⁷ См.: **Воробьев Н. И.** Казанские татары. Казань, 1953. С. 92.

¹⁸ См.: **Руденко С. И.** Башкиры. М.; Л., 1955. С. 118 — 119.

¹⁹ См.: **Воробьев Н. И.** Указ. соч. С. 90.

ство и огородничество, по рассказам местного населения, существует здесь издавна.

В садах или на огородах некоторые каратаи имели небольшие пасеки с пеньковыми ульями. Бортничество исчезло уже давно, и даже у стариков сохранились о нем лишь смутные воспоминания. В наши дни у каратаев успешно развивается пчеловодство. Пасеки, но уже с рамочными ульями, имеются как в колхозе, так и у отдельных колхозников.

Животноводство у каратаев, насколько помнят сами крестьяне, было почти равнозначно с земледелием. Крестьяне разводили в основном лошадей как рабочий скот, а также крупный и мелкий рогатый скот (коров и овец, коз не держали), в значительном количестве свиней и домашнюю птицу (кур, гусей, меньше уток). Коров и овец пасли в стаде. В пастухи нанимали обычно татар из соседних деревень. За пастьбу скота владельцы его платили деньгами и поочередно предоставляли пастухам ночлег и питание.

Развитию животноводства способствовали хорошие пастбища и заливные луга. Убирать сено на дальних лугах, за Волгой, каратаи выезжали целыми семьями. Они брали с собой продукты питания, посуду, кое-какие постельные принадлежности и жили на лугах в продолжение недели, а то и двух, в шалашах, приготавливая пищу на кострах. У каратаев широко практиковались различные формы аренды лугов: за деньги и исполу.

Орудия уборки трав не имели каких-либо специфических для каратаев черт. Коса-«чалгы» была аналогична косе-литовке, распространенной в районах Среднего Поволжья. Косы отбивали молотком сами крестьяне. Брусок для точки появился здесь сравнительно поздно, уже в советское время, а до этого пользовались так называемыми смолянками. Для их изготовления деревянные лопаточки окунали в смолу, а затем обсыпали песком и сушили. Грабли — «трнавись» были деревянные, их покупали на базарах в Тетюшах и Камском Устье. Вилы — «сенек» для стогования также были деревянные, двух- и трехрогие, самодельные.

Некоторым дополнением к сельскому хозяйству служило рыболовство. Ловили рыбу исключительно для себя. Из наиболее распространенных способов можно отметить лов «грислами», с помощью длинной веревки, на которую насаживалось до 200 крючков; лов ветелями, связанными из ниток, мордами, сплетенными из тальника, а также с помощью разнообразных заграждений из бревен, мочала и веток, которые ставили в речных протоках и старицах.

Хозяйство каратаев вплоть до Октябрьской революции имело полунатуральный характер, торговля была развита слабо. На местных базарах крестьяне покупали только неко-

торые орудия труда, необходимые в хозяйстве, и немногие бытовые предметы. Продавали они в основном продукты животноводства: мясо, сало, кожи, масло и яйца.

Хозяйственные занятия мордвы-каратаев по способам их ведения, некоторым техническим приемам и орудиям труда очень близки к русским, применявшимся в соседних приволжских районах. Много параллелей в хозяйстве с эрзей и мокшей: типы сельскохозяйственных орудий, виды складней снопов, использование для сушки снопов конусообразного овина-шиша, орудия и приемы рыболовства. С татарами же при общей терминологии отмечаются некоторые различия в разводимых видах животных (наличие свиноводства у каратаев), в орудиях и способах вспашки и уборки урожая (отсутствие у каратаев сабана, молотьбы с помощью лошадей и др.).

Живут каратаи в рубленых избах. В качестве строительного материала используется и плетень, но значительно реже, чем дерево. Из плетня делают ограждения, закуты для скота, иногда сени и сараи для дров и сена. В некоторых дворах можно встретить хозяйственные помещения, выстроенные из самана. Все строительные работы в селениях Мордовские Каратаи, Шершаланы и Заовражные Каратаи производились и производятся местными плотниками. Особенно славились шершаланские плотники, которые строили не только в своей деревне, но и ходили в соседние. Некоторые избы в с. Мордовские Каратаи, построенные еще в дореволюционное время, были рублены русскими плотниками из большого соседнего села Сюкеева.

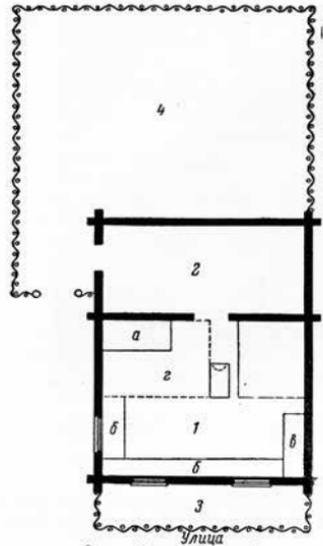
Дома каратаи ставили и ставят без фундамента. Для строительства используют самые различные породы деревьев: дуб, сосну, ель, осину, липу. Конопатят паклей и только изредка мхом. Наружную обшивку из теса и фанеры не применяют, не делают также и сплошной глиняной обмазки. Только некоторые хозяева, примерно около 30 %, промазывают глиной пазы. Среди современных жилых построек каратаев можно выделить три основных типа.

К первому типу относятся двухраздельные дома — «дэрт», состоящие из жилого помещения — «збы» и пристроенных к нему сеней — «ызбалдэ». Подобного типа дома в настоящее время составляют у каратаев немного более 40 % всего жилого фонда (рис. 4, 5). По-видимому, такой тип является у каратаев наиболее старым, но и в настоящее время дома ставят в основном этого типа. Второй тип — трехраздельные дома; они составляют даже несколько большую группу, по сравнению с первой (около 50 %). Этот тип дома у мордвы-каратаев всецело связан с дореволюционным временем, с единоличным крестьянским хозяйством. Многие трехраздельные дома

Рис. 4. Современный жилой дом мордвы-каратаев в с. Мордовские Каратаи. Фото автора, 1956 г.

Рис. 5. План двухраздельного дома в с. Мордовские Каратаи, 1958 г.
1 — изба: а) коник, б) лавки, в) пумар, г) полати; 2 — сени; 3 — палисадник; 4 — двор

построены еще в 1870 — 1880 гг. и в настоящее время пришли в ветхость. Теперь такие дома уже не строят.

В плане трехраздельного дома, в названиях его отдельных частей прослеживается русское влияние. Дом этот состоит из избы — «збы», сеней — «ызбалдэ» и клетки — «кляти» (рис. 6, 7). В трехраздельных домах жили преимущественно зажи-

Рис. 6. Трехраздельный дом на высоком подклете в с. Мордовские Каратаи. Фото автора, 1958 г.

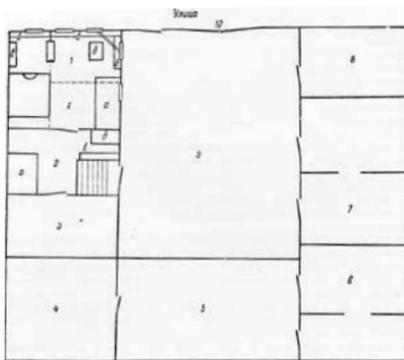

Рис. 7. План трехраздельного дома с покосеобразной застройкой двора в с. Мордовские Каратаи, 1958 г. 1 — изба: а) кровати, б) лавки, в) пумар, г) полати, д) столы; 2 — сени; 3 — клеть; 4 — сарай; 5 — навес; 6 — конюшня; 7 — хлев для коровы; 8 — погреб; 9 — двор; 10 — ворота

точные крестьяне, а более бедные довольствовались двухраздельными.

К третьему типу относится небольшая группа (около 10 % современного жилого фонда) пятистенков и домов с приделами (рис. 8).

Рис. 8. Дом с приделом в с. Мордовские Каратаи. Фото автора, 1958 г.

Жилые постройки каратаев несколько выше, чем у других народов края: чувашей, татар, мордвы-мокши; по высоте они ближе к домам эрзи Лукояновского района Горьковской области. Пол во многих избах наслан на расстоянии 2 м от земли, а окна прорублены на высоте 2,5 — 2,6 м. Высота подызбицы в этих домах около 2 м, а высота избы (от пола до потолка) 2,20 — 2,25 м. Крыши в подавляющем большинстве (95 %) двускатные, на стропилах, в основном тесовые (до 75%), значительно реже соломенные, покрытые в натруску и укрепленные продольными слегами; встречаются крыши из камыша. Новые дома кроют железом и шифером, а соломенное покрытие продолжает сохраняться на хозяйственных постройках и банях.

Обычно дома имеют по фасаду три (50 %) или два (40 %) окна. В более старых домах рамы задвижные, в более новых — створчатые. Ставни имеются далеко не везде, главным образом в избах, поставленных после Великой Отечественной войны. Почти все дома (90 %) у мордвы-каратаев стоят перпендикулярно улице, то есть повернуты к ней коньком. Даже пятистенки ставят здесь не параллельно, а перпендикулярно улице. Однако у каратаев, как и у других групп мордвы, встречаются дома, выходящие на улицу боковой стеной, с одним окном или совершенно без окон. Фасад же дома в этих случаях обращен во двор или в огород. Такая постановка избы объясняется желанием хозяев иметь окна на солнечную сторону, и они, по старой традиции, не считаются с планировкой селения. Вход в дом (в сени) у мордвы-каратаев, как правило, устраивается сбоку, то есть со двора, а на улицу крыльцо делают очень редко.

Пожалуй, ни в одном мордовском селе мы не встречали такого обилия старинной долбленной резьбы, как у каратаев. Резьбой украшены главным образом фронтоны домов и наличники окон. Резчики были местные. В высокохудожественном орнаменте растительные мотивы переплетаются с зооморфными. Резьба, принесенная с волжских судов и получившая название судовой, сближает постройки каратаев с постройками русского населения Горьковской и Владимир-

ской областей, где широко распространена подобного вида резьба. На многих резных досках встречается датировка (1880, 1890, 1892, 1902 гг.). Часто даты, указанные на доске, не совпадают с годами постройки дома: хозяева, высоко ценя старинную резьбу, перенесли украшения со старых жилищ на новые (рис. 9). Наряду с долбленой резьбой широко распространена пропиловка и накладная резьба. На многих домах долбленой резьбой украшены карнизы, а пропиловкой наличники, но встречаются и на карнизах накладные резные украшения.

Вероятно, под влиянием татар каратаи стали применять полихромную раскраску жилищ: красить ставни в голубой, а наличники в белый цвет или ставни в синий, наличники в желтый, а карнизы в зеленый.

Внутренняя планировка дома — средневеликорусская. Печь — «бись» ставят при входе с правой или левой стороны, чаще всего отступя от задней стены дома на 50 — 60 см. Между печью и стеной получается небольшой проход; на стене здесь обычно вешают умывальник, а в холодное время года в этом закуте помещают телянка и ягнят. Печь — русского образца, кирпичная, на деревянном основании. В отличие от татарской печи она не имеет подтопка со вмazanым котлом для варки пищи. Почти в каждом доме имеются полаты — «сендре», расположенные рядом с печью над входной дверью, на расстоянии 50 — 55 см от потолка. В настоящее время на полатах уже не спят, а только хранят постельные принадлежности и одежду.

Почти все избы разгорожены. Печь с прилегающим к ней углом отделена от остальной избы легкой перегородкой, иногда «печуркой» (типа голландки), стоящей перпендикулярно к передней стене дома. Дымоход от голландской печи, соединенный с дымоходом русской печи, заключают в кирпичную арку, которая и делит избу на две части. Подобная планировка очень широко распространена у мордвы, живущей

Рис. 9. Образцы долбленой старинной резьбы на фронтонах жилых домов мордвы-каратаев. Зарисовка с натуры Е. И. Динес, 1958 г.

на территории Мордовской АССР, в Пензенской и Ульяновской областях, а также в Большегетарханском районе Татарской республики²⁰.

Отделенное перегородкой или аркой место перед печью называется «чылан». Здесь у боковой наружной стены стоит закрытая лавка в виде шкафа — «пумар», в котором хранят обычно посуду и остатки пищи от обеда. По виду и назначению, а также по названию «пумар» сближается с мордовским «потмаром». Интересно отметить, что название поверхности «пумара» — «ляпане» звучит близко к мокшанскому «лопана» («лист»). Против устья печи у передней стены устроена неподвижная лавка — «сяки», а над ней укреплена полка, которую каратаи, подобно эрзе и мокше, называют «лавса». Красный угол — «тэрь-урны» расположен по диагонали от печи. Здесь стоит стол — «стел», а по стенам избы идут лавки. Широкая неподвижная лавка возле задней стены носит русское название «коник». В настоящее время во многих избах на месте коника или вдоль боковой стены стоит деревянная или железная кровать, как правило, хорошо убранная. Полы в избах теперь часто красят. С каждым годом все шире проникает городского типа мебель. В первую очередь появляются стулья, этажерки, шкафы для посуды. На окнах вешают занавески и ставят цветы. На самом видном месте помещают самовар.

В тех случаях, когда жилое помещение состоит из двух самостоятельных комнат (в пятистенке или доме с приделом), одна из них — кухня — сохраняет традиционный план и убранство старой избы, с русской печью, полатыми и лавками по стенам, вторую комнату — горницу — обычно обставляют по-городскому.

Сени — «ызбалдэ» являются обязательной частью жилого дома. Их делают бревенчатыми и тесовыми; последние большее распространение получили уже в советское время (в современном жилом фонде они составляют около 50 %). Плетневые сени встречаются значительно реже, чем тесовые и бревенчатые. Размеры сеней: около 2,5 м в длину и 4,5 — 6 м в ширину. В пятистенках и домах с приделом маленькие тесовые сени пристраивают сбоку, перед входной дверью, в виде закрытого крыльца. В трехраздельных домах сени служат связью между избой и клетью. Вход в сени обычно ведет со двора. В бревенчатых и тесовых сенях делают деревянный пол, потолок же отсутствует; в плетневых сенях пол земляной. Около стены в сенях стоят обычно приставная лестница, по которой поднимаются на чердак, скамья и кадка для воды. На

²⁰ См.: **Белицер В. Н.** Работа Мордовской этнографической экспедиции в 1953 — 1957 гг. // Совет. этнография. 1958. № 4. С. 122.

гвоздях висят различные хозяйственные вещи: кузова, веревки, ведра и пр. Вдоль одной из стен подвешен шест — «эрлик» для сушки одежды. Летом в сених спят. Для этого здесь сооружают деревянный настил, на который кладут тюфяк, и вешают полог. Свет в сени проникает через дверь, иногда над входной дверью устраивают небольшое оконце. В сених трехраздельного дома, кроме наружного входа и двери, ведущей в избу, имеется еще вход в клеть. В верхнюю клеть приходится подниматься на две-три ступеньки.

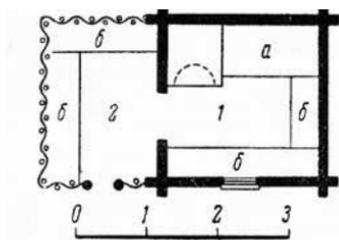
Клеть представляет собой сруб с полом и потолком, но без печи. Свет проникает через небольшое четырехугольное отверстие, прорубленное в стене. В клетях хранят зерно, муку, крупу, а также одежду. Под верхней клетью имеется нижняя клеть — «тюбен клеть», вход в которую устраивают со двора. В нижней клетке стоит мелкий хозяйственный инвентарь: лопаты, вилы, бочки, корыта и т. д.

Застройка двора — «каралды» у каратаев чаще всего покоеобразная. Параллельно дому стоит погреб или сарай, а в глубине двора устраивают навес. Центральная часть двора остается открытой. Наряду с покоеобразной распространена застройка двора глаголем. Тот и другой виды застройки весьма типичны для русского населения средней полосы Европейской равнины, в частности для районов Среднего Поволжья и Прикамья. Ворота — «капка» располагают рядом с домом; обычно их делают двустворчатыми на столбах, под двухскатной крышей.

Из хозяйственных построек, стоящих во дворе, следует отметить хлев — «кирте» для коров и овец, сарай для дров и сена и погреб — «нюгереп», надземная часть которого имеет вид конического шалаша и покрыта соломой и жердями.

Баню — «мунчо» строят сообща два-три хозяина. Чаще всего ее ставят в огороде или саду, поближе к ручью или возле колодца. Баня представляет собой невысокий сруб (9 — 10 венцов) площадью 2,5 x 2,5 м, часто с земляным полом, потолком и одним маленьким окном. У стены направо или налево от двери сложена печь-каменка, иногда кирпичная. Устье ее направлено к окну. Топится она по-черному. Рядом с печью пристроен полок для мытья, в углу стоит кадка для холодной воды, а возле окна обычно скамья. Предбанник делают плетневый с обмазкой из глины (рис. 10). Подобные бани очень широко распространены; они

Рис. 10. План бани в с. Мордовские Каратаи. Чертеж с натуры, 1958 г.
1 — баня; а) потолок, б) лавки; 2 — плетневый предбанник

характерны для русских, мордвы, чувашей, коми, карел и многих других народов Советского Союза.

Интересно отметить, что у каратаев не встречается ни мазанок, ни выходов (подвалов), столь характерных для мокши и эрзи, живущей в Мордовской АССР, Пензенской, Ульяновской и Куйбышевской областях.

При сопоставлении жилищ каратаев с жилищами их соседей — русских, татар, а также мокши и эрзи наиболее отчетливо выступают русские черты. Они прослеживаются в названиях частей жилища и хозяйственных построек (зба, клять, чылан, путалак, стел, нюгереп и др.), в типе трехраздельного дома и его внутренней планировке, устройстве печи, внутреннем убранстве помещения, застройке двора и во многом другом. Черт, присущих татарской культуре, в жилище каратаев очень немного. Кроме татарской терминологии и в редких случаях полихромной раскраски здесь, пожалуй, не найдется ничего специфичного для татарского жилища. Ни в одном доме у каратаев не встречалось характерных для татар нар, специальной женской половины, вмазанного котла около печи, многочисленных сундуков с горой подушек и прочего.

Мордовские черты в жилище каратаев также прослеживаются чрезвычайно слабо. Следует отметить, что русские и мордовские постройки, в особенности современные, чрезвычайно близки между собой, только у мордвы своя терминология, связанная с жилищем. Отметим характерные черты мордовского жилища в постройках каратаев. Это прежде всего наличие «пумара» (шкафа для посуды), который по названию, назначению и общему виду аналогичен распространенному у мокши и эрзи «потмару». Общее название — «лався» — носит полка, расположенная против устья печи. Наличие термина «мырдзя» для обозначения промежутка между задней стеной избы и печью, близкого к термину «мрга», которым мокша называет место перед печью, указывает, по нашему мнению, на то, что и у каратаев печь когда-то также была повернута устьем к входу. В языке каратаев сохранилось это старое мордовское название места перед печью и после того, как печь стали устанавливать устьем к передней стене. Отделение печи и прилегающего к ней угла посредством установки голландской печи и дымохода характерно также для эрзи и мокши. Конические постройки каратаев (погреб, овин, шалаш, который ставят на сенокосе) являются строительной традицией, восходящей к древнему коническому жилищу, существовавшему когда-то у всех финно-угорских народов.

Пища мордвы-каратаев очень разнообразна и в основном связана с земледельческой культурой. Некоторые блюда и напитки у каратаев появились, несомненно, под влиянием

татар, но значительно больше у них общего с пищей русского сельского населения. Укажем, например, на то большое значение, какое имеет в пище каратаев ржаной кислый хлеб, который каратаи выпекают с большим искусством, соблюдая строго установленные традиционные приемы. Распространены многочисленные хлебные изделия: пироги с капустой, кашей, разнообразной ягодной начинкой. Пироги с мясной начинкой носят специальное название — курник. Сами каратаи говорят, что способ приготовления этого пирога и само название они заимствовали у русских.

Любят каратаи «балык беккэ» — пироги с запеченной в них целой рыбой. Кушанье это широко распространено у населения Европейского Севера (русских, карел, вепсов, коми-зырян и коми-пермяков). Пекут ватрушки — «пяряпэсь», по виду напоминающие русские ватрушки или мордовские «панжакэй». Приготавливают их из кислого теста, пшеничные или ржаные, круглые, диаметром до 15 см. Начиняют их мятой картошкой или творогом. Широко распространены пышкат — «пышки», приготавливаемые также из кислого теста, пшеничные или ржаные, с добавлением молока и яиц. По виду это круглые пышные булочки, имеющие в диаметре 10 — 12 см. Пекут их в печи на противне. Из пресного теста делают только лепешки — «кюмель». Блины каратаи пекут редко, главным образом на поминки. Иногда делают блины из гороховой муки. Пшеничные блины, столь характерные для эрзи и мокши, у каратаев совсем не распространены.

Мясо, в особенности летом, каратаи потребляют в очень ограниченном количестве. Как и русские крестьяне, каратаи едят мясо всех домашних птиц и животных, кроме конины. Этим они отличаются от своих соседей татар. Кроме того, в отличие от татар каратаи издавна потребляют и любят свинину, из которой теперь приготавливают самые разнообразные продукты.

Обычая сушить, вялить и коптить говядину или мясо других животных у каратаев не было раньше, нет и теперь. На зиму обычно замораживают баранину.

Молочные продукты занимают в пище каратаев несколько большее место, чем мясные. Каратаи пьют коровье, очень редко козье, обычно пресное молоко — «сэт». Топленое молоко подают к чаю. Кобыльего молока каратаи не пьют и кумыса не приготавливают. Из молока каратаи получают сливки и сметану, масло, творог, приготавливают и кислое молоко. Молоко обычно сепарируют; полученные сливки и сметану называют одним термином — «каймак». Из сливок каратаи сбивают масло — «май». В пищу употребляют сливочное, но больше топленое масло. Способ приготовления творога — «эремчек» ничем не отличается от применяемого татарами и башкира-

ми: свернувшееся молоко выливают в горшок или чугунок, ставят в печь и кипятят до тех пор, пока не отделится густая масса. Для удаления воды свернувшееся молоко процеживают через мешковину. Творог едят с молоком, а также употребляют в качестве приправы или начинки для ватрушек.

Кислое молоко — «катык» и «сузьмэ» по способу приготовления не отличается от аналогичных татарских и башкирских изделий²¹. «Катык» представляет собой род варенца, который готовят из кипяченого молока. После охлаждения в молоко кладут закваску (перекисший «катык») и держат его в теплом месте до тех пор, пока оно не загустеет, затем выносят в погреб. Сохраняют «катык» в больших глиняных корчагах — «курьцага». «Сузьмэ» — это более густой «катык», из которого удалена вся сыворотка. Приготовленный «сузьмэ» можно хранить 4 — 6 недель. Едят его как лакомство, смешивая с медом (как принято у башкир), или употребляют в качестве приправы для супа и щей.

Каратаи, имеющие много общего в молочной пище с башкирами и татарами, не делают, однако, и не знают способа приготовления сыра — «корот» (у башкир), «корт» (у татар). Сыром каратаи называют сладкий творог, смешанный со сметаной и яйцами. Такой сыр они готовят к празднику Пасхи.

Овощи в питании каратаев играют, пожалуй, не меньшую роль, чем молочные продукты. Каратаи потребляют их значительно больше, чем соседние финские и тюркские народы Поволжья: мари, удмурты, чуваша, башкиры, татары. В этом отношении их можно сравнить только с русскими и мордвой — эрзей и мокшей. Каратаи возделывают овощи, характерные как для более южных (огурцы, помидоры, свеклу, морковь, тыкву), так и для более северных (капусту, лук, репу, редьку) районов Восточно-Европейской равнины. Особенно много сажали и продолжают сажать в настоящее время картофеля и капусты. Капусту засаливают на зиму. Картофель готовят самым различным способом: чаще всего его варят очищенным, а затем едят с кислым молоком или сметаной; делают пюре или жарят на сковородке в топленном или подсолнечном масле; картофель кладут также в различные кушанья. Фруктов каратаи употребляют в пищу мало, грибов почти совсем не едят.

Ассортимент распространенных у каратаев кушаний весьма невелик. В качестве первого блюда (к обеду) часто варят, как и соседние русские, щи — «шти» (щи называют также и

²¹ См.: **Воробьев Н. И.** Указ. соч. С. 319, 321 ; **Руденко С. И.** Указ. соч. С. 128 — 129.

супом). В щи кладут капусту, морковь, картошку, лук, иногда добавляют помидоры. Бульон для щей бывает мясной (особенно в осеннее и зимнее время) или куриный. Постные щи заправляют маслом и молоком.

Из жидких блюд, кроме щей, варят обычно к завтраку похлебку. В кипящую воду кладут пшено, картофель и лук. Сварившуюся похлебку заправляют маслом, забеливают молоком или кладут в нее «катык».

В качестве второго блюда готовят чаще всего какую-нибудь кашу — «бутка». В дореволюционное время варили каши из пшена, гороха, чечевицы, гречи и полбы. Особенно любили каратаи гороховую, пшенную и полбяную каши. В настоящее время кашу из чечевицы, гороха и полбы уже не варят, обычными стали манная и рисовая каши.

По воскресным дням и в праздники готовят пельмени. У каратаев распространены пельмени двух видов. Крупные пельмени (в половину ладони) называют «казан беккэ», то есть «пирожки, сваренные в котле»; их делают с начинкой из рубленой баранины (или свинины) с добавлением лука. Второй вид пельменей — «чумара» значительно меньше, чем «казан беккэ», и начиняют их рубленой свининой без добавления лука. Мы не склонны считать пельмени старинным традиционным блюдом каратаев, они, вероятно, были занесены к ним в сравнительно позднее время из-за Камы, с Урала и из Сибири.

В качестве третьего блюда каратаи употребляют гороховый кисель или компот.

По несколько раз в день и в большом количестве каратаи пьют чай, обычно после каждой еды. Чай заваривают в маленьком чайнике и пьют его крепким, горячим, обычно с сахаром вприкуску или с конфетами. Варенье у каратаев не распространено. С молоком чай пьют чаще пожилые женщины. Чай кипятят в самоварах. Самовары имеются в каждой семье, а у некоторых даже по два. Чай, получивший в настоящее время такое широкое распространение, появился у каратаев сравнительно недавно. По словам 75 — 85-летних жителей, чай пили раньше очень немногие, и только богатые каратаи имели самовары.

Значительно более древний напиток у каратаев пиво — «сыра», приготовленное из солода с добавлением дрожжей и хмеля. Варят пиво обычно к праздникам, свадьбам и поминкам. Приготавливают его женщины. В каждом селе имеются обычно пожилые женщины, особенно искусные в пивоварении. Брагу каратаи не пьют и не умеют ее готовить; в их языке нет даже специального термина для этого напитка. Некоторое значение в качестве напитка имеет «айран» — пахтанье из-под масла, потребляемое также и некоторыми

другими народами Поволжья — татарами²², башкирами²³, чувашами²⁴.

В летнее время больше употребляют кушанья, приготовленные из растительных и молочных продуктов, а также из рыбы. В осенне-зимний период бóльшую роль, чем летом, играют мясные продукты, но все же и в это время они не являются основными.

Обычно в каратайской семье утром едят похлебку, картофель с кислым молоком или кислой капустой, чай с хлебом или пышками. Обед состоит из щей, картофеля или каши, чая с хлебом. Вечером за ужином снова едят щи, кашу и чай с хлебом. По праздникам пекут пироги, ватрушки, реже блины, делают яичницу и пельмени. В отличие от татар каратаи всю пищу готовят в русской печи в горшках и чугунах и никогда не варят ее в котле.

Значительное своеобразие сохраняется до настоящего времени в обрядовой пище. Некоторые блюда, исчезнувшие из повседневного меню, продолжают подаваться на стол и даже являются обязательными при поминках, крестинах и на свадьбе. Так, например, на поминальном столе всегда должны быть ржаной кисель и компот, блины, уложенные стопками, и мед. Поминальный обед состоит обычно из щей, каши, яичницы; пекут к поминальным дням также рыбник, сладкий пирог и ватрушки.

На крестинах традиционным угощением является молочная пшенная каша, обильно сдобренная топленным маслом. Хозяева дома угощают кашей гостей, которые, отведав ее, дарят новорожденному деньги и желают долголетия (сколько зерен каши в горшке, столько ему жить). Этот обычай и близкий к нему обычай нести новорожденному пшенную кашу в качестве подарка широко бытуют и теперь также во многих мордовских деревнях. К крестинам варят пиво, пекут пироги и «пяряпэсь» — ватрушки.

На свадебный стол, кроме разнообразной мясной и рыбной пищи, подают курник, «балык беккэ» (пирог с рыбой), сладкие пироги, ватрушки, яичницу, а из напитков — обязательно пиво.

Различные печенья и кушанья, которые пекли и стряпали каратаи по определенным дням православного годового календаря (а некоторые продолжают это делать и теперь), — те же, что и у русских. Так, например, под Новый год готовили студень из свиных ножек; на Крещение пекли орешки из прес-

²² См.: **Воробьев Н. И.** Указ. соч. С. 319.

²³ См.: **Руденко С. И.** Указ. соч. С. 130.

²⁴ См.: **Воробьев Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонова А. Р.** Чувашия. Чебоксары, 1956. С. 355.

ного сладкого теста; в четверг на четвертой неделе Великого поста пекли кресты, а девятого марта — жаворонки, с которыми выходили встречать весну. На Вознесение пекли из теста пышки с украшениями в виде лестницы. На Петров день красили яйца ромашкой в желтый цвет и т. д.²⁵

Современный костюм каратаев ничем не отличается от костюма русских крестьян из соседних селений. Женщины носят юбки и кофты из хлопчатобумажных, шерстяных, а молодые и из шелковых тканей фабричного производства и различных фасонов фабричную обувь. Некоторые, преимущественно пожилые женщины, ходят в полувысоких резиновых галошах и белых шерстяных чулках. На голове женщины носят платок, который покрывают «по-русски», складывая на угол и завязывая концы его под подбородком. Мужской современный костюм состоит из рубахи, брюк и пиджака, сшитых также из фабричных тканей.

В качестве верхней одежды мужчины носят теперь пиджаки, пальто и шубы. Женщины ходят в жакетах, а в холодное время года надевают, как и мужчины, пальто или шубу. Нательное белье носят теперь уже все.

Традиционная народная одежда исчезла у каратаев, по-видимому, еще в конце прошлого века. В 1880-х гг. народный женский костюм еще частично бытовал. По сообщению краеведа Байтерьяковского из с. Мордовские Каратаи, традиционная одежда каратаев напоминала костюм эрзи и мокши²⁶. Некоторое представление о женском народном костюме XIX в. у каратаев дают зарисовки, сделанные с натуры во время путешествия А. Хейкеля в районы Поволжья в 1884 г.²⁷ В фондах Музея народов СССР в Ленинграде имеется интересная коллекция женской одежды и головных уборов каратаев, собранная И. Н. Смирновым и приобретенная в 1902 г. музеем. Из сохранившихся записей собирателя видно, что уже в те годы национальный костюм постепенно выходил из употребления.

Во время наших полевых исследований в 1956 и 1958 гг. нам удалось обнаружить лишь отдельные части старинного женского костюма, сохраняемые некоторыми пожилыми женщинами в качестве смертной одежды. О многих элементах женского старинного костюма, как и о полном комплексе национальной мужской одежды, мы могли составить представление только по рассказам стариков.

Традиционную народную одежду каратаи шили из домотканого белого холста или пестряди. Нитки получали в

²⁵ Материалы Мордовской этнографической экспедиции 1958 и 1959 гг. // Архив Ин-та этнографии АН СССР.

²⁶ См.: **Кузнецов С. К.** Указ. соч. С. 8.

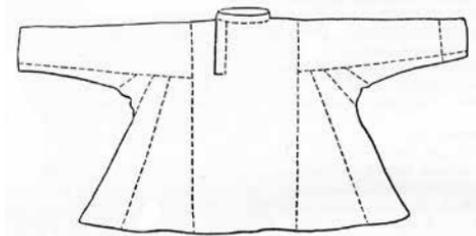
²⁷ См.: **Heikel A. O.** Op. cit.

основном из волокон конопли — «киндер» и отчасти льна — «сюс». Прядением и тканьем занимались женщины. Пряли на веретене — «ёртык» с гребня — «каба». Гребень вставляли в донце — «кабатыд». Подобный способ прядения кудели с гребня типичен для эрзи и мокши, а также для южных великоросов. Мотовила, катушки и другие приспособления для разматывания ниток были такие же, как у русских из соседнего села Сюкеева. Холст ткали также и из фабричных хлопчатобумажных ниток. Ткацкий стан — «киндер-урен»* был русского типа с двумя осями и боковыми стойками. Однако среди терминов, обозначающих различные части стана, встречаются и мордовские названия. Например, передний навои называется «варя-бря» (мордовское «варя-пря») — головное отверстие.

Вытканый холст каратаи подвергали такой же обработке, как и их соседи эрзя, мокша и русские: холст отбеливали сутки в щелоке в горячей печи, промывали в реке, затем, чтобы придать ему бóльшую эластичность, колотили специальными деревянными колотушками или вальками — «тукмак». В настоящее время домашнее ткачество почти совсем исчезло. Только у немногих колхозников сохраняются ткацкие станы, на которых ткут холст для портянок и половики. Несколько большее значение имеет прядение шерсти. Шерсть, как правило, прядут не с гребня, а с прялки-палки, так же, как это делают и другие народы приволжских районов (русские, мордва, татары, башкиры).

О старинной мужской одежде известно немного. Мужской повседневный костюм состоял из рубахи и штанов. Рубаху — «кульмяк» шили из белого холста или (чаще) из красной клетчатой пестряди (рис. 11). Боковые полотнища рубахи обычно были раскошены, благодаря чему она получалась очень широкой в подоле. Рукава — прямые, со штытыми в них большими треугольными ластовицами. Воротник невысокий, стоячий.

Рис. 11. Мужская рубаха мордвы-каратаев. Полевая зарисовка автора, 1958 г.

Разрез и застежку делали на правой стороне груди (как у марийских, удмуртских и чувашских рубах). Грудь, подол и рукава белой рубахи принято было украшать вышивкой или полосками красного тканья. Рубаху носили всегда

* Само название стана «киндер-урен» («киндер» — конопля, «урен» — стан) показывает, что ткали в основном конопляные нити.

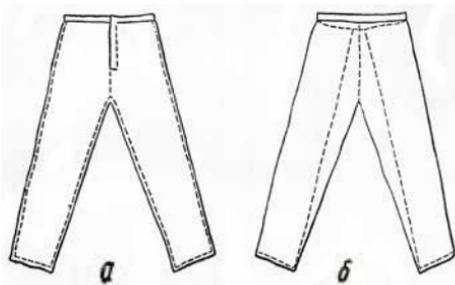

Рис. 12. Мужские штаны мордвы-каратаев. Полевая зарисовка автора, 1958 г. а — вид спереди, б — вид сзади

навыпуск и подпоясывали узким шерстяным пояском, который плели обычно на дощечках. Штаны — «штан» были холщовые, синие в белую полоску, более старого фасона — на вздержке, а более позднего — с разрезом спереди на пуговицах (рис. 12). Такие холщовые штаны некоторые старики носили в те

плое время года еще лет 5 — 6 назад.

Верхней одеждой служил «чикмен» — кафтан из домотканого черного сукна длиной немного ниже колен, сшитый в талию, со сборами, без воротника. По виду «чикмен» напоминал русский «сукман» и мордовский «сумань». Кроме «чикмена», был распространен «чапан», сшитый из толстого домотканого полусукна. Он был прямого покроя, подобно халату с большим запахом. Застежки «чапан» не имел. Надевали его обычно в дорогу поверх «чекмена» или шубы — «тун».

Зимней дорожной одеждой служил также овчинный тулуп. Зимой мужчины носили шубу, сшитую из дубленых овчин, а иногда «крутки» — куртки, сшитые из овчин и покрытые сверху фабричным сукном.

Мужской обувью были высокие кожаные сапоги — «итык» и лапти — «чабата» такого же вида, как у русских соседнего села Сюкеева. Лапти носили летом с белыми холщовыми портянками — «аякчу», зимой с шерстяными белыми суконными онучами — «тула». Оборы были веревочные, из конопляной пеньки. Зимой ходили в валенках — «киез итык». Кожаные сапоги и валенки каратаи носят и теперь, но лапти совершенно вышли из употребления после Великой Отечественной войны.

На голове мужчины носили шерстяные валеные белые или коричневые шляпы с высокой тульей (до 30 см) и загнутыми сверху полями. Валяли такие шляпы пришлые валяльщики с верховьев Волги (из-под Костромы). Мужчины ходили также в картузах, которые покупали обычно на ярмарках и базарах в Тетюшах и Камском Устье. Зимним головным убором были шапки из мерлушки и вязенки. Тюбетек, распространенных у татар соседних деревень, каратаи не носили. Волосы на голове, примерно на уровне половины ушей, мужчины подстригали в кружок; некоторые старики брили макушку, а бороду и усы обычно не брили.

Рис. 13. Женская рубаша мордвы-каратаев и детали вышивки. Зарисовка с натуры Л. Н. Родионовой, 1958 г.

Рис. 14. Чибя — верхняя женская одежда мордвы-каратаев. Детали вышивки. Зарисовка с натуры Л. Н. Родионовой в с. Мордовские Каратаи

Старинный костюм каратаек был близок к национальному костюму эрзи и мокши. Он состоял из белой вышитой рубашки — «аккульмяк», распашной белой холщовой одежды — «чиба» типа шушпана, также украшенной вышивкой, и головного убора: платка — у девушек, сороки — у замужних женщин. Белая холщовая рубаша — «аккульмяк», или «дзюле», длиной в 120 — 125 см, была основной частью народного костюма каратаек. Рубаша эта была туникообразной (рис. 13, 14). Ее шили из пяти полотнищ холста: центральное полотнище шириной 34 — 35 см, перегнутое на плечах по поперечной нитке, составляло перед и спину рубашки; четыре более коротких полотнища, скошенных к подолу и сшитых попарно, вшивали в бока. Рукава у рубах были прямые, длинные (56 — 57 см), без обшлагов. Их пришивали непосредственно к центральному полотнищу с ластовицами из красно-синей пестряди или кумача. Рубашу шили без воротника, с глубоким (34 — 35 см) треугольным грудным вырезом.

Рубашки украшали вышивкой, выполненной шерстяными нитками. В вышивке на одних рубашках господствовал красно-кирпичный тон с добавлением черного, зеленого и желтого, на других — черный или темно-синий с добавлением красного, оранжевого и зеленого. Вышивку располагали спереди в виде семи

продольных полос: одна, более широкая, полоса в центре и по три, более узких, по бокам. На спине вышивали шесть продольных полос, сгруппированных по три с каждой стороны. Вышивка окаймляла ворот и шла вдоль рукавов в виде двух разных по ширине полос; по обшлагоу располагалась более широкая вышивка. Все рубашки имели еще своеобразную вышивку на плечах в виде эпюлет с орнаментом из треугольников, ромбов и квадратов.

По подолу рубашки также шла вышитая полоса, причем более богато расшивали подол спереди (как мокшанские и

эрьянские рубахи). Вышитый спереди треугольник служил как бы основанием для центральной продольной вышивки. Однако переднего продольного разреза, как на рубахах эрзи, на каратайских рубахах не было, возможно, потому, что в этом не было практической необходимости: благодаря скошенным боковым полотнищам каратайские рубахи были значительно шире не только эрьянских, но и мокшанских.

По покрою рубахи каратаек скорее напоминают мокшанские, чем эрьянские; от последних они отличаются не только большей шириной в подоле, но и расположением швов²⁸. С мокшанскими рубахами их сближают положение центрального полотнища и длина рукавов (в эрьянской рубахе рукава достигают только локтя). Основное же различие между рубахами эрзи и мокши и рубахами каратаек состоит в том, что у первых боковые полотнища прямые, у вторых — скошенные, как у татарских²⁹ и удмуртских³⁰ рубах. Возможно, это явление сравнительно позднее, возникшее не под влиянием татар, но, скорее, связанное с естественным желанием женщин иметь более широкую, удобную одежду при ходьбе и работе.

Вышивка на рубахах каратаек по характеру, расцветке и

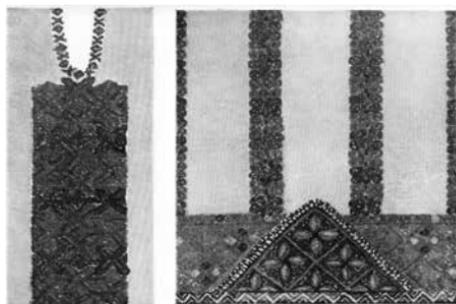

Рис. 15. Вышивка на старинной женской рубахе мордвы-каратаев: слева — нагрудная вышивка, справа — продольные полосы и вышивка подола.
Зарисовка с натуры
М. Р. Семашкевич, 1958 г.

технике напоминает в одних случаях эрьянскую, в других — мокшанскую. Очень близка к эрьянской вышивка на старинной каратайской рубахе, фрагменты которой нам удалось обнаружить в 1958 г. (рис. 15). Спереди идет та же широкая ковровая вышивка с геометрическим орнаментом, выполненная красной и синей шерстью, что и на эрьянском «покае»³¹, богато расшитый подол

²⁸ Эрьянская женская рубаха состоит из двух полотнищ холста, перегнутых поперек и сшитых между собой. Один шов проходит спереди посередине, второй — в центре спины и два на боках (см.: **Куфтин Б. А.** Материальная культура русской мещеры. М., 1926. С. 23).

²⁹ См.: **Воробьев Н. И.** Указ. соч. С. 238.

³⁰ См.: **Белицер В. Н.** Народная одежда удмуртов. М., 1951. С. 38, 40.

³¹ Холщовую женскую рубаху, почти всю покрытую вышивкой, надевали в особо торжественных случаях. См. об этом: **Крюкова Т. А.** Женская рубаха «покай» и ее связь с праздником «Пивань кудо» у мордвы // Зап. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1958. Вып. 19. С. 218 — 230.

Рис. 16. Женщина из с. Мордовские Каратаи в белой старинной рубахе. Фото автора, 1958 г.

Рис. 17. Пожилая женщина из с. Мордовские Каратаи в белом халате «чиба». Фото автора, 1958 г.

и украшение вокруг переднего нижнего разреза еще более дополняют сходство.

В позднейшем варианте каратайская рубаха сближается с русской. Из цельной туникообразной она превращается в рубаху с подставой и собранным на обшивку воротом, с прямым грудным разрезом и застежкой на пуговицах. Вышивка почти совсем исчезает, и только на подоле остается узкая полоска. Геометрический узор вышит техникой набора красными, зелеными и оранжевыми хлопчатобумажными нитками. Рисунки и техника вышивки, а также ее название «мокшань кáфта» указывают на связь с мордвой-мокшей. Однако такую поясную одежду, как штаны, характерные для мокшанского женского традиционного костюма, каратайки не носят и, по их словам, не носили раньше.

Верхняя распашная одежда — «чиба», которую носили каратайские женщины поверх рубахи, представляет собой халат; он немного короче рубахи и сшит из белого холста с прямой спиной и длинными рукавами. Полы халата на груди украшены своеобразной вышивкой из черной, желтой и зеленой шерсти, заканчивающейся двумя кисточками — «чук» из красной шерсти. Подол и края рукавов у халата также окаймляли вышивкой (рис. 16). «Чиба» по покрою, длине, расположению и характеру вышивки имеет большее сходство с эрзянской

«руцей», чем с мокшанским «мушкасом»³² (рис. 17).

Рубаху «кульмяк» и халат «чиба» подпоясывали шерстяным плетеным пояском с несколькими (до шести) кистями из шерсти. К поясу подвешивали в качестве украшения ключи и медные гребни с наверхшими в виде резных конских головок.

³² Очень близка к описанной выше верхняя одежда из холста типа халата под названием «сыба», распространенная у западных и северо-западных башкир (см.: Руденко С. И. Указ. соч. С. 159).

Подобные медные гребни часто встречаются в мордовских могильниках и в качестве современных поясных украшений у мордочек.

Передник, или запон, являлся неотъемлемой частью традиционного костюма каратайки. Его носили с рубахой и с халатом. Шили передник из холста, без грудки, подол украшали вышивкой (рис. 18). Своим видом передник каратаек напоминает короткий

Рис. 18. Старинный праздничный передник, вышитый шелком. Музей народов СССР. Коллекция из с. Мордовские Каратаи. Конец XIX в. Зарисовка М. Р. Семашкевич

эрзянский передник — «карксамга». Он хорошо сочетался с общим типом костюма и не закрывал нагрудную вышивку рубахи и «чиба». Некоторые каратайки вместо белого вышитого передника носили цветной, клетчатый из сине-красной пестряди, сшитый тоже без грудки. Этот передник напоминает передники, широко распространенные у удмуртов и чуваш[ей], сшитые из такой же пестряди с вышитыми в клетках разноцветными звездочками.

Многие каратайки сменяли традиционный мордовский наряд на русский народный костюм, который бытовал у них до Октябрьской революции, а некоторые женщины продолжали носить его вплоть до Великой Отечественной войны. Этот костюм состоял из сарафана «московки», сшитого со сборами из шести полотнищ ситца или домотканой пестряди, на лямках, называемых «мышки» (рис. 19). С сарафаном носили рубаху. Верхнюю часть рубахи — рукава — «динь» шили из белого ситца, а нижнюю часть, которую называли русским термином «стан», делали из домотканой хлопчатобумажной ткани, чаще всего красной.

Рис. 19. Девушка-каратайка в русском наряде: сарафане, рукавах и переднике. Фото автора, 1958 г.

Сарафан подпоясывали; поверх него очень высоко повязывали фартук, обычно цветной — лиловый, зеленый. Переходным видом от традиционной одежды к современной были «крутки» — кофты с рукавами, которые прежде шили из синего холста (кубовые), а позднее из ситца.

Верхняя женская одежда была схожа с мужской. Женщины, как и мужчины, носили весной и осенью «чикмен»,

а зимой — шубу, сшитую из желтых овчин со сборами и меховой оторочкой. Грудь и правую полу шубы украшали расчленимым строченым орнаментом.

Прически и головные уборы у замужних женщин и девушек были различными. Девушки заплетали волосы в одну косу и повязывали голову лентой. Замужние женщины заплетали волосы в две косы и укладывали их вокруг головы. Эту традиционную прическу многие каратайки, особенно пожилые, сохраняют и теперь.

Старинные головные уборы перестали носить еще в начале XX в., и нам не удалось их уже обнаружить. В упомянутой выше коллекции И. Н. Смирнова имеется более десяти каратайских женских головных уборов под названием «сорока». Все они однотипны и близки друг к другу по форме и характеру вышивки. Сорока состоит из двух частей: верхней части, собственно сороки, и нижней, так называемого волосника, или чехлика, надеваемого непосредственно на волосы. Сорока, надеваемая на волосник, сшита из холста. Она состоит из широкого начельша (32 x 13 см), боковых клиньев, так называемых крыльев, которые служат завязками при укреплении сороки на голове, и позатыльника, или хвоста, — прямоугольной полосы (62 x 26 см), спадающей на спину (рис. 20). Очельш и позатыльник украшены вышивкой из шерсти. В вышивке доминирует красный тон, а другие цвета — синий, зеленый и оранжевый — только дополняют расцветку. Орнамент вышивки геометрический. Вышивка очень плотная, ковровая, фон холста совершенно не просвечивает. Края очельша и позатыльника оторочены шерстяной тесьмой темно-кирпичного цвета. На конце позатыльника прикреплено пять-шесть кисточек из зеленой и красной шерсти. Нижняя часть головного убора — волосник, как и сорока, сшита из холста; по виду волосник напоминает чепец с завязками. Верхняя часть волосника (так называемый гребень)

Рис. 20. Сорока — головной убор замужней женщины у мордвы-каратаев. Музей народов СССР. Коллекция из с. Мордовские Каратаи. Конец XIX в. Зарисовка М. Р. Семашкевич

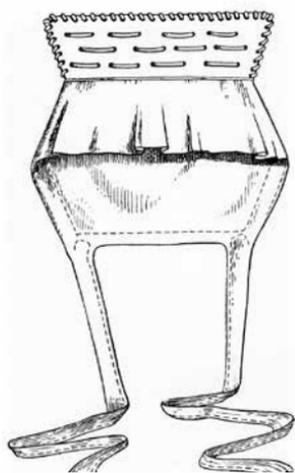

Рис. 21. Женский головной убор волосник, надеваемый под сороку. Музей народов СССР. Коллекция из с. Мордовские Каратаи. Конец XIX в. Зарисовка М. Р. Семашкевич

твердая (рис. 21). Гребень делают из прутьев, иногда вставляют внутрь дощечку или простегивают. Поверх сороки женщины обычно повязывали платок. Сороку носили только замужние женщины и летом, и зимой. Пожилые женщины снимали верхнюю часть убора и покрывали чехлик платком, в таком виде этот головной убор старух частично бытует и в наши дни.

В качестве свадебного головного убора, наряду с сорокой, был известен и кокошник; его носила молодая только в продолжение трех дней свадебного пира. Украшения были распространены довольно широко. Женщины носили серьги — «церга», стеклянные разноцветные бусы — «мынчак», браслеты — «блязык» и кольца — «дезек».

Женская обувь, как и верхняя одежда, была похожа на мужскую.

Женщины носили лапти — «чабата», но не русского, как мужчины, а мордовского образца. Праздничные лапти плели из одиннадцати лык. В настоящее время все женщины носят уже фабричную обувь, лапти совершенно вышли из употребления. Иногда летом пожилые женщины носят плотные шерстяные чулки и глубокие резиновые галоши. Зимой обычно ходят в валенках.

Наши далеко не полные материалы по народному костюму каратаев все же позволяют сделать некоторые выводы. Так, совершенно очевидно, что в прошлом традиционный костюм жителей селений Менситово, Мордовские Каратаи и Шершаланы был мордовским. На это указывают отдельные части костюма (рубаша, верхний холщовый халат, передник) и весь его комплекс, а также характер вышивки и ее орнамент. Трудно установить теперь, к какой именно мордовской группе этот костюм стоит ближе, — к мокше или эрзе, тем более, что в костюме мордвы-каратаев имеются еще и своеобразные черты, которых нет в костюмах эрзи и мокши.

Покрой и характер вышивки некоторых каратайских рубах сближает их с рубахами мокши, халат же «чиба», скорее, напоминает эрзянскую ружу; близки к эрзянским и каратайские передники, а также некоторые образцы вышивки. К этому надо добавить, что женщины-каратайки, как и эрзянки, не носили нижних холщовых штанов, обязательных для наци-

онального мокшанского костюма. Мужская традиционная одежда не сохранила никакой специфики, характерной для мокшанского или эрзянского костюма. В развитии народного костюма каратаев наблюдаются те же закономерности, что и в costume других групп мордвы; на смену традиционному костюму приходит русский народный костюм, характерный для жителей соседних русских селений.

Фамильный состав в селениях, где живут каратаи, очень пестрый. Преобладают русские фамилии: Тарасовы, Трифионовы, Борисовы, Иватины, но встречаются и татарские. На памяти старшего поколения у каратаев еще в начале XX в. были большие семьи в 20 — 30 человек. Современная каратайская семья состоит обычно из 5 — 6 человек. Термины родства у каратаев в основном татарские, но встречаются также мордовские и русские. Так, например, отца каратаи, как и эрзяне, называют «тетяй», деда — термином «пушчай», близким к эрзянскому названию дед — «покштя». Некоторые термины родства у каратаев отражают возрастные различия родственников. Так, младший брат называет старшего «леляй», дядю, брата матери и младшего брата отца каратаи называют также термином «леляй», совпадающим с эрзянским названием дяди. Старшую сноху младшая сноха называет «акли»; у мокши термин «акля» употребляется в значении золовки. Свекрови каратаи называют «авай», в языках мордвы-эрзи и мокши «авай» также означает «мать», «свекровь». При обращении к жене старшего брата жены младших братьев употребляют термин «вреш», близкий к эрзянскому термину «уряж». Таким образом, наряду с татарскими названиями, которых большинство, и некоторыми русскими заимствованиями (тесть — батка, теща — матка и др.) у каратаев сохраняются и мордовские, в основном эрзянские, термины родства.

Несмотря на территориальную близость и общность языка, в дореволюционное время каратаи с татарами почти не смешивались. Возможно, взаимному сближению мешала разница в религии. Браки с русскими заключались в прошлом несколько чаще, чем с татарами, но все же и они не были массовым явлением. Обычно же браки заключались между юношами и девушками трех каратайских деревень. В прошлом столетии, да и в первой четверти нашего века, браки заключались чаще всего по сватовству, хотя и существовал другой вид брака — умыкание. Интересно отметить, что обязательное наличие приданого у мордвы-каратаев — явление сравнительно позднее; большую роль в старинной свадьбе играл калым, то есть денежный взнос жениха родителям невесты, якобы на подарки для нее. Бедность жениха и отсутствие средств часто служили поводом к отказу со стороны родных невесты и расстройству свадьбы. В умыкании и денежном выкупе, даваемом за невесту, можно видеть отголоски очень древ-

них обычаев, корни которых уводят нас в более южные районы, к скотоводческим степным народам Азии. В настоящее время частично сохраняется еще первая форма брака — брак по сватовству; вторая его форма — брак умыканием совершенно исчезла. Довольно часты теперь смешанные браки с русскими. По религии каратаи православные. Еще живо предание о том, что предки каратаев, переселившиеся из Заволжья на правый берег Волги, были язычниками. В царствование Ивана IV каратаи приняли христианство и были крещены в озере близ д. Менситово. Однако и после крещения дохристианские верования еще очень долгое время играли большую роль в мировоззрении и быту каратаев. В настоящее время позабыта самая сущность старой «мордовской веры» (так называют ее старики-каратаи); в памяти старшего поколения сохранились лишь некоторые воспоминания о молениях, которые устраивали их деды в лесах около селений. На этих молениях обычно приносили в жертву домашних животных и птиц. В несложных молитвах каратаи испрашивали хороший урожай, богатый приплод скота, удачную охоту. Старики-каратаи слышали от своих отцов о том, что существовало даже специальное рыбное моление, во время которого обращались с молитвами к богине воды, прося ее способствовать удачному лову; ей приносили в жертву рыбу. До настоящего времени в языке мордвы-каратаев сохраняется эрзянское слово «паз», что означает верховное божество — Бог.

Хранителями старых поверий и обычаев были в основном пожилые женщины. У каратаев, как и у других групп мордвы, существовали специальные женские праздники и моления. В прошлом у каратаев бытовали некоторые обряды магического характера. Например, во время засухи жители каратайских селений обливали друг друга водой. Ряд обрядовых действий связан был с представлениями о сверхъестественных существах — хозяевах полей, лесов и жилищ. К ним обращались с просьбами, их одаривали. Так полевому дедушке «кыр-атасы» оставляли в поле колосья и кусок хлеба в благодарность за собранный урожай. Дедушке домовому — «дERTA-атасы» в канун Нового года ставили на стол хлеб, соль и воду, прося у него благополучия в наступающем году.

Из календарных обрядов особенно широко были распространены святочные хождения ряженных с конем и весенний обряд проводов весны. Эти обряды справляли в прошлом не только каратаи, но и эрзя и мокша, а также и русские, живущие по соседству с мордвой.

В свете изложенных выше материалов по этнографии каратаев при решении проблемы их происхождения перед исследователями встают следующие вопросы:

1. Являются ли каратаи по своему происхождению мордвой или они представляют собой группу крещеных татар, лишь

воспринявших мордовский костюм и некоторые другие элементы мордовской культуры?

2. Если признать каратаев мордвой, то можно ли их считать племенной группой, подобно эрзе и мокше, а термин «каратаи» ее этнонимом?

3. Если же согласиться с тем мнением, что каратаи представляют собой лишь местную, локальную группу мордвы, утратившую свое племенное название, то к какой именно племенной группе — к мокше или эрзе следует их отнести?

Попытаемся ответить на эти вопросы.

Сами каратаи считают, что родиной их предков было Заволжье — территория, входившая в Болгарское государство. Во время татаро-монгольского завоевания небольшая группа мордвы была переселена (или переселилась) на правый берег Волги, где были обширные бортевые угодья, поля и луга, удобные для земледелия и скотоводства. В половине XVI в., после падения Казани и присоединения казанских земель к Русскому государству, каратаи перешли в подданство к русскому царю и перестали платить ясак казанским ханам.

Сами себя каратаи называют мордвой и считают, что они отличаются от мордвы, живущей по соседству в Большеетарханском районе Татарской республики, только тем, что говорят по-татарски. И действительно, в своей материальной культуре и, в особенности, в костюме, а также в пище каратаи имеют много общего с мордвой и русскими и значительно меньше с татарами. В их языке много мордовских слов. Все это говорит о том, что каратаев следует считать группой мордовского народа, а не крещеными татарами.

Однако у нас нет никаких данных утверждать, что каратаи являются самостоятельным племенем или «коленом» мордовского народа, как называл их И. И. Лепехин. Термин «каратаи» никогда не был самоназванием данной небольшой группы мордовского народа, и жители селений Мордовские Каратаи, Малые Каратаи и Заовражные Каратаи всегда разграничивали название села (Каратаи) и название народа — мордва.

В [бывшем] Тетюшском уезде в середине XIX в. было пять селений, в названии которых встречалось слово «Каратай»: Рождественское — Мордовские Каратаи, починок Менситов — Каратай, село Барское — Каратай-Савиновка, деревня Заовражные Каратаи, деревня Малые Каратаи — Шершаланы. В [бывшем] Казанском уезде была еще одна (шестая) деревня Каратай на речке Шошме³³. В трех из этих шести селений жила мордва, в двух — русские и в одном — татары. Такое различное население в деревнях с названием Каратаи не позволяет связывать наименования этих селений с этнонимом

³³ См.: Риттих А. Ф. Указ. соч. С. 224.

их жителей. В этом вопросе мы присоединяемся к А. Ф. Риттиху и С. К. Кузнецову.

Культура мордвы-каратаев, как мы видели, очень смешанная. В ней сочетаются эрзянские и мокшанские элементы (в особенности в костюме и орнаменте). Весьма интенсивно прослеживается русский слой, корни которого уходят примерно к XVI в. Влияние русской культуры, столь сильно сказавшееся в быту и мировоззрении каратаев, шло преимущественно через переселенцев из центральных и северных губерний России.

В современном языке каратаев много эрзянских, мокшанских и русских слов. По своему антропологическому типу каратаи наиболее близки к мордве и заметно отличаются от татар. Более детальный антропологический анализ показывает, что одни антропологические признаки сближают каратаев с мокшей западных районов Мордовской АССР, другие — с эрзянскими группами населения³⁴. Таким образом, не только культура и язык, но и антропологический тип у каратаев очень смешанный.

Все это, по нашему мнению, дает основание считать каратаев небольшой локальной группой мордовского народа, смешанной по своему составу (эрзя-мокшанской), длительное время жившей среди тюркоязычных народов — татар, а ранее, возможно, и болгар. Под их влиянием каратаи постепенно забыли мордовский язык и восприняли татарский. Позднее, с XVI в., большое воздействие на них оказала русская культура, под влиянием которой каратаи утратили многие самобытные черты. В настоящее время каратаи в культурном отношении все более сближаются с соседним русским населением.

*Вопросы этнической истории
мордовского народа : тр. Мордов. этногр.
экспедиции. Саранск, 1960. Вып. 1. С. 227 — 255.
(Тр./Ин-т этнографии АН СССР. Нов. сер.; т. 63).*

³⁴ Антропологическое обследование мордвы-каратаев было проведено в 1956 и 1958 гг. старшим научным сотрудником Института истории Академии наук Эстонской ССР К. Ю. Марк. По полученным ею данным, некоторые признаки (небольшой рост, небольшие размеры головной коробки, узкое лицо) сближают каратаев с мордвой-мокшей западных районов Мордовской АССР, по другим показателям (в первую очередь, по всем признакам первого порядка каратаи оказались европеоидами) каратаи ближе к эрзянским группам. Бóльшая короткоголовость, более развитое надбровье, более сильное выступание подбородка и более тонкие губы, характерные для каратаев, также сближают их с эрзянскими группами и отчасти с пензенской мокшей.

ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ МОРДВЫ-МОКШИ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Для характеристики типа и убранства мокшанской избы конца XIX — первой половины XX в. мы пользовались главным образом полевыми материалами, собранными нами во время экспедиции 1953 — 1959 гг. Большой интерес представляли для нас также хранящиеся в архиве Института этнографии АН СССР отчеты этнографа Н. И. Спрыгиной, работавшей среди мордвы в 1923 — 1925 гг., когда, как она отмечала, жилой фонд мордвы бóльшей частью составляли избы, поставленные в 1905 — 1910 гг. Кроме того, она встретила несколько изб, построенных в конце и даже середине прошлого века. Редкие избы, поставленные в конце прошлого века, дожили и до 1950 гг., когда работала наша экспедиция. Нами был использован также и хранящийся в Пензенском областном краеведческом музее отчет Б. Н. Гвоздева о его обследовании мордвы-мокши Пензенской губернии в 1923 — 1925 гг.

Мордва-мокша издавна строила свои жилища преимущественно из дерева. На постройку избы выбирали самый лучший древесный материал, обычно лиственные породы: дуб, липу, значительно реже строили из осины. В селениях, где были поблизости сосновые леса, на строительство шли сосна и ель. Каменные дома в дореволюционное время встречались только в крупных торговых селах, таких как Атюрьево, Мамолаево, Старое Синдрово, и принадлежали они зажиточным домохозяевам и местным торговцам. Так, например, в с. Старое Дракино (ныне Ковылкинский район Мордовской АССР) в 1924 г. было 340 изб, из них всего 11 каменных; в с. Алькино из 449 изб было 7 каменных. Избы, построенные из самана или плетня, с глиняной обмазкой, а также землянки встречались только изредка, далеко не во всех селах. Жили в них по большей части одинокие крестьяне или особенно бедные семьи, которые не были в состоянии поставить рубленую избу. Землянки часто служили временными жилищами для погорельцев после пожара.

Дома у мордвы-мокши были в начале XX в. в основном двух типов: трехраздельные и двухраздельные. Трехраздельный дом (рис. 1а, 1б) состоял из жилой избы (*куд*), сеней (*кудон-галь*) и горницы (*горньча*).

Если изба являлась постоянным жилищем для всей семьи во все времена года и была всегда отапливаемым помещени-

Рис. 1а. Общий вид дома и двор. Дом крестьянина П. Водякова (с. Мордовское Вечкенино Ковылкинского района Мордовской АССР). По материалам Н. И. Спрыгиной, 1924 г. Рисунок М. Р. Семашкевич

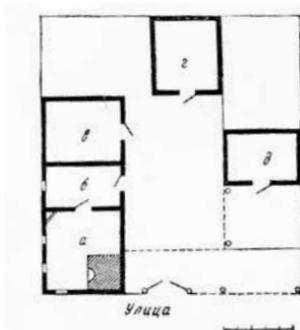

Рис. 1б. План трехраздельного дома и двора. Дом и двор крестьянина П. Водякова (с. Мордовское Вечкенино Ковылкинского района Мордовской АССР). По материалам Н. И. Спрыгиной, 1924 г. Рисунок М. Р. Семашкевич: а — изба; б — сени; в — горница; г — сарай для дров; д — хлев для коровы

ем, то горница имела несколько различных назначений. Иногда в ней жила семья женатого сына или брата, однако чаще она служила чистым помещением, тогда в ней складывалась печь по-белому или с кожухом, а в более зажиточных домах ставилась голландка. Процент изб с чистой половиной был не везде одинаков, а в некоторых деревнях изб с чистой половиной и совсем не было. Так, например, по

данным Н. И. Спрыгиной, в 1924 г. в с. Парапино из 336 домохозяев только 20 имели в своих домах чистую половину. В с. Мордовское Вечкенино из 170 дворов избы с чистой половиной составляли примерно одну треть. В селах Старое Дракино и Алькино изб с чистой половиной совсем не было. Значительно чаще горница не отапливалась и служила местом склада мелких хозяйственных вещей и, отчасти, продуктов, а в летнее время года ею пользовались как спальней. В этой роли горницу часто называли уже чуланом или клетью.

Трехраздельные дома чаще всего стояли перпендикулярно улице, горница находилась через сени от избы. Однако бывало, хотя и значительно реже, когда горница стояла впереди избы. Такое положение горницы упоминается в свадебном мордовском причитании, когда де-

вушка, выходя замуж и прощаясь с домом родителей, пела: «Тейне аныцяк ужаль кудть ингольце горениць» — «А мне жаль только перед избой горницу». Положение горницы перед избой, упоминаемое в этой песне, Н. И. Спрыгина встречала не раз во время своих поездок по мокшанским селам, и в частности в с. Лесное Ардашево (ныне Темниковский район Мордовской АССР).

В тех случаях, когда трехраздельный дом стоял длинной стороной параллельно улице, горница располагалась в одну

линию с избой, вдоль улицы. Такое положение горницы довольно часто встречалось в мокшанских селах. При семейных разделах она зачастую выделялась женатому сыну или доставалась одному из братьев хозяина и в этих случаях иногда отрывалась от старой избы и переносилась на новую усадьбу или ставилась на старой отцовской усадьбе совершенно отдельно. К горнице прирубали или пристраивали из плетня сени, и на усадьбе вместо одного трехраздельного дома появлялось уже два двухраздельных дома. Подобное явление Н. И. Спрыгина наблюдала в 1923 — 1925 гг. в Беднодемьяновском уезде, например, в с. Анаево (ныне Торбеевский район Мордовской АССР).

Дом с трехраздельной планировкой не был обязательной стадией в развитии мокшанского жилища. Он был всецело связан с большой семьей и с распадом ее у мордвы-мокши перестал существовать. Несомненно, что на трехраздельной планировке и терминологии отдельных частей этого жилища сказались также и русское влияние. Трехраздельные постройки бытовали далеко не во всех мокшанских районах; двухраздельные же жилища были распространены повсеместно и значительно шире, чем трехраздельные.

По данным Н. И. Спрыгиной, в 1924 — 1925 гг. трехраздельные дома в мокшанских селах строили уже редко, двухраздельные же жилища бывали как старой, так и новой постройки.

Двухраздельный дом состоял из жилой избы и сеней. По отношению к улице он располагался различно. Если изба стояла перпендикулярно улице, то сени находились за избой, а вход в них делали сбоку, чаще всего со двора (рис. 2). Если же изба стояла параллельно улице, что наблюдалось в мокшанских селах, в особенности в южных районах значительно чаще, то сени располагались рядом с избой в одну линию, а вход в них шел с улицы (рис. 3).

Пятистенки и дома с приделами не имели широкого пространства в дореволюционной мокшанской деревне. Несколько чаще, пожалуй, встречались большие одноэтажные дома, состоявшие из нескольких самостоятельных изб под одной общей крышей. В таких домах жили обычно родствен-

Рис. 2. Двухраздельный дом, стоящий перпендикулярно улице (с. Волгапино Ковылкинского района Мордовской АССР). Фото Т. П. Федянович, 1959 г.

Рис. 3. Двухраздельный дом, стоящий параллельно улице (с. Алькино Ковылкинского района Мордовской АССР). Фото А. П. Новицкой, 1961 г.

окон под одной крышей. В таком длинном доме имелись с двух сторон отдельные входы, при доме были два двора с самостоятельными воротами. Жили в этом доме два женатых брата.

Двухэтажные дома в дореволюционной мокшанской деревне встречались очень редко.

Материал для постройки избы крестьяне заготавливали обычно в ближайшем от деревни лесу зимой или ранней весной, когда еще в деревьях не началось брожение соков. В большинстве случаев строительством занимались местные плотники, а за неимением их в своей деревне приглашали из соседней. Так, например, в с. Анаево многие избы были поставлены плотниками из с. Хилково, отстоящего от с. Анаево в 40 километрах. Плотники из таких мордовских деревень, как Вязовка, Старое Дракино, Пиксанкино, славились на всю округу как искусные строители.

В XX в. строили дома уже из пиленого леса, тогда как избы, поставленные в прошлом веке, были рублены только топором, без применения пилы. Избы ставили, как правило, без фундамента. Иногда по углам сруба врывали в землю четыре толстых дубовых столба высотой около 1 м, которые и поддерживали сруб. К столбам слегка приваливали землю, а иногда пространство между срубом и почвой заваливали землей или мелкими камешками. Некоторые дома имели завалинку, огороженную с внешней стороны плетнем. Дома с каменным фундаментом ставили очень редко.

Рубка углов была самая простая, называлась она по-мордовски *уже мархта*, а по-русски *в угол*. Количество венцов в срубе колебалось от 13 до 16, в зависимости от толщины бревен. Сруб всегда конопатили, чаще мхом, реже паклей, а иногда даже соломой. Некоторые крестьяне промазывали еще пазы бревен внутри и снаружи глиной. И только в самых юж-

ные семьи из распавшейся большой семьи. Б. Н. Гвоздев, проводивший в 1923 — 1925 гг. этнографическое обследование мордвы-мокши Пензенской губернии, отметил в с. Волгапино (ныне Ковылкинский район Мордовской АССР) избу Ошиных, которая представляла собой две пятистенные избы, соединенные бревенчатыми сенями. Она имела вид длинной, вытянутой по улице постройки в восемь

ных мокшанских районах встречались избы со сплошной наружной глиняной обмазкой.

Величина жилой избы колебалась от 20 до 36 кв. м. Бывали избы и совсем небольшие, не более 16 кв. м.

Крыши преобладали соломенные, крытые в накидку («костром»). Солома укреплялась сверху жердями, попарно скрепленными на коньке деревянными гвоздями.

В некоторых деревнях и селах, например в Вечкенине, Волгапине и других, крыши покрывали соломой под глину. Такой способ покрытия хотя и считался менее прочным, но предохранял крышу, по мнению крестьян, от пожара и не давал ветру развезать солому. В таких селах, где был поблизости лес, избы покрывали тесом. До распространения продольных пил применяли колотый тес, а позднее, уже в XX в., пиленный. Примерно с 1910 — 1912 гг. в ряде сел на территории современных Торбеевского, Темниковского и некоторых других районов часто стали применять для покрытия щепу. Каменные избы богатые хозяева крыли железом.

Крыши были двускатные с коньком и четырехскатные шатровые, последние преобладали в особенности в южных районах расселения мордвы-мокши. Высота крыши с коньком была около 2 м (1,88 — 1,90 м), а высота шатровой — около 3 м (2,85 — 2,95 м).

К 20-м гг. XX в. основная масса жилых построек имела крыши на стропилах, и только на старых избах встречались крыши на самцах.

Потолки в избах, как правило, настилались из распиленных бревен, но в старых избах, построенных во второй половине прошлого века, они были из бревен, колотых топором. В избах зажиточных крестьян встречались двойные потолки. Доски потолка одним концом опирались на матицу, а другой их конец закладывался в пазы бревен. Щели проконопачивались паклей, а сверху потолок засыпали землей и листом.

В некоторых старых мокшанских избах, построенных в конце прошлого века, потолки имели своеобразную конструкцию: потолок поддерживала не одна, а две матицы, между которыми в пазы вдевался средний потолочный настил. Боковые же потолочные доски одним концом также входили в матицы, а другим — в верхние венцы боковых стен, но несколько наклонно, что создавало некоторое подобие свода. Избы с подобной конструкцией потолка еще в 1955 г. встречались в Торбеевском и Краснослободском районах Мордовской АССР. Потолки этих изб напоминали двухбалочный потолочный настил в подвалах-выходах, столь распространенных у мордвы-мокши. Разница состояла лишь в том, что угол откоса боковых досок в потолке подвала был значительно больше, и они служили одновременно и крышей. Генети-

ческая связь конструкции потолка этих двух построек вполне допустима, так как еще в прошлом веке некоторые краеведы сообщали, что у мордвы-мокши просто поверх потолка избы насыпается земля, заменяющая крышу. Подобной конструкции потолки и земляные плоские крыши совсем недавно встречались у мордвы-мокши на банях, мы наблюдали такую баню в 1958 г. в Оренбургской области.

Внутри избы бревна стен часто стесывали топором примерно до тринадцатого венца; стены никогда не штукатурили, некоторые обклеивали их газетной бумагой.

Полы в избах были досчатые. Настилали доски очень низко, почти по земле, иногда даже без переводов или на высоте первого, второго, реже третьего венца. Полы часто были неровные, со щелями, из плохо пригнанных досок, а в более старых избах — из досок, рубленных топором¹. Плинтусов не ставили, вместо них к стенам прикладывали доски, но ничем их не закрепляли. Мокшанки очень редко мыли полы, а когда накапливалось слишком много грязи, роскабливали ее скребком или лопатой. Изредка встречались земляные полы, но это только в очень старых избах. Употребление одного и того же слова *мастор* (земля) для обозначения пола в избе и почвы, а также низкая строительная техника при настиле пола и отсутствие навыков ухода за деревянными полами — все это указывает, по нашему мнению, на сравнительно недавнее появление деревянных полов в жилище мордвы-мокши².

Свет скупо проникал в старую мокшанскую избу. До появления стекла в конце XIX в. окна затягивали пузырем животного или слюдой-фольгой. Избы имели чаще всего два-три окна, иногда четыре. В старых избах обычно было только два окна: одно выходило на улицу, второе — во двор; иногда встречались избы с двумя окнами на улицу и одним окном во двор или проулок. Были и избы, совершенно не имевшие окон на улицу.

Все хозяева старались прорубать окна на южную или юго-западную сторону и избегали северной и северо-восточной.

¹ По сообщению информаторов, продольные полы стали широко применяться при постройке в селах Торбеевского района Мордовской АССР — Ачадово, Анаево, Промзино и других с 1897 — 1898 гг. (см.: Материалы Мордовской экспедиции // Архив Ин-та этнографии АН СССР).

² Необходимо отметить полную аналогию с названием пола в южнорусском жилище. Русское население южных областей — Воронежской, Тамбовской, Курской, Орловской — также называет пол, независимо от того, земляной он или деревянный, словом «земь» (земля) (см.: **Бломквист Е. Э.** Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов. // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М., 1956. С. 221. (Нов. сер. ; т. 31)).

Одна из особенностей старой мокшанской избы заключалась в несимметричном расположении окон. Если на улицу выходило одно окно, то оно располагалось, как правило, ближе к одному из углов избы, так как второй угол занимала печь. Если прорубались два окна, то они также располагались ближе к углам дома. Рамы состояли чаще всего из пяти-шести звеньев. В более старых избах оконные рамы подъемные и задвижные, в более новых — створчатые. Рамы были одинарные и зимой промерзали. На время холодов их завешивали снаружи специальными циновками, сплетенными из соломы, но чаще из болотной травы *сендей* (откуда и произошло название циновки *сенди*). Траву для циновок заготавливали в большом количестве еще с осени. Плели циновки женщины. Рамы делали без запоров, форточек в окнах не было. Снаружи окна обрамляли наличниками с несложной долбленой или накладной резьбой.

В мокшанской деревне первого десятилетия XX в. во многих

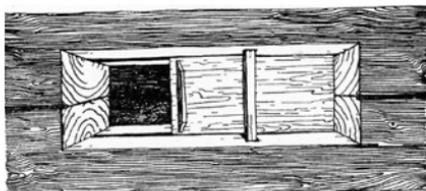

Рис. 4. Волоковое окно (с. Промзино Торбеевского района Мордовской АССР). По материалам Н. И. Спрыгиной, 1925 г. Рисунок М. Р. Семашкевич

избах имелись еще волоковые окна. Волоковое окно (*ёмбла вальмя*) представляло собой прямоугольное отверстие, прорезанное в восьмом-девятом бревне от потолка (рис. 4). Размер его примерно 25 x 35 см. Оно задвигалось дощечкой или закладывалось чуркой. На время зимних морозов некото-

рые хозяева замазывали его, кроме того, глиной. В [19]20-х гг. встречались застекленные волоковые окна.

Избы, топившиеся по-черному, имели дымовое окно (*вярде вальмя*). По размеру это окно было таким же, как и волоковое, или даже немного меньше (25 x 30 см). Прорезали его под потолком между первым и вторым венцами. Оно закрывалось деревянной втулкой, которую вынимали только во время топки.

Дверь (*кенки*) из избы отворялась в сени. Она была сколочена чаще всего из трех вертикально поставленных досок толщиной в 4 — 5 см, связанных в закрытой двумя шпонками*. Размер ее 1,5 — 1,75 м в высоту и 0,75 — 0,80 м в ширину. К [19]20-м гг. во многих избах дверные ручки, петли и крючки были железные, однако и тогда еще встречались двери на деревянном ходу, с деревянными запорами и замками.

* Так в тексте.

В избах, которые топились по-черному, навешивали вторую, внутреннюю, дверь из досок такой же толщины, только высотой она была наполовину ниже наружной, обычно 65 — 80 см. Во время топки открывали наружную дверь, а внутренняя оставалась закрытой и задерживала доступ в избу холодного воздуха. Нижним краем эта дверь обычно входила в паз порога.

Н. И. Спрыгина и другие исследователи, работавшие у мордвы в 20-х гг. XX в., отмечали в мокшанских избах четыре вида внутренней планировки (рис. 5).

В избах с наиболее старой планировкой печь стояла в одном из дальних углов, и ее устье было обращено к двери. Красным углом был угол около двери.

Такой план в 1920-х гг. встречался уже редко, преимущественно в избах, топившихся по-черному³. Значительно чаще в те годы его можно было встретить в мордовских банях.

В современной этнографической литературе этот план принято называть восточным подтипом южнорусского плана. Он встречается, помимо русского населения южных областей европейской части Советского Союза, не только у мордвы-мокши, но и на более северной территории — у коми-зырян⁴. Этот план, очевидно, является вообще наиболее древним. Так, например, в жилищах, открытых на Пронском городище, датируемом XI — XIII вв., был именно такой план: «Печь стояла в юго-западном углу избы налево от входа устьем к нему»⁵. Происхождение этого плана связано, по-видимому, с более ранним жилищем на данной территории — землянкой или полужемлянкой, в которую свет проникал только через дверь.

В преобладающем большинстве мокшанских изб в XIX и первой четверти XX в. печь стояла, как и в южнорусских, в

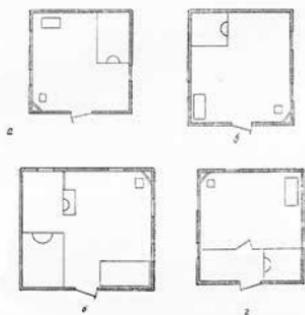

Рис. 5. Внутренняя планировка мокшанского дома: а — южнорусская, восточный подтип; б — южнорусская, западный подтип; в — средне-русская, севернорусская; г — западнорусская и белорусско-украинская

³ Несколько старых изб с таким планом отметила в 1924 г. в с. Алькино Наровчатского уезда Пензенской губернии (ныне Ковылкинский район Мордовской АССР) Н. И. Спрыгина (см.: Отчет Н. И. Спрыгиной о поездке в Наровчатский уезд в 1924 г. // Архив Ин-та этнографии АН СССР, Д. 316).

⁴ См.: **Белицер В. Н.** Очерки по этнографии народов коми // Тр. Ин-та этнографии АН СССР, М., 1958. Т. 65. С. 185.

⁵ **Монгайт А. Л.** Рязанская земля. М., 1961. С. 208.

одном из дальних углов, чаще всего в левом, против двери, но ее устье было обращено к окнам в боковой стене. Красным же углом в избе, как и при восточном подтипе южнорусского плана, был угол около двери, по диагонали от печи.

Этот план аналогичен западному подтипу южнорусского плана, который был распространен у русского населения в западной части черноземной полосы, то есть в нынешних Калужской и Брянской областях, а также в западных районах Курской, Орловской и Тульской областей⁶. Однако мордовское население считало такую планировку исконно мордовской и предпочитало ее как наиболее удобную. При такой планировке население держало зимой в избе скотину между печью и задней стеной, где оставалось свободное пространство.

В начале XX в. у мордвы-мокши часто встречались избы, в которых печь находилась в одном из углов около двери и челом была обращена к окнам передней стены, выходящей на улицу. Дом с такой планировкой обычно стоял перпендикулярно улице, то есть был повернут к ней своим коньком. Красным углом в этих избах был один из дальних углов против двери, но так же, как в первом и втором планах, расположенный по диагонали от печи. Мордва-мокша называла этот план русским, и действительно он аналогичен так называемому среднерусскому плану, который широко бытует у русского населения в соседних с мордвой районах. У мордвы-мокши этот план встречался главным образом в более северных районах ее расселения — Темниковском и Краснослободском.

Значительно реже, чем второй и третий планы, у мордвы можно было встретить планировку, которую в литературе принято называть западнорусской. Русская печь при такой планировке стояла также в одном из углов при входе (как и при третьем плане), но ее устье было обращено к боковой стене, красный угол находился против двери. Такой план, так же, как и первый, чаще встречался в мордовских банях, чем в избах.

В старой мокшанской избе не было принято разгораживать избы досчатыми перегородками или отделять углы занавесками.

Отапливалась изба русской печью (*пянакуд*). В 1923 — 1925 гг., когда проводила обследование мокшанских жилищ Н. И. Спрыгина, печи в избах в подавляющем большинстве случаев топились уже по-белому. Изб с топкой по-черному больше всего было обнаружено ею в с. Промзино (ныне Торбеевский район Мордовской АССР), где из 395 изб было 53

⁶ См.: **Бломквист Е. Э.** Указ. соч. С. 222 — 223.

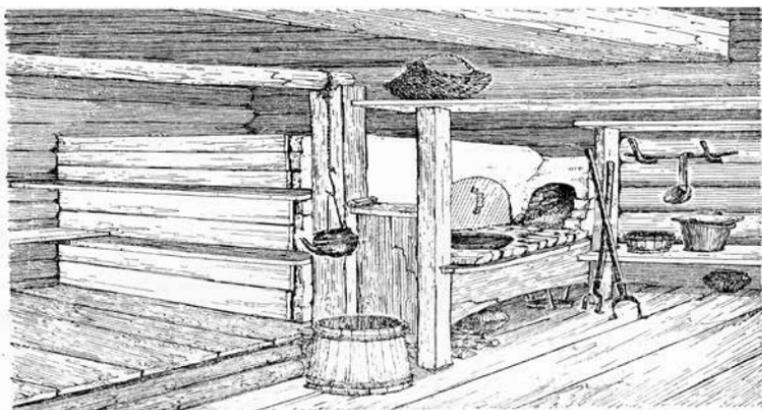

Рис. 6. Вид на черную печь и часть кершпиля в избе А. Лазарева (с. Промзино Торбеевского района Мордовской АССР). По материалам Н. И. Спрыгиной, 1925 г.

курных (рис. 6). В с. Алькино (ныне Ковылкинский район Мордовской АССР) из 449 изб — 3 курных. В с. Парапино среди 336 изб только одна была курная. В соседнем с. Вечкенино не было ни одной курной избы. Последние сгорели там в 1920 г. В с. Старое Дракино Н. И. Спрыгина обнаружила только одну избу с топкой по-черному, поставленную в конце 1890-х гг. По собранным нами сведениям, печи с топкой по-черному исчезли у мордвы-мокши из основного жилого фонда к 1910 — 1912 гг.

Переходной формой к топке по-белому были печи с кожухом, который предохранял потолок от огня. У одних это был куполообразный навес, наглухо вмазанный в переднюю часть печи. Он назывался *камавкс**. Его остов был сделан из прутьев, а затем обмазан с обеих сторон глиной. Другие оставляли отверстие и перед ним над чело́м печи выкладывали из кирпича или глины свод наподобие трубы. Передней стенки у *камавкса* не было, а у кирпичного свода она была сложена в виде решетки. Некоторые для отвода дыма устраивали деревянные трубы с глиняной обмазкой.

Печи, топившиеся по-черному, были обычно глинобитные. С распространением дымоходов глинобитные печи стали заменять кирпичными. Иногда глинобитными продолжали оставаться свод и одна из стен, это в тех случаях, когда старую печь перестраивали на топку по-белому.

Печь стояла обычно на деревянном основании. Для сооружения основания на расстоянии около 2 м от стены, к которой примыкала печь, укладывали два бревна и простран-

* Название «камавкс» происходит, по-видимому, от слова «комафтомс» — опрокидывать. — *Прим. авт.*

ство между бревнами и стеной застилали горбылями, а затем засыпали песком и утрамбовывали. На полуценное таким образом возвышение клали кирпичи пода и выводили остальную часть печи: шесток и трубу. Боковые стенки основания зашивали досками. В деревнях и селах Наровчатского уезда Пензенской губернии встречались печи на столбах. Столбы применялись для экономии кирпичей, а главное леса, которого было мало.

Отличительной чертой мордовской печи, в особенности старой глинобитной, было маленькое чело и огромный шесток (*тамбаланга*). Чело прикрывали заслонкой (*лазнэ*). В старину она была деревянной с толстой глиняной обмазкой. По обе стороны от чела печи устраивали печурки, а несколько ниже, рядом с челом, в печах, топившихся по-белому, имелся дымоход для самовара. По бокам шестка делали углубления (*кулжуд*) для золы и углей. Под шестком у многих печей имелась полочка для мелких хозяйственных вещей. Внизу под шестком было свободное пространство (*пянакуда*), куда обычно ставили чугуны, таганы, клали ухваты. Лаз на печь устраивали сбоку в виде двух приступок, которые одним концом были вделаны в стену, а вторым в печной столб (*шалгом*).

Мокшанская печь отличалась от печи соседних финно-угорских (мари, удмуртов) и тюркских народов (чувашей, казанских татар). У нее не было на шестке подвесного котла, который можно было наблюдать в северных районах Удмуртии, у мари-йцев и в большинстве районов Чувашской АССР⁷. Не было и котла, вмазанного в подтопок, расположенный рядом с печью, что характерно для печи казанских татар⁸, юго-восточных чувашей и южных удмуртов. Мокшанская печь больше всего походила на старую печь соседних русских селений.

С распространением печей, топившихся по-белому, в начале XX в. в мордовских избах начала появляться небольшая, сложенная из кирпича печь — подтопок, типа голландки, которая стояла обычно около двери и служила для дополнительного обогрева мордовской избы.

Некоторые домохозяева вместо кирпичной печи только на зиму ставили в избе дополнительно к русской печи железную времянку.

Топили в деревнях соломой, реже дровами, в районах, где было мало леса, делали кизяки.

В старину, когда в избах бывало очень холодно, обогревались дополнительно открытым небольшим очагом, который сооружали на полу в середине избы, поставив два кирпича и

⁷ См.: **Воробьев Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонова А. Р.** Чуваши. Чебоксары, 1956. С. 213.

⁸ См.: **Воробьев Н. И.** Казанские татары. Казань, 1953. С. 186, 187.

положив на них *лазнэ* (заслонку) с горячими углями, мелкими дровами и лучиной.

И в наши дни во многих мокшанских избах можно увидеть ведро с водой, подвешенное на цепи или деревянном крюке к потолку возле печи. В этом обычае можно усмотреть старую традицию, оставшуюся от того времени, когда котлы для приготовления пищи подвешивали над открытым очагом.

Освещали избы лучиной. В конце 90-х гг. XIX в. более зажиточные крестьяне перешли на освещение керосином, но основная крестьянская масса в мокшанских деревнях продолжала жечь лучину. Старики-информаторы из Торбеевского района в 1956 г. рассказывали нам о том, как они возили в 1906 — 1910 гг. на базар в уездный город Спасск (ныне Беднодемьяновск Пензенской области) продавать лучину⁹, которую покупали у них крестьяне соседних безлесных районов.

Для старой мокшанской избы был характерен *кершпиль* (буквально — левая сторона), который представлял собой досчатый настил на высоте одного-двух венцов (примерно 35 — 50 см) и шириной около 2 м (рис. 7). В длину кершпиль занимал все пространство на левой стороне избы между печью и задней стеной, где находилась дверь. Настил был сделан из поперечных досок, которые не были закреплены и свободно поднимались. А так как пол под настилом зачастую отсутствовал, то пространство под кершпилем, обшитое со всех сторон досками, представляло собой своеобразное подполье,

Рис. 7. Угол старой мокшанской избы, вид на кершпиль, полати и печь (с. Варжеляй Торбеевского района Мордовской АССР). По материалам В. Г. Демьянова, 1956 г. Рисунок М. Р. Семашкевич

⁹ Материалы Мордовской этнографической экспедиции. 1956 г. // Архив Ин-та этнографии АН СССР.

куда хозяева ссыпали обычно на зиму картофель. Иногда вдоль боковой стены на кершпиле пристраивали для спанья широкую лавку (*эзем*), в некоторых семьях спали просто на кершпиле. Под потолком над кершпилем укрепляли жердь (*олгоня*)*, на которую вешали для просушки одежду, обувь, мотки ниток, холст. Такие же шести имелись и под потолком возле печи, на них сушили обычно лучину и солому. Старшее поколение среди мордвы-мокши хорошо помнит, что в конце прошлого века кершпиль в избах делали значительно выше (60 — 65 см). В 20-х гг. XX в. и позднее в избах, где уже не было никакого настила, кершпилем называли широкую неподвижную лавку, которую пристраивали для спанья к боковой стене на месте старого кершпиля, а позднее стали ставить здесь кровать.

Подобного рода деревянный настил был известен и в русских деревнях Пензенской губернии; он помещался всегда против входной двери, рядом с печью и назывался *зад*¹⁰. В других южнорусских деревнях этот помост находился справа или слева от входной двери и назывался *пол, кут, кутник*¹¹. Высота его над землей была от 0,5 до 1 м. Зимой под ним держали ягнят, поросят, гусей, кур, уток, для чего низ спереди часто заделывали решеткой.

Деревянные настилы в виде нар имелись в избах удмуртов, мари, чувашей и татар.

У мордвы-мокши кершпиль в описанном нами виде (то есть деревянный настил между печью и дверью) встречался только в избах так называемого мордовского плана (когда печь стояла в дальнем от двери углу, и ее чело было обращено к боковой стене или к двери). В некоторых старых мокшанских избах, где не было кершпиля, по сообщению исследователей 1920-х гг., в частности Б. Н. Гвоздева¹², у боковой стороны печи в уровень с ней была пристроена *казнань ланга* шириной в 75 см, а длиной во всю длину печи. Казнань ланга служила местом спанья, когда на печи было слишком жарко. На аналогичную пристройку около печи под названием *каська ланга* указывал в свое время И. Н. Смирнов. Он описывал ее как широкую лавку, под которой находился вход в подполье. Лавка высотой в половину печи была кругом до пола за-

* Название шеста «олгоня» происходит от слова «олго» — солома и указывает на то, что подобные шести или жерди использовались в прошлом для сушки соломы и снопов, отчего и получили название «соломник», по аналогии с русским названием шеста в вине — «колосник». — *Прим. авт.*

¹⁰ Отчет Васильева Б. А. о работе Мордовской историко-этнографической экспедиции за 1951 г. // Архив Ин-та этнографии АН СССР.

¹¹ См.: **Бломквист Е. Э.** Указ. соч. С. 221.

¹² Отчет Б. Н. Гвоздева о результатах обследования мордвы-мокши Пензенской губернии // Архив Пенз. обл. краевед. музея. Д. 92.

шита досками и по своему виду напоминала ларь или ящик. С узкой стороны рядом с печью устраивалась дверца. Внутри каська ланга зимой помещали обычно ягнят, а наверху спали¹³.

По своему устройству и назначению каська ланга, или *казнань ланга*, весьма близка к карельской *каржине*, коми-зырянскому *гобычу* и русскому *голобцу*.

В более новых избах, поставленных в начале XX в. и топившихся по-белому, над кершпилем стали устраивать полати (*полатя*). В избах со среднерусским планом, где кершпиля совсем не было, полати устраивались над дверью, между печью и боковой стеной. По краю полатей часто делали барьер в виде решетки, чтобы дети не свалились с них во время сна. Можно полагать, что полати в мокшанских избах появились сравнительно поздно и были распространены далеко не повсеместно. Так, например, в селениях на территории современных Старошайговского, Рузаевского и Торбеевского районов их, по всей вероятности, и совсем не было. Отсутствие самобытного термина также подтверждает это.

Как уже отмечалось, деревянные полы в мокшанском жилище появились сравнительно поздно. Избы с земляным полом И. Н. Смирнов встречал у мордвы Казанской губернии в конце XIX в.¹⁴ Естественно, что такие избы не имели подполья. Избы без подполья встречала у мордвы-мокши Н. И. Спрыгина и в 20-х гг. XX в. в Наровчатском и Спасском уездах. В избах, имевших кершпиль, земляной пол под ним стали постепенно углублять, устраивая подполье — *седял*. Лаз в него был под кершпилем. В других избах подполье появилось с распространением деревянных полов.

В начале XX в. большинство мокшанских изб уже имело подполье. Для него рыли яму глубиной в 1,5 м и более. Лаз в него устраивался в виде свободно поднимающихся досок пола, чаще всего против чела печи. Зачастую лаз в подполье делали под печкой.

Вдоль стен мордовской избы шли неподвижные лавки. Лавка, примыкавшая к печи, называлась *мрга-эзем*. Дальний конец этой лавки обычно был зашит внизу досками, а сверху имелось отверстие с крышкой. Этот ящик заменял шкаф, назывался он *потмар* (рис. 8). Иногда его делали более высоким в виде стола с дверцами. В потмаре хранили остатки пищи от обеда, некоторую посуду, чай и сахар¹⁵.

¹³ См.: **Смирнов И. Н.** Мордва // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. Казань, 1889. Т. 11, вып. 5. С. 440 — 441.

¹⁴ См.: **Смирнов И. Н.** Указ. соч. С. 437.

¹⁵ Мордовский потмар близок по устройству и назначению к лавке, которая встречается в коми-зырянских и коми-пермяцких избах (см.: **Белицер В. Н.** Указ. соч. С. 189).

Рис. 8. Угол избы, прилегающий к печи, с потмаром и посудными полками (с. Ачадово Торбеевского района Мордовской АССР). По материалам В. Г. Демьянова, 1956 г. Рисунок М. Р. Семашкевич

К *мрга-эзем* примыкала длинная лавка, которая доходила до красного угла и называлась *эзем пре*, то есть головная лавка. Лавка, идущая под углом к ней от двери, называлась *коник-ланга*. Эта лавка со стороны двери часто заканчивалась загородкой, украшенной резным изображением конской головы. Коник иногда также зашивали досками, и он имел вид ящика; тогда в нем хранили различный домашний инвентарь и конскую упряжь. Днем лавки служили местом для сидения, а ночью на них спали, поэтому их делали широкими — из двух или трех тесин.

Места для сна в большой мордовской семье распределялись обычно следующим образом. На лавке близ печи (*мрга-эзем*) спала младшая сноха со своим супругом. Положение младшей снохи в большой мокшанской семье было особенно тяжелым. Она должна была ложиться спать последней — гасить свет и вставать первой — зажигать лучину. До стряпни она не допускалась, но должна была предварительно все подготовить для варки пищи и держать лучину, когда это было необходимо, поэтому и спала она близ печи. На большой лавке (*эзем пре*) и на конике спали обычно неженатые сыновья. Старики спали на печке, а глава семьи — старший сын со своей женой — на кершпиле, если же была в избе кровать, то на кровати.

Однако зачастую мест для сна на лавках в небольшой избе не хватало, в особенности зимой, когда в избе находилась и скотина, тогда младшим членам семьи приходилось спать на полу. Постельные принадлежности имели очень немногие. Спавшие на полу, подстилали чаще всего циновки (*сенди ацам*), сплетенные из осоки, а в головах ставили дере-

вянное изголовье (*доду мокорь*), на которое клали подушку или сверток из старой одежды.

В углу перед эзем пре и коником стоял стол (*морки*) и на нем деревянная солонка, над столом висел киот с образами. Этот угол назывался красным, или божьим (*шкай ужа*). В некоторых избах можно было встретить в переднем углу подвешенное к потолку над столом украшение из соломы в виде геометрической фигуры с цветными ленточками и бумажными цветами.

В красном углу собиралась вся семья во время завтрака, обеда и ужина, в этот же угол сажали почетного гостя, здесь же совершали свадебные и похоронные обряды. В мокшанской избе место около двери называлось *кенкиланга*, а против печи — *мрга*.

Над лавками были прибиты полки, причем каждая полка имела определенное назначение и специальное название. От печного столба (*шалгом*) к стене, противоположной углу печи, на расстоянии 40 см от потолка проходила полка под названием *лапане*. На эту полку клали хлеб, вынутый из печи, ставили деревянные чашки с мукой, небольшие блюда и т. д. Полки, идущие вдоль стен над лавками, назывались *лавцят*. Над дверью устраивалась специальная полка, на которую клали шапки.

На полу около угла печи стояла всегда лохань, а над ней, как уже сообщалось выше, на цепи спускалось ведро с водой, в некоторых избах глиняный умывальник с носиком. Около печи на стене обычно висели корзинка для ложек (*пенчекерь*) и самодельный деревянный шкафчик с полками для посуды.

Рис. 9. Плетневые сени
(с. Кочетовка Инсарского
района Мордовской АССР).
По материалам
В. Г. Демьянова, 1956 г.
Рисунок М. Р. Семашкевич

Сени (*кудонголь*) примыкали непосредственно к жилой избе, а в трехраздельном доме служили связью между жилой избой и горницей. Сени строили бревенчатые и плетневые (рис. 9); к более новым домам, в особенности к пятистенкам, пристраивали тесовые сени или вместо сеней строили коридор в виде галереи с крыльцом на улицу.

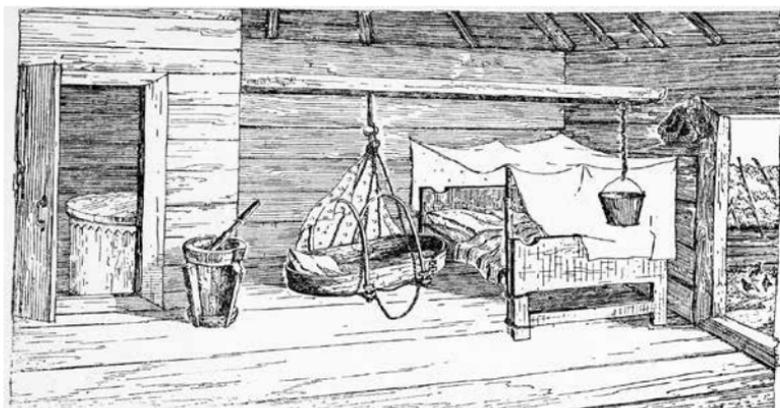
Длина сеней определялась длиной стены дома, а ширина их была чаще всего 3,5 — 4 м. Потолка в сенях, как правило, не было, пол же был деревянный в бревенчатых и досчатых сенях и земляной в плетневых и саманных.

Сени ставили, как и избу, без фундамента. Основанием сеней служили по большей части два бревна, положенные на землю, или четыре вбитых в землю столба. На постройку сеней употребляли лес худшего качества, чем на избу. Бревна были более тонкие, плохо подогнаны и часто не проконопачены. В трехраздельной постройке сени имели две внешние стены. Бревна, из которых они состояли, были загнаны в пазы стоек, прибитых к выступающим на углах концам бревен избы и горницы и опиравшимся на положенные на землю бревна. В двухраздельных постройках сени имели три внешние стены.

Когда один выход из сеней был на улицу, то всегда имелась вторая дверь во двор. Кроме двух наружных дверей, были еще две внутренние, одна вела в избу, вторая в горницу или чулан. В XIX — начале XX в. двери в сенях делали на деревянном ходу. Такая дверь вращалась на стойке, закрепленной концами в двух чурбанчиках. Двери, выходившие во двор или в чулан, запирали очень примитивными приспособлениями, часто запором служила палочка на бечевке, втыкаемая в бревно. Наружная дверь с улицы, в особенности у зажиточных хозяев, была более фундаментальной. Высота ее достигала 1,75 м, эту дверь навешивали на железных петлях; щеколда, задвижка и ручка у нее тоже были железные.

В сенях складывали различные хозяйственные вещи. Хозяйки ставили в сенях корыта, ведра, кадки, на протянутой по стене жерди вешали веревки, половики и др. Почти всегда в сенях имелся деревянный настил, пристроенный к стене в виде нар, или стояла кровать с натянутым над ней холщовым пологом (*циблик*, *зиблик*), под которым летом спали. С наступлением теплых дней в сени выносили также лохань и ведро, а иногда и обеденный стол (рис. 10). Из сеней устраивался лаз на чердак.

Рис. 10. Внутренний вид сеней в летнее время
(с. Колопино Краснослободского района Мордовской АССР).
Зарисовка с натуры М. Р. Семашкевич, 1955 г.

Горницу, как и избу, ставили на четырех столбах. Обычно горница была выше избы, и из сеней в нее вели три-четыре ступеньки. Венцов в срубе также было больше, чем у избы, иногда до 20. Но по площади горница была меньше избы (4 x 5 или 4 x 4 м). Стены горницы конопатили мхом или паклей. В горнице настилали пол и потолок, но последний обычно не утепляли, как в избе. В горнице чаще было одно застекленное окно, с косяками, подоконником и наличниками. Печи в горнице обычно не ставили, в ней спали летом, так же, как и в сенях, и хранили некоторые вещи: одежду, мелкие хозяйственные предметы, кое-какие продукты. Здесь стояли сундуки, лубяные коробки для женских рукоделий, кошело, орудия прядения и ткачества.

Очень часто мордва-мокша называла горницу чуланом, и это не случайно, горница действительно чаще выполняла роль чулана или клети, чем служила парадным помещением для приема гостей. Отсутствие самобытного термина у мордвы-мокши для этой постройки также указывает на то, что горница органически не была связана с развитием мокшанского жилища, а была заимствована вместе с трехраздельным домом у русских.

Крестьянская усадьба у мордвы-мокши первой четверти XX в. подразделялась на три части. Одна часть была занята избой, вторая — двором и третья — огородом вместе с садом.

Двор (*тирьф*) непосредственно примыкал к дому (рис. 11). Он имел форму или прямоугольника (15 x 24 или 16 x 23 м), или квадрата (17 x 17 или 20 x 20 м) и был обнесен плетнем, иногда плетень прерывался бревенчатым или саманным забором. Сулицы во двор вели ворота (*орта*), чаще одностворчатые и реже двухстворчатые на столбах под двухскатной

Рис. 11. Вид крестьянского двора (с. Старые Пичингуши Ельниковского района Мордовской АССР). Зарисовка с натуры М. М. Санникова, 1959 г.

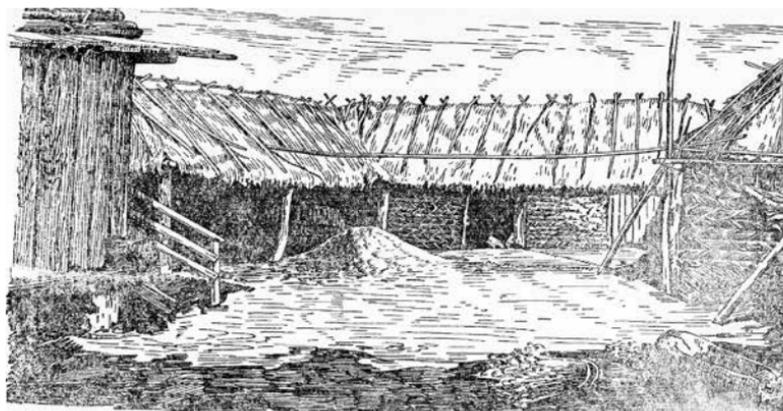

Рис. 12. Одностворчатые ворота на деревянном ходу (с. Анаево Торбеевского района Мордовской АССР). По материалам Н. И. Спрыгиной, 1925 г. Рисунок М. Р. Семашкевич

Стоявшие на нем сараи и другие хозяйственные постройки не были связаны с домом и не представляли собой сплошной, единой застройки.

Характерную особенность мокшанского двора составлял открытый, со стороны улицы, навес (*латалня*) в форме полукруга или прямоугольника, расположенный рядом с воротами. Здесь ставили телеги, сельскохозяйственные орудия, вешали сбрую, привязывали лошадей. Латалня была отгорожена со двора плетнем, но находилась под общей крышей с двором (см. рис. 1а).

На дворе под навесом размещались конюшня (*карда*), хлев для коровы и мелкого рогатого скота, клетушка для свиней; за пределы навеса выносили обычно плетневый сарай для дров (рис. 13). Карда и хлев были по большей части бревенчатые с потолком из настеленных горбылей, низкой дверью и маленьким окном. Свободное пространство (*олга ланга*) между потолком хлева или конюшни и крышей сарая использовалось в качестве сушила для хранения сена. Клетушки для свиней и хлева для мелкого рогатого скота строили или рубленые, или из самана и плетня.

Рис. 13. Плетневый сарай для дров и сена (с. Кочетовка Инсарского района Мордовской АССР)

В районах, более богатых лесом, какими являются современные Темниковский, Торбеевский и некоторые другие (с мокшанским населением), при наличии в хозяйстве значительного количества скота на дворе ставили специальную избу, куда помещали на время зимних холодов корову с теленком после отела, а также овец и кур.

В начале XX в. еще встречались в мокшанских деревнях очень большие дворы, на территории которых стояли по две-три и четыре избы родственников распавшейся большой семьи. Продолжая жить на одной усадьбе, они частично вели раздельно свое хозяйство, но имели одну общую избу для скота.

В мокшанских селах Старошайговского, Краснослободского и Темниковского районов Мордовской АССР у крестьян пожилого возраста сохраняются воспоминания о легкой бревенчатой постройке без очага (*кавня*), которая стояла в глубине двора. По их рассказам можно заключить, что эта постройка походила на удмуртскую *куалу* или марийскую *куду*. Кавня имела обрядово-бытовое назначение и служила летней спальней молодоженов. В кавне находилась безвыходно молодая в дни свадебного пира. Иногда кавней называли также свободное пространство во дворе между сенями и хлевом (или конюшней), которое использовали также как место для отдыха: здесь сооружали деревянный настил и вешали полотно.

Под навесом во дворе, против ворот на улицу, был выход (калитка или ворота) в огород или сад. На огороде чаще всего сеяли коноплю, сажали картофель, капусту, огурцы, тыкву, иногда морковь и хмель.

Некоторые крестьяне имели небольшие сады, в которых росли яблони, кусты смородины, малины и крыжовника. В саду, а иногда во дворе или на улице находился погреб (*матф, похарям*). Он представлял собой яму с опущенным в нее срубом и творилом. Наземная часть погреба имела вид конического или, чаще, двухскатного шалаша, очень простой конструкции. Над творилом погреба в землю вбивали две подпорки с развилками в верхней части, на эти развилки укладывали слегу, служившую как бы коньком двускатной крыши шалаша. Наклонно к коньку были поставлены четыре жерди, а к ним привязаны лыком следи, настеленные параллельно коньку, по пять с каждой стороны. Сверху шалаш покрывали соломой или корой, а с задней стороны закладывали наклонно поставленным хворостом; иногда шалаш имел коническую форму. Высота его над погребом 1,7 — 1,8 м, длина 2,3 — 2,5 м. Подобные шалашы можно было встретить на пастбищах и лугах, они служили временным жилищем пастухам и крестьянам во время сенокоса.

В некоторых местах (например, в с. Старое Синдрово) погребов не имели погребницы, в этих случаях над ямой делали насыпь в виде небольшого кургана с творилом наверху, а насыпь обносили плетнем (рис. 14).

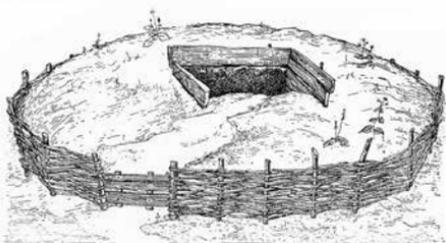

Рис. 14. Погреб, обнесенный плетнем (с. Старое Синдрово Краснослободского района Мордовской АССР). Зарисовка с натуры М. Р. Семашкевич, 1955 г.

Кроме погребов, на огороде была яма для картофеля, рассадник

для капусты, устроенный на двухметровых столбах, и амбар (*утам*) в виде небольшого сруба (3 x 3 м) под двухскатной или четырехскатной крышей, в котором обычно хранили зерно.

Почти у каждого крестьянина на усадьбе стояла баня. Некоторые имели по две бани — летнюю и зимнюю. «За огородами все их расположены летние бани при реках, где они есть. На дворах, в конце их, а вообще у всех зимние бани, в которых обыкновенно зимой парятся»¹⁶.

В качестве зимней бани часто использовали старую, уже нежилистую избу¹⁷. Мордовская баня представляла собой небольшой сруб (9 — 12 кв. м) под соломенной крышей. Исследователи XIX в. отмечают, что у мордвы иногда встречались бани и совсем без крыш¹⁸. Пол в банях был хотя и деревянный, но неровный, с плохо сколоченными досками, которые лежали непосредственно на земле. Небольшое окно, прорубленное в боковой стене, скупно пропускало свет. Топилась баня по-черному. Внутренняя планировка ее повторяла план избы. Каменка, или глинобитная печь, стояла обычно в дальнем от двери углу и была обращена челом к боковой стене, в которой помещалось окно, а если окна не было, то к двери (рис. 15).

Предбанник очень часто бывал плетневый и представлял собой прямоугольное ограждение без пола, с проемом с одной стороны, в ряде случаев даже без двери.

Рассматривая генетическую связь между традиционной мордовской избой и баней, можно с большой долей вероятности полагать, что баня являлась прототипом избы. Это

¹⁶ Лебединский И. Село Пурех с его приходами и деревнями Балахнинского уезда // Нижегородский сборник. Н. Новгород, 1896. Т. 2.

¹⁷ См.: Харузин Н. Н. Очерк истории развития жилища финнов. М., 1895. С. 58.

¹⁸ См.: Масленников И. Крестьянские постройки мордвы с Кученяево Симбирской губернии // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. Казань, 1927. Т. 33, вып. 4. С. 74.

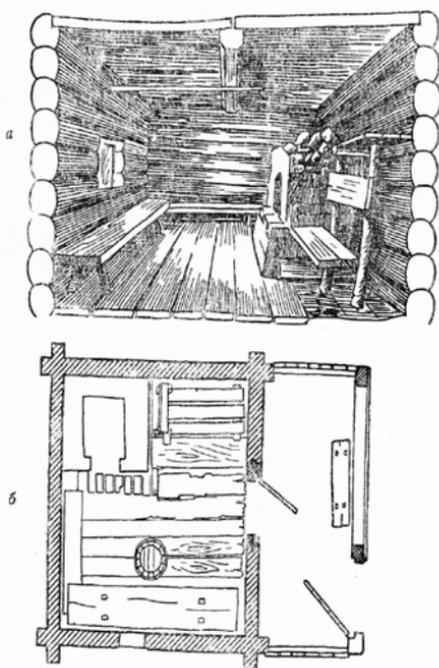

Рис. 15. Черная баня
(с. Анаево Торбеевского района
Мордовской АССР):
а — внутренний вид, б — план.
Зарисовка с натуры
В. Г. Демьянова, 1956 г.

подтверждают общий тип постройки, терминология и функциональная значимость бани в семейных и религиозных обрядах мордвы. О бане как о постоянном жилище имеются указания в мордовском фольклоре.

Слово *куд* в современном мокшанском языке обозначает жилой дом, избу, баню же называют чаще русским термином. Однако еще недавно ее называли так же, как и избу, *куд*. До настоящего времени пространство между потолком и крышей в бане называется *кудо ланго*, то есть чердак избы, предбанник называется *кудыкелькс*, то есть сени. Место под полком для мытья, так же как и под кершпилем и лавками, называется *аксялкс*. На-

звание шестов (*олгонят*), прибитых вдоль стен бани для просушки одежды, такое же, как у шестов в избе, укрепленных над кершпилем и печью. Можно привести и еще некоторые аналогии в терминах, связанных с избой и баней.

Баня играла большую роль в семейных обрядах. Еще совсем недавно, в 30 — 40-х гг. XX в. в тех мокшанских деревнях, где не было родильных домов, роженица, даже при наличии хорошей избы, рожала и жила с ребенком в бане в течение трех-четырёх дней. К ней приходили родные и приносили подарки. Здесь же происходило и угощение.

Перед свадьбой невеста жила несколько дней в бане, здесь она оплакивала свое девичество и прощалась с подругами и родным домом. Родственники носили ей туда в качестве угощения кашу¹⁹. Во многих мокшанских деревнях обряд замены девичьего головного убора на головной убор замужней женщины после венчания также происходил в бане.

¹⁹ ЦГА МАСР. Ф. М. Е. Евсеева. Д. 2. Л. 49.

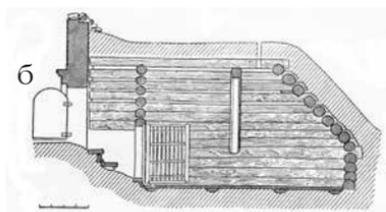
Здесь же мордва справляла и поминки. В этом случае туда обязательно приносили и ставили в угол горшок каши²⁰. В великий четверг в бане устраивалось особое моление; в этот день пекли блины и варили молочную кашу²¹.

Не менее архаичной постройкой, чем баня, был подвал — *виход* (рис. 16), который ставили чаще всего на улице перед окнами избы. Виход представлял собой полуземлянку, углубленную в землю на 0,70 м, а иногда до 1 м. Размер его варьировал[ся] от 3 х 4 м до 4,5 х 6,5 м и более. Некоторые виходы состояли из двух камер, вдоль стен одной из камер обычно устраивались земляные нары. Передняя наружная стенка у вихода была сложена из камня. Земляная двухскатная крыша покрывала бревенчатый настил. Очень часто под крышу подкладывали еще древесную кору. В подвал вели земляные ступеньки. Дверь была двойная: наружная — железная с тяжелым засовом и внутренняя — деревянная — из решетки. Когда хотели проветрить подвал, открывали железную дверь, и тогда воздух и свет свободно проникали во внутреннее помещение. В подвале хранили от пожара наиболее ценное имущество, одежду, постельные принадлежности, здесь же стояли кадушки (парь) с зерном и лари с мукой.

Виход напоминал древнее жилище мордвы — землянку²². Такая постройка была очень широко распространена в XIX — начале XX в. во многих мокшанских районах, она встречалась и у мордвы-эрзи²³, а также у русских в районах Среднего Поволжья²⁴.

Рис. 16. «Виход» — подвал (с. Анаево Торбеевского района Мордовской АССР): а — внешний вид, б — разрез. Зарисовка с натуры В. Г. Демьянова, 1956 г.

²⁰ См.: **Смирнов И. Н.** Указ. соч. С. 188.

²¹ Архив Русского географического общества. Разд. 53. Оп. 1. Д. 44. Л. 2.

²² См.: **Горюнова Е. И.** Развитие жилища у мордвы // Исследования по материальной культуре мордовского народа : тр. Мордов. этногр. экспедиции. М., 1963. Вып. 2. С. 130. (Тр. / Ин-т этнографии АН СССР. Нов. сер. ; т. 86).

²³ Полевые материалы Мордовской экспедиции 1955 — 1959 гг. // Архив Ин-та этнографии АН СССР.

²⁴ См.: **Маслова Г. С.** Русские постройки Среднего Поволжья // Совет. этнография. 1953. № 1. С. 102 — 103.

В тех деревнях, где близко проходят подпочвенные воды, вместо входов ставили мазанки. Их строили из мелкого леса или плетня и обмазывали затем снаружи и внутри толстым слоем глины. Делали мазанки и из самана. Крыша по большей части бывала соломенная, крытая костром на четыре ската. Мазанка играла роль кладовой, в которой, как и в виходе, хранили наиболее ценное имущество из-за боязни пожара, а летом в жару в ней спали. Более зажиточные крестьяне имели кирпичные кладовые под железными крышами.

В советское время, особенно в течение двух последних десятилетий, когда широко развернулось новое строительство, все нагляднее стали проявляться изменения в характере жилищ и типе хозяйственных построек мордвы. Возросли культурные потребности населения и требования, предъявляемые к жилищу, его внутренней планировке и убранству. Более высоким стал уровень строительной техники. Коренное изменение хозяйственного уклада обусловило и иные требования к застройке двора.

Вместе с тем следует отметить большую устойчивость у мокши некоторых традиционных черт в строительстве жилищ. Так, до настоящего времени основным материалом для строительства домов в мокшанских селениях остается дерево. Глина, кирпич, шлакобетон используются для строительства жилых помещений еще сравнительно редко и главным образом в селениях, расположенных вблизи городов (например, в с. Левжа Рузаевского района), около железнодорожных станций, кирпичных заводов или в более южных степных районах республики. В некоторых селах Торбеевского, Ковылкинского, Рузаевского районов можно встретить глинобитные жилые постройки.

Продолжает преобладать способ рубки «в угол». Рубка «в лапу», или как ее называют в Мордовии, рубка «с чистым углом», применяется чаще при строительстве общественных зданий — почты, клуба и др.

Устойчиво сохраняется традиция возведения дома на деревянных стульях. Вместе с тем у колхозников наблюдается тенденция с каждым годом все чаще подводить под свои новые избы кирпичный фундамент. В 1959 г. нам встречались мокшанские селения, где дома на каменном фундаменте составляли в жилом фонде от 13 до 20 % (с. Мамолаево, Старые Пичингуши и др.).

Современные мокшанские жилища на территории республики в основной массе не имеют наружной сплошной глиняной обмазки, но в южных районах — Рузаевском, Ковылкинском, Торбеевском, часто можно встретить села, где почти половина жилых построек имеет промазанные глиной пазы. Обшитые тесом дома значительно чаще встречаются в рай-

онах более северных: Темниковском, Краснослободском и в более крупных селах — Мамолаево, Подгорное Канаково, Анаево и др.

Тип жилой постройки непрерывно изменяется. Если в первой четверти XX в. во многих мокшанских селах был распространен трехраздельный дом, то в 1955 — 1959 гг. в тех же мокшанских селах он уже почти не встречался и представлял собой старый, отживший тип жилого дома.

В настоящее время повсеместное распространение у мордвы-мокши получил двухраздельный дом, состоящий из четырехстенного жилого помещения и пристроенных к нему сени; с каждым годом возрастает процент пятистенных домов и домов с приделами.

При обзоре мокшанских селений можно наблюдать, что избы обращены чаще к улице узкой стороной, и не только в северных, но и в центральных районах республики (например, в Старошайговском районе); лишь в самых южных районах дома, стоящие по улице длинной стороной, составляют около половины (с. Старое Дракино, Алькино).

Совершенно исчезли большие неразделенные усадьбы, на которых стояло раньше по три-четыре дома, принадлежавшие родственникам. Очень редко в настоящее время в мокшанской деревне можно встретить дома, обращенные на улицу задней или боковой глухой (без окон) стороной.

Сени составляют и по сей день неотъемлемую часть жилого помещения. Все чаще, однако, стали пристраивать к дому тесовые сени, размер их несколько уменьшился.

Вход в сени, а затем в избу устраивается, как и раньше, чаще со двора, в том случае, если дом стоит перпендикулярно улице. Однако у мокши, как и у эрзи, наблюдается тенденция наряду с боковым входом пристраивать параллельно дому коридор и делать крыльцо на улицу. Избы, стоящие параллельно улице, имеют вход почти всегда с улицы; в последние годы вход стал заметно лучше оформляться.

Со стороны фасада прорубается чаще всего два-три окна; в пятистенных домах — четыре. Рамы в окнах теперь делают створчатые и притом двойные, иногда с форточками. Подворное обследование, проведенное в 1955 — 1959 гг. в некоторых мокшанских селениях показало, что жилые постройки в подавляющем большинстве случаев имеют четырехскатные крыши, и только в самых северо-западных районах Мордовской АССР — Темниковском и Краснослободском — преобладают двускатные крыши.

Произошли изменения и в материале покрытия жилых построек. В лесных районах широко распространены в качестве покрытия такие материалы, как щепка, стружка, тес. В селениях, которые находятся вблизи городов и железнодоро-

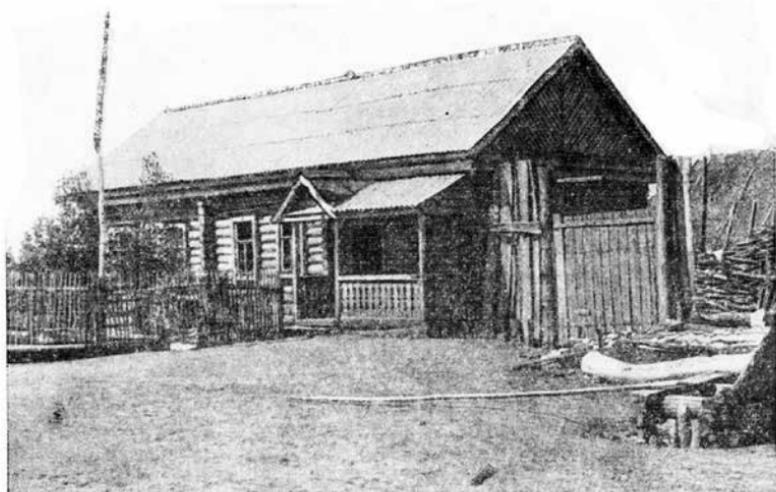

Рис. 17. Пятистенный дом, покрытый шифером
(с. Алькино Ковылкинского района Мордовской АССР).
Фото А. П. Новицкой, 1961 г.

рожных станций, все чаще, в особенности новые, избы покрывают щепой, шифером, железом и даже черепицей (рис. 17). Солома в качестве покрытия продолжает сохраняться на хозяйственных постройках и на старых жилых домах только в селах, расположенных в южной части республики.

Традиция украшать свои жилища резьбой у мордвы-мокши не только сохранилась, но и получила в советское время более широкое распространение, в особенности в лесных районах, таких, как Торбеевский, Темниковский и Краснослободский. Украшают резьбой главным образом фронтоны и наличники домов. Преобладает пропиловка, имеются также накладные и скульптурные украшения. Богатые растительные орнаменты сочетаются со стилизованными изображениями животных и птиц; наряду с этим встречается резное изображение человеческой фигуры (рис. 18 — 20).

Рассматривая внутреннюю планировку современного мокшанского жилища, необходимо отметить все большее преобладание среднерусского плана, который, спускаясь с севера все далее на юг, вытесняет южнорусскую планировку. Последняя, хотя и сохраняется частично в незначительном проценте почти во всех мокшанских селах как более старая, но шире распространена в настоящее время лишь на самом юге Мордовской республики, в селах, пограничных с Пензенской областью, — в с. Старое Дракино, Алькино, Старые Пичуры, Мордовское Вечкенино и др.

Западнорусский план изредка встречается почти во всех обследованных нами мокшанских селах. В ряде случаев он

Рис. 18. Резьба на наличниках окон жилых домов (с. Анаево Торбеевского района Мордовской АССР). По материалам В. Г. Демьянова, 1956 г. Рисунок М. Р. Семашкевич

Рис. 19. Резные и скульптурные украшения на фронтоне, скатах крыши и углах жилых домов (с. Анаево Торбеевского района Мордовской АССР). По материалам В. Г. Демьянова, 1956 г. Рисунки М. Р. Семашкевич

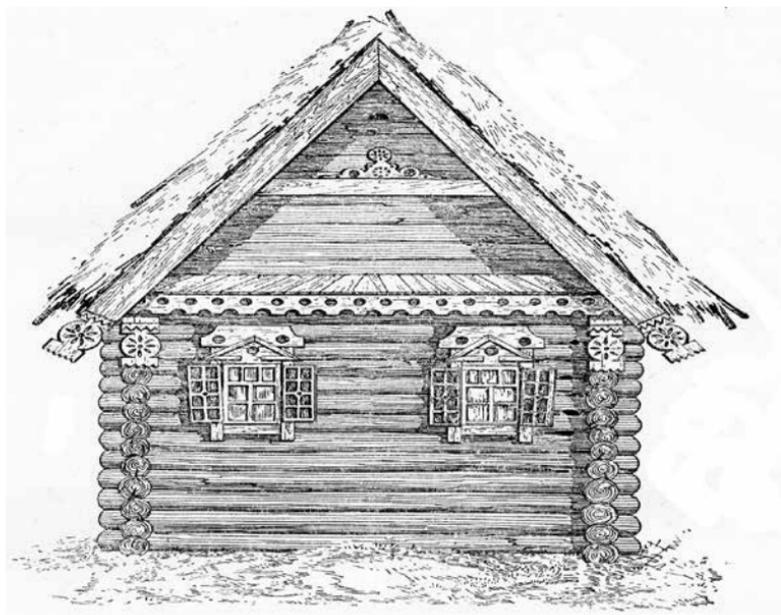
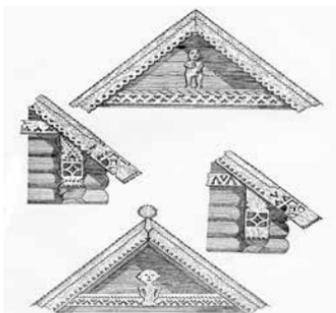

Рис. 20. Старый дом с резными украшениями (с. Колопино Краснослободского района Мордовской АССР). Зарисовка с натуры М. Р. Семашкевич, 1955 г.

представляет собой позднее явление, как план, удобный для выделения кухни. Этот же план очень широко распространен как в русских, так и в мордовских банях. Последнее обстоятельство наводит на мысль, что хотя западнорусский план и не является господствующим у мордвы-мокши, но проник на данную территорию сравнительно давно, вместе с притоком русского населения из западных районов Европейской России.

Во многих новых избах традиционная планировка теперь нарушена вследствие того, что печь и стол потеряли свое устойчивое положение, их стали ставить не только в разных углах избы, но иногда и в середине нее.

Современные мокшанские избы по большей части разгорожены, обычно выделена печь с прилегающим к ней углом.

Традиционное убранство старой мокшанской избы почти совсем исчезло. Кершпиль, как и коник, сохранился в редких домах (например, в селах Ачадово и Салазгорь Торбеевского района, Старое Дракино и Алькино Ковылкинского района и некоторых других). Полати встречаются также далеко не везде, а во многих селах Темниковского, Старошайговского и Краснослободского районов их и совсем нет (например, в с. Старые Пичингуши, Большие Мордовские Пошаты и др.).

С каждым годом все чаще можно наблюдать, как неподвижные пристенные лавки и полки, самодельный шкаф-пюмтар и деревянные кровати заменяются мебелью фабричного производства. Процесс вытеснения предметов внутреннего убранства старой мокшанской избы проходит далеко не во всех селах равномерно. Более заметен он в районных центрах, крупных колхозах, селах, расположенных на шоссе, вблизи железной дороги и промышленных центров.

В системе отопления каких-либо коренных изменений не произошло. Отапливается изба и теперь русской печью. Если жилое помещение состоит из двух комнат, то в кухне стоит печь, а в горнице — голландка. Кроме того, в том помещении, где стоит русская печь, всегда имеется вторая небольшая кирпичная печь, которую топят дополнительно для обогрева помещения. На шестке русской печи некоторые хозяйки стали вмазывать конфорки и устраивать плиту.

Освещение почти во всех избах теперь электрическое.

Дворы и хозяйственные постройки в мокшанских деревнях и в настоящее время остаются в большинстве плетеными, и только в районах, обильных лесом, строят дворы и хозяйственные помещения из бревен и теса. По типу застройки дворы также продолжают сохранять большое разнообразие. В смене типов застройки их наблюдается тот же процесс, что и в смене типов внутренней планировки жилища. Двухрядная связь и застройка двора покоем, харак-

терная для Поволжья и лесостепных районов Европейской России, которая была распространена в мокшанской деревне в прошлом веке, постепенно уступает место однорядной застройке, при которой позади к дому пристроены в один ряд помещения для скота и птицы.

Одновременно с указанными типами застройки двора продолжает устойчиво сохраняться открытый двор с[о] стоящими на нем в разных местах сараями, погребом и хлевами, типичный и для русского населения южных областей европейской части Советского Союза.

Такие традиционные хозяйственные постройки, как вход, все чаще заменяются теперь мазанками и каменными кладовыми. Погреба, ямы для хранения картофеля и в наши дни сохраняют свое значение и распространены повсеместно. В старых банях печь-каменку заменили глинобитная и кирпичная печи. Новые бани ставят теперь сообща несколько домохозяев и делают их более просторными и высокими, с топкой по-белому.

Рассматривая мокшанские постройки примерно на протяжении столетия, можно отметить, что в южных районах Мордовской АССР они наиболее близки к южнорусским, а в северо-западных районах — к среднерусским. Эти различия в прошлом веке были выражены значительно четче, чем теперь, так как с каждым годом граница распространения типов среднерусских крестьянских построек продвигается все далее на юг.

Говорить о каком-то самобытном мокшанском жилище и особых типах хозяйственных построек в наши дни было бы не совсем правильно. Мордва, в частности, мордва-мокша, много столетий живет чересполосно с русскими, имеет тот же тип хозяйства и тот же тип жилых и хозяйственных построек. Правда, в мокшанской дореволюционной деревне некоторые процессы в хозяйственной и общественной жизни протекали более медленно, чем в русской, что, естественно, сказалось на жилых и хозяйственных постройках. Так, например, мокшанское жилище и надворные постройки значительно дольше сохраняли отдельные архаичные формы, которые быстрее исчезли в соседних русских постройках: это расположение дома в глубине двора, волоковые окна, топка по-черному, деревянный настил — керш-пиль, коник и т. д. Имелись некоторые различия в деталях внутреннего убранства, отделке лавок и полок, размещении утвари и т. д.

В настоящее время архаичные черты в постройках мордвы-мокши быстро исчезают, и в домостроительстве мокшанских деревень наблюдаются те же процессы, что и в соседних русских районах.

**Итоги статистического обследования мокшанских
построек на территории Мордовской АССР
в 1955 — 1959 гг., %**

Типовые признаки	Кочетовка	Новые Верхиссы	Старое Дракино	Волгатино	Мамлаево	Колопино	Подгорное Канаково	Старые Пичингуши
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Материал:								
дерево	99	100	97	95	92	95	97	80
кирпич, шлако-бетон, глина	1	нет	3	5	8	5	9	20
Наличие фундамента:								
с фундаментом	3	2	3	4	13	4	3	21
без фундамента	97	98	97	96	87	96	97	79
Наличие обмазки или обшивки из теса:								
с обмазкой пазов глиной	15	20	7	6	5	6	3	3
со сплошной глиняной обмазкой	10	17	нет	4	1	4	нет	нет
с обшивкой из теса	3	3	5	3	10	8	17	6
без обмазки и обшивки	72	60	88	87	84	82	80	93
Тип дома:								
четырёхстенок	82	87	68	82	76	66	78	53
пятистенок	13	5	26	4	12	20	8	11
с приделом	3	5	4	10	10	12	9	32
Расположение дома по отношению к улице:								
перпендикулярно	82	95	58	82	78	84	83	72
параллельно	18	5	42	18	22	16	17	28
Расположение входа:								
с улицы	9	9	56	68	40	25	28	38
с боковой стороны	91	91	44	28	60	75	69	60
с задней стороны	нет	нет	нет	4	нет	нет	3	2

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Наличие крыльца								
с крыльцом на улицу	7	9	10	22	20	25	40	33
без крыльца на улицу	93	91	90	78	80	75	60	67
Кол-во окон, выходящих на улицу:								
одно	8	1	3	4	6	3	1	1
два	22	34	64	85	50	38	72	19
три	53	59	12	6	32	35	19	56
четыре	12	3	20	1	8	21	5	10
пять и более	3	2	—	1	4	3	2	9
без окон	2	1	1	3	нет	нет	1	5
Форма крыши:								
двускатная	8	14	10	13	10	12	14	63
четырёхскатная	92	86	90	87	90	88	86	37
Материал покрытия:								
солома	90	72	80	79	80	77	36	37
тес, стружка, щепа	3	1	3	3	10	10	56	14
железо	4	19	13	13	5	6	6	32
шифер, толь, черепица	3	8	4	5	5	7	2	17
Наличие декора	55	89	80	77	30	18	69	46
Наличие палисадника	10	11	34	30	15	12	24	72
Наличие сеней	100	97	99	98	100	100	99	98
Материал сеней:								
бревенчатые	66	78	42	23	55	60	59	26
тесовые	20	13	27	50	35	30	40	68
плетневые	14	6	31	23	9	10	нет	2
глинобитные, шлакобетонные	нет	нет	нет	2	1	нет	нет	2
Внутренний план дома:								
среднерусский	90	98	62	78	71	85	91	82
западнорусский	2	2	нет	14	6	5	6	11
южнорусский (восточный подтип)	2	нет	нет	нет	4	2	2	2
южнорусский (западный подтип)	6	нет	38	8	19	8	1	5

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Наличие полатей	10	12	46	10	5	7	3	нет
Материал двора:								
из бревен и жердей	5	18	8	2	34	26	49	3
из плетня	80	82	85	94	30	56	3	58
из глины, кирпича	10	нет	нет	2	6	2	3	5
из досок	5	нет	7	2	30	16	45	34
Тип двора и его связь с домом:								
покоем	34	15	9	35	21	26	13	46
глаголем	13	20	20	15	18	28	50	6
разбросанный	2	12	28	16	15	18	12	22
однорядная	40	42	29	27	32	20	16	16
двухрядная	6	8	7	6	6	5	6	7
без двора	5	3	7	1	8	3	3	3
Наличие хозяйственных построек:								
мазанки	45	29	49	57	61	42	нет	1
виходы	30	51	11	3	25	15	3	43
погреба	80	86	71	50	75	60	84	89
бани	30	17	35	45	20	25	30	49

*Исследования по материальной культуре
мордовского народа : тр. Мордов. этногр.
экспедиции. М., 1963. Вып. 2. С. 161 — 191.
(Тр./Ин-т этнографии АН СССР. Нов. сер. ; т. 86).*

ОБЗОР МОРДОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ПОСТРОЕК ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. В РАЙОНАХ, СМЕЖНЫХ С МОРДОВСКОЙ АССР

В основу данной статьи положен материал, собранный в 1956 — 1958 гг. Мордовской этнографической экспедицией Института этнографии Академии наук СССР и Мордовского научно-исследовательского института.

В 1956 г. экспедицией была обследована группа мордвы-терюхан, живущих в селах Горьковской области — Большое и Малое Сескино и Макраша. В 1957 г. работы экспедиции были перенесены в Пензенскую область, где были исследованы села Пиксанкино, Колдаис, Старая Яксарка с мокшанским населением и села Вязовка, Ега, Пичелейка, Кардафлей, Водолей, Нижний Катмис с мокшанским и эрзянским населением.

В 1958 г. экспедиция работала в Татарской АССР, Ульяновской, Куйбышевской и Оренбургской областях. В Татарской АССР (Тетюшский район) экспедиция собрала интересный материал у мордвы-каратаев в селах Мордовские Каратаи, Шершалан[ы], Заовражные Каратаи¹, у мордвы, эрзи и мокши, в селениях Урюм, Киртели, Бессоновка.

В Ульяновской области экспедиция исследовала эрзянские поселения, расположенные как на правом, так и на левом берегу Волги. На правобережье экспедиция работала в селах Мордовская Темрязань и Еделево, на левобережье — в селах Старое Матюшкино, Старая Бесовка, Александровка.

В Куйбышевской области были исследованы села мордвы-эрзи: Старый Байтермиш, Старые Сосны, Старый Маклауш и Малый Толкай.

В Оренбургской области исследование проводилось в двух селах со смешанным эрзя-мокшанским населением — Пронькино и Сапожкино, расположенных на территории, пограничной с Куйбышевской областью.

Не все названные селения были изучены в равной степени. В одних селах было проведено подворное статистическое исследование, в других — собирался только сравнительный материал. Обширность территории расселения мордовского народа и ограниченность времени не позволили экспедиции исследовать все мордовские населенные пункты, располо-

¹ См.: **Белицер В. Н.** Мордва-каратаи и их культура // Вопросы этнической истории мордовского народа : тр. Мордов. этногр. экспедиции. М., 1960. Вып. 1. С. 227 — 255. (Тр. / Ин-т этнографии АН СССР. Нов. сер. ; т. 63).

женные в пределах названных областей и республик. Однако, изучая выборочно селения мордвы, мы старались побывать в наиболее типичных из них.

Горьковская область

Постройки мордвы-терюхан в с. Малое Сескино

На территории Горьковской области в 1956 г. оставалось только четыре села, у жителей которых еще проявлялись некоторые особенности говора и культуры мордвы-терюхан, — Большое и Малое Сескино, Макраша и Большое Терюшево. Считая и называя себя уже русскими, они хранили в памяти воспоминания о своих мордовских предках и о своей иной, чем теперь, этнической принадлежности.

Столетием раньше, в 50-х гг. XIX в., в списках населенных мест Нижегородского уезда значилось 49 терюханских деревень с населением 25 тыс. человек. В 20-х гг. XX в. мордва-терюхане группировались в 25 селениях на территории трех волостей Нижегородского уезда: Дальнеконстантиновской, Оранской и Борисово-Покровской².

Селения их расположены вблизи водных источников, по склонам оврагов, у ключей или в долинах небольших рек и ручьев. Планировка селений в основном уличная, и только отдельные концы сел, обычно более старые, находящиеся в самых низинах или расположенные на крутых склонах, сохраняют беспорядочную застройку. Названия таких сел, как Макраша, Сескино («сеське» по-эрзянски — «комар»), указывают на большую влажность здешних мест и обилие комаров, тогда как название села Большое Терюшево (бывшего центром района), распространившееся на всю окружающую мордву, произошло, по-видимому, от собственного мужского имени Терюш, Терюхай. По своим размерам селения терюхан не превышают 150 — 300 дворов.

Дома в с. Малое Сескино, в котором насчитывается около 200 дворов, в 1956 г. были почти все деревянные, за исключением двух-трех кирпичных, поставленных еще в дореволюционное время. Деревянные дома рублены «в угол» местными плотниками из толстых сосновых бревен. Высота срубов в среднем 14 — 16 венцов. Здесь издавна принято ставить сруб на «стульях» — крепких дубовых столбах, между которыми ставят заборник, с внешней стороны засыпают его землей. Часто встречаются срубы на высоком подклете, в которых пол настлан на шестом венце, обычно же его настилали на третьем. Срубы проконопачены паклей. Размер срубов варьи-

² См.: **Маркелов М. Т., Толстов С. П.** К истории терюханской народной культуры // Этнография. 1928. № 2. С. 107.

руется от 4 х 6 м до 6 х 6 м. Почти все дома стоят фасадом перпендикулярно улице.

В 1956 г. в селе преобладали двухраздельные дома, состоящие из собственно избы и прирубленных к ней бревенчатых сеней. За последние годы все чаще стали появляться пятистенные дома и дома с приделами; в них собственно изба превратилась в горницу, а сени — в заднюю избу, которая стала играть роль кухни.

Трехраздельные дома, состоящие из избы, сеней и холодной клетки, отмеченные исследователями как наиболее распространенные в [19]20-х гг.³, в 1956 г. встречались уже редко.

Крыши на жилых постройках в основном двускатные, тесовые, на стропилах, самцовое покрытие, существовавшее еще в 1920-х гг., к 1956 г. окончательно исчезло. По фасаду дома обычно имеют три окна, четвертое прорублено в боковой стене. Все окна одного размера, преимущественно со створчатыми рамами и ставнями. Нам приходилось работать среди мордвы-терюхан в 1927 — 1928 гг. Тогда у них встречались избы, имевшие по фасаду три окна, одно большое «красное» в середине и два маленьких — по бокам. Таких окон в 1956 г. в селе уже не было.

Вход в избу ведет из сеней, а в сени — с боковой стороны, обычно со двора. За последние десятилетия все чаще стали делать тесовые сени или параллельно дому пристраивать тесовый коридор, иногда глухой или в виде галереи. Коридор завершается крыльцом, выходящим на улицу. Таким образом, вход в дом перемещается со двора на улицу.

В связи с утратой холодной клетки в сенях или в коридоре стали отгораживать чулан для хранения провизии, мелких вещей и утвари.

Почти все избы богато украшены резьбой. В основном это пропиловка, но сохранилась и старинная долбленая резьба, часто перенесенная со старых изб на новые.

Внутренняя планировка дома среднерусская. Печь, как правило, стоит в одном из углов при входе, ее чело обращено к окнам, выходящим на улицу. Угол в передней стене по диагонали от печи считается красным углом, здесь стоит стол, а у некоторых в 1956 г. еще висели и иконы. Печь, с прилегающим к ней углом, отделена от остальной избы дощатой перегородкой. В старых избах в 1956 г. еще сохранились пристенные неподвижные лавки и полати. На полатах спали редко, чаще они служили местом для хранения постельных принадлежностей и одежды.

³ См.: Маркелов М. Т., Толстов С. П. Указ. соч. С. 112.

Печи во всех избах сложены из кирпича с деревянным опечьем. Последние печи, топившиеся по-черному, исчезли из жилых изб в 1913 — 1914 гг. и остались только в банях. Против устья печи в полу обычно имеется люк — вход в подполье, глубина которого у некоторых домохозяев достигает 2 м.

К дому примыкает двор с хозяйственными постройками. Двор имеет два входа: один — из сеней, другой — с улицы. Все дворы крытые, а у многих домохозяев и двухэтажные. Второй этаж используется обычно для хранения сена. Застройка дворов и связь их с домом очень разнообразная. В основном преобладает однорядная связь в нескольких разновидностях. Чаще всего двор пристраивается к дому сзади и находится с ним под одной крышей. Но двухэтажный двор иногда находится на некотором расстоянии от дома, под отдельной крышей и соединяется с ним наклонным глухим навесом (рис. 1).

Значительно реже, чем однорядная связь, встречается двухрядная связь. В этих случаях двор покрыт глухим навесом, а с улицы к дому примыкают ворота с калиткой.

Баня обычно стоит на задах усадьбы, ближе к ручью, погреб и мазанка чаще всего расположены на улице против окон дома.

Каких-либо своеобразных черт в архитектуре и внутреннем убранстве жилищ у мордвы-терюхан в с. Малое Сескино, по сравнению с постройками в соседних русских селах, не наблюдается. Терминология частей жилища также русская.

Постройки мордвы-эрзи в с. Иванцево

Иванцево — большое эрзянское село (600 дворов). Мордовское название его Иваньбие. Оно расположено в южной части Горьковской области, в 6 км от г. Лукоянова. Кроме

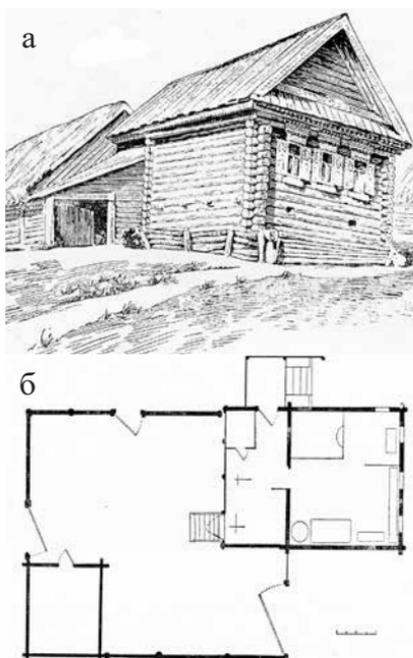

Рис. 1. Типичный для мордвы-терюхан двухраздельный дом с высоким подклетом и закрытый двор с однорядной связью: а — внешний вид, б — план. Зарисовка с натуры В. Г. Демьянова, 1956 г.

мордвы-эрзи, в селе живут и русские. Вдоль села идет центральная улица, от которой в различных направлениях отходят другие, меньшие, улицы и проулки. Застройка улиц чаще двухрядная, но местами встречается и однорядная.

Жилые и хозяйственные постройки у мордвы-эрзи в с. Иванцево во многом близки к постройкам крестьян с. Малое Сескино, хотя последнее и расположено несколько севернее. В 1956 г. в с. Иванцево преобладали рубленые «в угол» дома с высоким подклетом, связанные из 16 — 17 венцов. Почти все избы построены местными плотниками. Здесь, как и в с. Малое Сескино, издавна возводили срубы на столбах, но в последние 10 — 15 лет после Великой Отечественной войны многие крестьяне стали подводить под свои дома каменный фундамент. Пазы между бревнами конопатят паклей, режут мхом, но не промазывают глиной, считая, что глиняная обмазка способствует появлению сырости в доме. Некоторые домохозяева обшивают свои дома тесом-вагонкой или зашивают досками углы, стараясь тем самым предохранить сруб от быстрого гниения.

Все дома, за исключением пятистенных, расположены фасадами перпендикулярно улице.

Наряду с пятистенными и четырехстенными (двухраздельными) домами в 1956 г. в с. Иванцево были и трехраздельные дома (35 %), которые состояли из жилой избы, сеней и рубленого амбара (*утал*), то есть холодной клетки. Вход в сени сбоку, чаще всего с проулка, из сеней имеется также выход во двор. В последние годы многие домохозяева (20 %), как и в с. Малое Сескино, стали пристраивать рядом с домом тесовый коридор, однако здесь не всегда крыльцо выходит на улицу, очень часто вход в коридор продолжает оставаться сбоку, а в обращенной к улице стене коридора прорезается небольшое окно (рис. 2). С появлением коридора рубленые сени стали превращаться в кухню, а чулан, отгороженный в коридоре, заменил клеть.

Таким образом, можно отметить, что в [19]50-х гг. в домостроительстве с. Иванцево наблюдался переход от трехраздельного жилища к двухраздельному, однако процесс этот в те годы был да-

Рис. 2. Распространенный тип дома в с. Иванцево Горьковской области. Зарисовка с натуры В. Г. Демьянова, 1956 г.

лек от завершения, и трехраздельные жилые постройки описанного выше типа продолжали еще широко бытовать.

Крыши на избах преимущественно двухскатные (95 %) и только на пятистенных домах четырехскатные, те и другие стропильной конструкции.

У старшего поколения жителей села сохранились воспоминания о крышах на самцах, покрытых не пиленным, а колотым тесом. За последние годы кровельный материал стал более разнообразным, наряду с тесовыми крышами встречаются дома, крытые шифером, щепой, железом и даже черепицей. Последние соломенные крыши исчезли с домов в с. Иванцево еще в 1930-х гг.

Почти во всех избах, за исключением пятистенных домов, три окна выходят на улицу, и одно, реже два, — в проулок. Рамы у окон створчатые; ставни встречались редко. Карнизы дома, потолки, крыши и наличники окон украшены затейливой резьбой (рис. 3). Встречалась полихромная роспись наличников, фронтонов, а иногда и всего дома.

Внутренняя планировка в домах среднерусская. Кирпичная печь занимает один из углов рядом с входной дверью. Иногда ее ставили отступя 0,75 — 1 м от задней стены и тогда получалось запечье, где вешали умывальник и устраивали лаз на печь. Здесь же некоторые домохозяйки складывали мешки с зерном и мукой, вешали связки лука на зиму и т. д. Печь с прилегающим к ней углом избы и одним окном, выходящим обычно на улицу, отделена дощатой перегородкой от остальной, так называемой чистой половины избы. Против устья печи в полу устроен люк, ведущий в подполье.

Кроме русской печи, в избе сложена и голландка, которую топили для дополнительного обогрева помещения зимой. В 1956 г. в некоторых домах продолжал сохраняться красный угол, которым считался, по традиции, угол, расположенный по диагонали от печи. Пристенные лавки сохранились далеко не во всех избах. Если в доме имеется передняя изба, то стены

Рис. 3. Резьба на наличниках (с. Иванцево Горьковской области). Рисунок М. Р. Семашкевич, 1961 г.

ее оклеены обоями, и она обставлена городской покупной мебелью.

Широкое распространение стали получать дома, построенные из шлакобетона.

Зади к дому пристроен крытый двор, часто двухэтажный; как и у мордвы-терюхан, здесь преобладает однорядная связь между домом и двором. Встречается также и двухрядная связь, при которой небольшой крытый двор пристроен рядом с домом.

Почти у каждой крестьянской семьи имелись погреб, который набивали на лето льдом, и баня. Баню теперь стремятся строить светлее, потолок в ней делать выше.

Если в жилых домах господствует среднерусская планировка, то в банях распространен южнорусский план в его западном подтипе, называемый здесь мордовским. Печь стоит в одном из дальних углов против двери и своим горном обращена к окну, прорубленному в боковой стене. Вполне вероятно, что подобная планировка ранее была и в избах.

* * *

Жилые и хозяйственные постройки мордвы-терюхан и лукояновской мордвы-эрзи близки между собой, их можно отнести в одну группу. Необходимо отметить только, что у лукояновской мордвы-эрзи в с. Иванцево чаще, чем у потомков мордвы-терюхан в с. Малое Сескино, встречается трехраздельный жилой дом.

В хозяйственных постройках, застройке двора и связи с домом у мордвы-терюхан с. Малое Сескино и мордвы-эрзи в с. Иванцево наблюдается сочетание среднерусских черт с севернорусскими, причем у мордвы-терюхан это выражено ярче. У них, например, чаще встречается двухэтажный двор, чем в с. Иванцево у мордвы-эрзи.

Татарская АССР

Постройки мордвы-каратаев в с. Мордовские Каратаи

Мордва-каратаи — своеобразная этнографическая группа, живущая ныне в трех селениях Тетюшского района Татарской АССР: Мордовские Каратаи, Шершалан[ы] и Заовражные Каратаи. Общая численность каратаев не превышает 1 000 человек. Живя продолжительное время среди татар и русских и употребляя в быту татарский язык, каратаи тем не менее называют и считают себя мордвой.

Современная культура каратаев очень близка к культуре русского населения соседних районов Поволжья.

В 1958 г. в с. Мордовские Каратаи было 140 колхозных дворов. Живут каратаи в рубленых избах. В качестве строительного материала используют и плетень, но значительно реже, чем дерево. Из плетня делают ограждения, закуты для скота, иногда сени, сараи для дров и сена. В некоторых дворах можно встретить хозяйственные помещения из самана. Все строительные работы в с. Мордовские Каратаи производятся местными плотниками. Некоторые избы в этом селе, поставленные еще в дореволюционное время, были рублены русскими плотниками из соседнего села Сюкеево.

Дома каратаи ставят без фундамента. Для строительства пользуются самыми различными породами деревьев: дубом, сосной, елью, осиной, липой. Конопатят паклей, изредка мхом. Наружной обшивки из теса и фанеры, как и сплошной глиняной обмазки, не применяют. Только в некоторых домах (37 %) промазаны глиной пазы.

Среди жилых построек каратаев можно выделить три основных типа. К первому типу относятся двухраздельные дома (*дэрт*), состоящие из жилого помещения и пристроенных к нему сеней. В настоящее время такие четырехстенки составляют 43 % всего жилого фонда с. Мордовские Каратаи. По-видимому, такой тип дома у каратаев был наиболее старым, но и в 1958 г. еще ставили такие дома. Второй тип — трехраздельные дома; они также составляют 43 %. Этот тип дома всецело был связан с единоличным крестьянским хозяйством. В дореволюционное время в трехраздельных домах жили преимущественно зажиточные крестьяне, а победнее довольствовались двухраздельными. Многие трехраздельные избы построены еще в 1870 — 1880 гг. и в настоящее время пришли в ветхость. Теперь такие дома уже не строят. В плане трехраздельного дома, в названиях его отдельных частей прослеживается русское влияние. Дом этот состоит из избы — *збы*, сеней — *ызбалдэ* и клетки — *кляти*. К третьему типу относится небольшая группа (14 %) пятистенков.

Жилые постройки каратаев несколько выше, чем у других народов края: чуваш[ей], татар, мордвы-мокши; по высоте они ближе к домам мордвы-терюхан и эрзи Горьковской области. Пол во многих избах настлан на расстоянии 2 м от земли, а окна прорублены на высоте 2,5 — 2,6 м. Высота подызбицы в этих домах около 2 м, а высота избы (от пола до потолка) 2,20 — 2,25 м. Крыши в подавляющем большинстве (94 %) двухскатные, на стропилах, в основном тесовые (77 %), очень редко соломенные, крытые внатруску и укрепленные продольными слегами; встречаются крыши из камыша. Новые дома кроют железом и шифером, а соломенное покрытие продолжает сохраняться на хозяйственных постройках и банях.

В основном дома имеют по фасаду три (54%) или два (39%) окна. В более старых — рамы задвижные, в более новых — створчатые. Ставни имеют главным образом избы, поставленные после Великой Отечественной войны. Большинство домов (91%) стоят перпендикулярно улице, то есть повернуты к ней коньком. У каратаев, как и других групп мордвы, встречаются избы, выходящие на улицу боковой стеной с одним окном или совершенно глухой. Фасад же дома в этих случаях обращен во двор или в огород. Такая постановка избы объясняется желанием хозяев иметь окна на солнечную сторону, и они, по старой традиции, не считаются с планировкой селения. Вход в дом (в сени), как правило, сбоку, то есть со двора; на улицу крыльцо делают очень редко (рис. 4).

Пожалуй, ни в одном мордовском селе мы не встречали такого обилия старинной долбленной резьбы, как у каратаев. Резьбой украшены главным образом фронтоны домов и наличники окон. Резчики местные. В орнаменте растительные мотивы переплетаются с зооморфными. Резьба, принесенная с волжских судов и получившая название корабельной, сближает постройки каратаев и русского населения Горьковской и Владимирской областей, где также широко распространена подобного вида резьба. На многих резных досках встречается датировка (1880, 1890, 1892, 1902 гг.). Часто даты, указанные на доске, не совпадают с годами постройки дома: хозяева, высоко ценя старинную резьбу, переносили украшения со старых жилищ на новые. Наряду с долбленной широко распространены пропиловка и накладная резьба. На многих домах долбленной резьбой украшены карнизы, а пропиловкой — наличники, но встречаются и на карнизах накладные резные украшения.

Вероятно, под влиянием татар каратаи, как и лукояновская эрзя, стали применять полихромную раскраску жилищ: красить ставни в голубой, а наличники в белый цвет или ставни в синий, наличники в желтый, а карнизы в зеленый.

Рис. 4. Распространенный тип дома с покособразной застройкой двора в с. Мордовские Каратаи Тетюшского района Татарской АССР. Фото автора, 1958 г.

Внутренняя планировка дома — среднерусская. Печь (*бись*) стоит при входе с правой или левой стороны, иногда отступая от задней стены на 50—60 см. В проходе между печью и стеной, как и у лукояновской эрзи, обычно висит умывальник, а в прошлом в холодное время года здесь держали телянка и ягнят. Печь — русского образца, кирпичная, на деревянном основании. В отличие от татарской печи она не имеет подтопка с вмазанным котлом для варки пищи. Почти в каждом доме имеются полаты — *сендре*, расположенные рядом с печью над входной дверью, на расстоянии 50—55 см от потолка. На них в большинстве случаев теперь уже не спят, а используют их для хранения постельных принадлежностей и одежды.

Почти все избы разгорожены. Печь с прилегающим к ней углом отделена от остальной избы легкой перегородкой, иногда печуркой (типа голландки), стоящей перпендикулярно передней стене дома. Дымоход от голландки соединен с дымоходом русской печи кирпичной аркой, которая делит избу на две части. Подобная планировка, как будет показано ниже, очень широко распространена у мордвы, живущей в соседних селах того же района, а также в Пензенской, Ульяновской и Куйбышевской областях.

Отделенное перегородкой или аркой место перед печью называется *чылан*. Здесь, у боковой наружной стены, стоит *пумар* — закрытая лавка в виде шкафа, в котором хранят обычно посуду и остатки пищи от обеда. По виду и назначению, а также по названию *пумар* сближается с мордовским *потмаром*. Против устья печи, у передней стены, проходит неподвижная лавка — *сяки*, а над ней укреплена полка, которую каратаи, подобно эрзе и мокше, называют *лався*. Красный угол (*тэрь-урны*) расположен по диагонали от печи. Здесь стоит стол (*стел*), а по стенам избы проходят лавки. Широкая неподвижная лавка около задней стены называется русским термином — коник. Теперь во многих избах на месте коника или вдоль боковой стены стоит деревянная или железная кровать, как правило, хорошо убранная. Полы в избах часто крашеные. С каждым годом в каратайские дома все шире проникает мебель городского типа. В первую очередь появляются стулья, этажерки, шкафы для посуды. На окна теперь вешают занавески и ставят цветы. На самом видном месте в избе помещают самовар.

В тех случаях, когда жилое помещение состоит из двух самостоятельных комнат, в одной из них — кухне — сохраняется традиционное убранство старой избы с русской печью, полатами и лавками по стенам; вторую комнату — горницу — обычно обставляют по-городскому.

Сени (*ызбалдэ*) являются обязательной частью жилого дома. В большинстве случаев они бревенчатые, но теперь чаще

стали строить тесовые (в современном жилом фонде они составляют более 25 %). Плетневые сени в 1958 г. встречались очень редко (5 %). Длина их около 2,5 м, ширина 4,5 — 6 м. В пятистенных домах маленькие тесовые сени пристраивают сбоку перед входной дверью, в виде закрытого крыльца. В трехраздельных домах сени служат связью между избой и клетью. Вход в них обычно со двора. В бревенчатых и тесовых сенях настилают деревянный пол, но потолка не делают; в плетневых же сенях полы земляные.

Около стены в сенях стоит обычно приставная лестница, по которой поднимаются на чердак, и скамья, здесь же находится кадка для воды. В стены вбиты гвозди, на которые вешают различные хозяйственные предметы: кузова, веревки, ведра и пр. Вдоль одной из них подвешен шест (*эрлик*) для сушки одежды. Летом в сенях спят. Свет в сени проникает через дверь, иногда над входной дверью имеется небольшое оконце.

В сенях трехраздельного дома, кроме наружного входа и двери, ведущей в избу, имеется еще вход в верхнюю клеть, куда приходится подниматься на две-три ступеньки. Клеть представляет собой сруб с полом и потолком, но без печи. Она освещается благодаря небольшому четырехугольному отверстию, прорубленному в стене. Здесь хранят зерно, муку, крупу, а также одежду. Под верхней клетью имеется нижняя (*тюбен клеть*), вход в которую со двора. В нижней держат мелкий хозяйственный инвентарь: лопаты, вилы, бочки, корыта и т. д.

Застройка двора (*каралды*) у каратаев чаще всего покоеобразная. Параллельно дому стоит погреб или сарай, а в глубине двора построен навес. Центральная часть двора остается открытой. Наряду с покоеобразной распространена и застройка двора глаголем. Оба эти вида застройки типичны и для русского населения средней полосы европейской части СССР, в частности для районов Среднего Поволжья и Прикамья. Ворота (*капка*) расположены рядом с домом; обычно они двухстворчатые на столбах под двухскатной крышей. Довольно распространена и однорядная застройка.

Из хозяйственных построек во дворе стоят хлев (*кирте*) для коров и овец, сарай для дров и сена и погреб (*нюгерен*), надземная часть которого имеет вид конического шалаша, покрытого соломой и жердями.

Баню (*мунчо*) строят сообща два-три хозяина. Чаще всего ее ставят на огороде или в саду, поближе к ручью или около колодца. Старая баня представляет собой невысокий сруб (9 — 10 венцов) площадью 2,5 x 2,5 м, с деревянным, реже земляным, полом, потолком и одним маленьким окном. У стены, направо или налево от двери, сложена печь-каменка, ино-

гда кирпичная. Устье ее обращено к окну. Такой план принято называть западнорусским. Рядом с печью пристроен полок для мытья, в углу стоит кадка для холодной воды, а около окна скамья. Предбанник обычно плетневый с обмазкой из глины. Подобные бани характерны для русских, мордвы, чувашей, коми, карел и многих других народов Советского Союза.

Интересно отметить, что у каратаев мы не встречали ни мазанок, ни виходов (подвалов), столь характерных для мокши и эрзи, живущих в Мордовской АССР, Пензенской, Ульяновской и Куйбышевской областях.

Постройки мордвы-мокши в с. Киртели

В 1958 г. в с. Киртели насчитывалось более 200 дворов (около 900 жителей). Основное население состояло из мордвы-мокши; две-три семьи были татарские и одна чувашская.

Местное предание связывает историю с. Киртели со старым чувашским поселением, находившимся примерно в 3 км от современного с. Киртели.

В XVII в. якобы по просьбе самих чувашей, испытывавших разорительные набеги со стороны поволжской вольницы и степных племен, царское правительство прислало в эти места большую группу новых поселенцев, состоявших главным образом из ссыльной мордвы. Новожилы основали поселение по Казанско-Симбирскому тракту, неподалеку от чувашского. В дальнейшем оба селения соединились в одно, некоторое время носившее два названия: Кардалы (чувашское) и Киртели (мордовское). Чувашаи смешались с мордвой и постепенно ассимилировались с последней.

По воспоминаниям местных жителей, еще в 1890-х гг. в селе было пять чувашских семей, говоривших по-чувашски, а в 1958 г. только один 74-летний старик чувашанин Ф. М. Тарасов знал родной язык. Утративши свой язык, чувашские семьи сохранили память о своей родословной и прародителях-чувашах, хотя в 1958 г. они и называли себя мордвой.

В прошлом крестьяне с. Киртели относились к удельному ведомству. Наряду с хлебопашеством они занимались дополнительно некоторыми деревоотделочными ремеслами (изготовлением саней, кадок) и пчеловодством. Происхождение названия с. Киртели местное население связывает с именем одного из первых поселенцев, которого якобы звали Кирте, окончание же — *ли* (сокращенное *лей*, *ляй*) по-мордовски означает «река» и очень часто встречается в качестве окончания в названиях многих мордовских сел (Водоляй, Ветляй, Ахлей и др.).

В центре села проходит одна широкая улица (рис. 5) с рядами домов по обеим сторонам; ее пересекают многочислен-

ные проулки. В левой стороне села имеется еще несколько небольших улиц, идущих в самых различных направлениях, а также несколько отдельных беспорядочно разбросанных жилых построек.

Дома в с. Киртели все деревянные, поставлены без фундамента, с земляной завалинкой, зашитой досками; в среднем дома связаны из 14 — 15 венцов, рублены «в угол». До 50 % всех жилых домов в Киртелях промазаны в пазах глиной.

В подавляющем большинстве дома двухраздельные (86 %). Они представляют собой четырехстенки с прирубленными к нему бревенчатыми сенями. Тесовые сени в Киртелях встречаются редко (4 %). По сравнению с Мордовскими Каратаями, здесь в 1958 г. было очень немного трехраздельных домов (4 %) и пятистенок (5 %). Пятистенки имеют отдельные входы в обе половины дома. Эта особенность характерна для татар, тогда как у русских из одной половины в другую прорубается дверь⁴. Дома почти все стоят перпендикулярно улице. Дома, обращенные к улице боковой стороной, в 1958 г. составляли не более 10 %, в основном это были пятистенки. Крыши на жилых постройках преимущественно двухскатные (85 %), покрытые соломой. Четырехскатные тесовые крыши были по большей части на пятистенных домах. По количеству окон, выходящих на фасадную сторону, самую большую группу (91 %) составляли избы с двумя и тремя окнами. Избы с четырьмя окнами и более в 1958 г. составляли не более 4 %. Встречались избы с одним, притом маленьким окном, прорубленным в боковой стене дома, выходящей на улицу. Фаса-

Рис. 5. Вид улицы в с. Киртели Тетюшского района Татарской АССР. Фото автора, 1958 г.

⁴ См.: **Воробьев Н. И.** Казанские татары. Казань, 1953. С. 159.

дом такие дома обращены в огород или во двор. Население, как и у мордвы-каратаев, объясняло такую ориентировку постройки желанием хозяев иметь в избе больше света. Маленькое же окно на улицу прорубали по старой традиции, с целью «смотреть проходящих», так как в этом крае в старину было далеко неспокойно от беглого и разбойного люда⁵. Может быть, этим объясняется и сохранившийся обычай делать на окнах ставни.

Декоративных украшений на домах меньше, чем у мордвы-каратаев, в основном это резьба на наличниках.

Вход в сени, а затем в дом, с боковой стороны, обычно со двора (92 %). Крылец на улицу и коридора, идущего параллельно дому (что мы наблюдали в селах Малое Сескино и Иванцево), здесь не строят. Палисадников перед окнами также почти ни у кого нет.

В избах преобладает среднерусский внутренний план. Русская печь с прилегающим к ней углом отделена от остальной избы дощатой перегородкой или кирпичной печуркой, поставленной перпендикулярно фасаду, как и у мордвы-каратаев. Полаты и здесь в 1958 г. сохранялись только в старых домах. Однако все же в избах можно было

встретить пристенные неподвижные лавки с полками над ними, самодельные деревянные кровати, потмар для хранения посуды (рис. 6) и т. д. Полы в избах чаще белые, некрашенные, стены в редких избах оклеены обоями, да и то только в передней половине. В некоторых избах вместо обоев используют газетную бумагу, стены штукатурят.

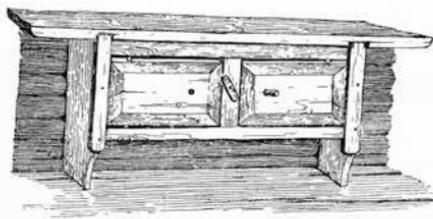

Рис. 6. Потмар — самодельный шкаф (с. Киртели Тетюшского района Татарской АССР). Зарисовка с натуры М. Р. Семашкевич, 1958 г.

При постройке двора, сараев, хлевов и других хозяйственных помещений колхозники с. Киртели широко применяют наряду с деревом также саман, плетень, древесную кору, которую используют для устройства невысоких перегородок, покрытия погребов и др.

По форме дворы в с. Киртели очень разнообразны. Более старые типы застройки двора — глаголем и покоем — к 1950-м гг. были постепенно вытеснены однорядной застройкой, которая с каждым годом получает все большее распространение. Большую группу в 1958 г. составляли открытые

⁵ Полевые записи автора в с. Киртели от колхозника Ф. М. Тарасова, 74 года // Архив Ин-та этнографии АН СССР.

дворы, расположенные рядом с домом, с разбросанными на них хлевами, сараями и загонами без подчинения их какой-либо определенной линии. Навес двора и сарай покрыты соломой. Почти у каждого домохозяина имеется погреб. Бани такого же типа и планировки, как у мордвы-каратаев.

* * *

Кроме с. Киртели, экспедиция 1958 г. побывала в соседних селах Урюм и Бессоновка того же Тетюшского района. Село Урюм стоит на правом берегу Волги. В 1958 г. в нем насчитывалось 370 домохозяев. Живет в с. Урюм мордва-мокша.

Тип построек тот же, что и в с. Киртели, однако здесь больше пятистенных домов и домов с приделами. Чаше можно встретить дома, крытые железом и шифером.

В с. Бессоновка живет мордва-эрзя. Постройки такого же типа, что и в Киртелях, но больше трехраздельных домов, что вообще типично для мордвы-эрзи. Дома стоят перпендикулярно улице. Несколько чаще, чем в Киртелях, встречаются избы с крыльцами на улицу.

Постройки в с. Мордовские Каратаи, Урюм, Киртели и Бессоновка близки между собой. Однако в застройке с. Мордовские Каратаи ярче выражены северные черты (высокий трехраздельный дом, однорядная связь, крытый двор), тогда как в постройках других названных сел несколько больше южнорусских черт (обмазка глиной, большой процент четырехскатных крыш, двор с разбросанными постройками).

Ульяновская область

Постройки мордвы-эрзи в с. Мордовская Темрязань

Село Мордовская Темрязань расположено на правом берегу Волги, в юго-западной части Ульяновской области. В 1957 г. в нем насчитывалось около 200 дворов. Планировка его уличная (рис. 7). Посередине села проходит широкая улица с двумя рядами домов. Она называется «икельце», то есть передняя. По обе стороны от нее идет еще по одной однорядной улице. Их называют «удалкс», то есть задняя. Село Мордовская Темрязань расположено в долине небольшой речки и окружено возвышенностями, покрытыми хвойным лесом.

По местным преданиям, село существовало здесь уже в начале XVIII в., оно было основано переселенцами из Ардатовского уезда Симбирской губернии при Петре I.

В 1930 г. во время большого пожара сгорело более пятидесяти домов на передней улице, поэтому большинство построек там недавнего времени. Задние улицы также застроены в советские годы. Следовательно, почти весь жилой фонд с. Мордовская Темрязань относится к последнему тридцатилетию.

Рис. 7. Общий вид с. Мордовская Темрязань Ульяновской области. Зарисовка с натуры Е. М. Золотарева, 1957 г.

Все дома рубленые, наружная обмазка пазов встречается редко, сплошная обмазка совсем не применяется. Некоторые дома, как и в селах Иванцево и Малое Сескино, обшиты тесом.

В отличие от с. Мордовские Каратаи и Киртели здесь почти половина изб (43 %) стоит на фундаменте.

Основной тип дома, как и в описанных выше селах, бревенчатый четырехстенник с пристроенными к нему сенями. В то же время довольно много пятистенных домов (14 %) и домов с приделами (22 %).

Трехраздельные дома в жилом фонде с. Мордовская Темрязань, составляют не более 3 %, они были поставлены в начале XX в.

Трехраздельный дом состоит, как правило, из передней и задней избы, соединенных сенями. Подклет чаще высокий. Нижнее помещение под задней избой использовалось под какое-либо производство — щепное, кулеткацкое, колесное, иногда его приспособляли для омшаника и сохраняли там зимой пчел.

Среди жилых построек с. Мордовская Темрязань встречаются избы-двойни; они представляют собой два сомкнутых четырехстенника с отдельными входами. В таких домах живут по большей части родственники — братья или родители и их взрослые семейные дети.

Более половины всех домов (74 %) поставлено перпендикулярно улице и покрыто двухскатными крышами (62 %), большей частью тесовыми (87 %), но встречаются железные, шиферные и изредка соломенные крыши.

Дома имеют по фасаду чаще всего два-три окна. Изб с одним окном на фасаде в с. Мордовская Темрязань не встречалось. Довольно большую группу (21 %) составляют дома, име-

ющие по фасаду четыре окна и более. Многие дома имеют пропиловочные и накладные украшения на наличниках окон и карнизах.

Ни в одном другом из обследованных нами мордовских сел не было так много тесовых сеней, как здесь (92 %). Вход в дом чаще с улицы. Большая половина всех домов в селе имеет крыльца, выходящие на улицу, и коридор или веранду, пристроенную к боковой стене дома.

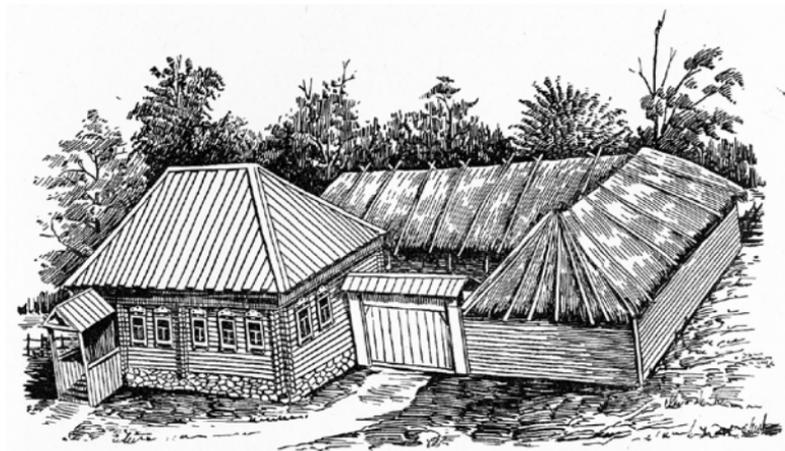
У многих хозяев перед окнами разбиты палисадники, в которых растут рябина, хмель, акация и мальва.

Внутренняя планировка большинства домов среднерусская. Но в задней избе дома с приделом этот план несколько видоизменен: печь, стоявшая в углу при входе, как правило, обращена челом к боковой стене дома, в которой прорублено окно, выходящее в проулок. В передней избе, так называемой горнице, русской печи обычно нет, она отапливается голландкой.

Дворы в с. Мордовская Темрязань в подавляющем большинстве открытые, с разбросанными хозяйственными постройками. Они не примыкают, как правило, к жилой избе и не составляют с домом единой застройки. Однорядная застройка, при которой двор располагается сзади дома, столь распространенная в с. Иванцево, Малое Сескино и отчасти у мордвы-каратаев, уступила здесь место застройкам покоем и глаголем, характерным для более южных, по сравнению с Горьковской областью, лесостепных территорий (рис. 8).

Ворота на столбах под двухскатной крышей расположены обычно в одну линию с домом. На улице против некоторых

Рис. 8. Пятистенный дом и двор покоеобразной застройки (с. Мордовская Темрязань Ульяновской области). Зарисовка с натуры Е. М. Золотарева, 1957 г.

домов стоят кладовые, сложенные из камня-плитняка. Погребки имеются почти в каждом доме. Бани строят совместно два-три хозяина.

Постройки мордвы-эрзи в с. Еделево

Село Еделево расположено в центральной части Ульяновской области (так же, как и с. Мордовская Темрязань) на правобережье. Это крупное село, в нем в 1957 г. было более 650 дворов.

Основная масса жилых домов расположена в виде нескольких идущих параллельно двухрядных улиц, которые пересекаются многочисленными проулками. Кроме того, отдельные группы домов и церковь, перестроенная ныне в школу, стоят на бугре и отделены от остальной части села небольшой речкой с многочисленными ключами, которые снабжают жителей всех близлежащих улиц питьевой водой.

Постройки с. Еделево очень близки к описанным выше постройкам с. Мордовская Темрязань. Дома здесь рубленые, в основном сосновые — хвойный лес находится неподалеку от села. За последние 20 — 30 лет стали ставить дома и из осины. В дореволюционное же время религиозные предрассудки, согласно которым осина считалась нечистым деревом, приносящим несчастье, мешали использовать ее для строительства.

Строят дома местные плотники. Наиболее распространенный вид рубки — «в угол», но здесь он чаще называется «в чашку». Изредка встречаются дома с чистым углом, то есть рубленные «в лапу». В с. Еделево, как и в с. Мордовская Темрязань, много домов на фундаменте (37 %), и почти все (91 %) без наружной обшивки и без обмазки пазов.

В 1957 г. здесь, как и в других описанных нами селах, преобладал четырехстенный сруб с сенями. Но в с. Еделево, как и в с. Мордовская Темрязань, было довольно много пятистенных домов и домов с приделом (19 %). Размер сруба чаще всего 6 х 6 м; 7 х 5 м и 9 х 6 м.

По сравнению с рассмотренными селениями более северных районов, здесь значительно выше процент домов, поставленных параллельно улице; домов, стоящих фасадом на улице, в с. Еделево даже несколько больше (52 %), чем обращенных к улице боковой стороной (48 %).

Четырехскатных крыш здесь также относительно больше (42 %), по сравнению даже с с. Мордовская Темрязань (38 %). Основным материалом покрытия в Еделево, как и в Мордовской Темрязани, является тес (90 %).

Дома в большинстве случаев имеют по улице два, чаще три окна (44 %). Однако здесь довольно много домов с четырьмя окнами и более (28 %). Как и в других мордовских селах, в с. Еделево встречаются дома, поставленные в зависи-

мости от лучшего доступа солнечного света и обращенные к проезжей улице глухой задней или боковой стороной.

Более половины всех домов имеют богатый декор: фронтоны с накладной резьбой, резные наличники.

Сени, как и в с. Мордовская Темрязань, по большей части тесовые; бревенчатые сени составляют всего 15 % и встречаются преимущественно в старых четырехстенных домах. Вход в дом чаще всего с улицы — 70 %. Как и в с. Малое Сескино, Иванцево, Мордовская Темрязань, здесь распространено крыльцо на улицу с коридором, который сообщается с тесовыми сенями, пристроенными к избе. В сенях или в коридоре здесь тоже принято отгораживать чулан. Перед многими домами палисадники. Для построек с. Еделево характерны пятистенные дома с двумя отдельными входами, как [и] в с. Киртели (рис. 9).

Внутренний план в избах среднерусский. Почти все избы, за редким исключением, разгорожены, полы покрашены, стены оштукатурены и оклеены обоями (шпалерами). Полаты в избах встречаются редко. Спят на деревянных и железных кроватях с постельными принадлежностями. Пристенные лавки сохранились в основном в кухне.

Русская печь стоит на своем традиционном месте — в углу около входной двери. Во многих избах с. Еделево печи глинобитные, а не кирпичные, с деревянным опечьем. По словам местных жителей, глинобитная печь лучше сохраняет тепло и дольше стоит, чем кирпичная. Для битья печи устраивают обычно помочь.

Застройка дворов и их связь с домом самая разнообразная. Преобладает более южная, по сравнению с Горьковской областью, двухрядная связь с покоеобразной застройкой двора (36 %). Изредка встречается застройка двора глаголем. Несколько меньшую, чем в с. Мордовская Темрязань, но все же значительную группу (28 %) составляют открытые дворы с разбросанными на них хозяйственными постройками.

Однорядная связь, которая встречается реже двухрядной, проникла в с. Еделево, по всей вероятности, из более северных, поволжских районов и, по словам местных жителей, появилась здесь сравнительно недавно, лет 60 — 70 назад.

В с. Еделево, как в с. Мордовская Темрязань, чаще перед домом на улице строят каменную или саманную кладовую с шатровой тесовой крышей и значительно реже подвал — «виход». По словам местных жителей, виходы рыли здесь редко из-за близости подпочвенных вод. У некоторых крестьян имеются рубленые амбары («утомы»), в которых хранят зерно и разные хозяйственные вещи (рис. 9а).

План бань западнорусский, как у мордвы-каратаев и в с. Киртели.

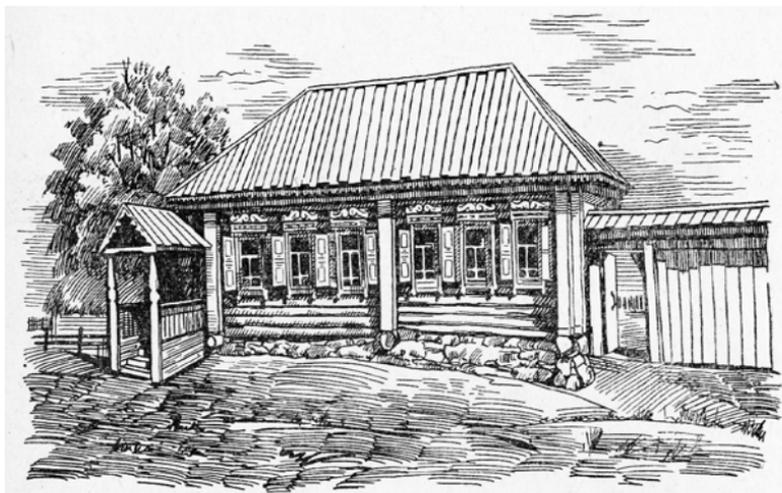
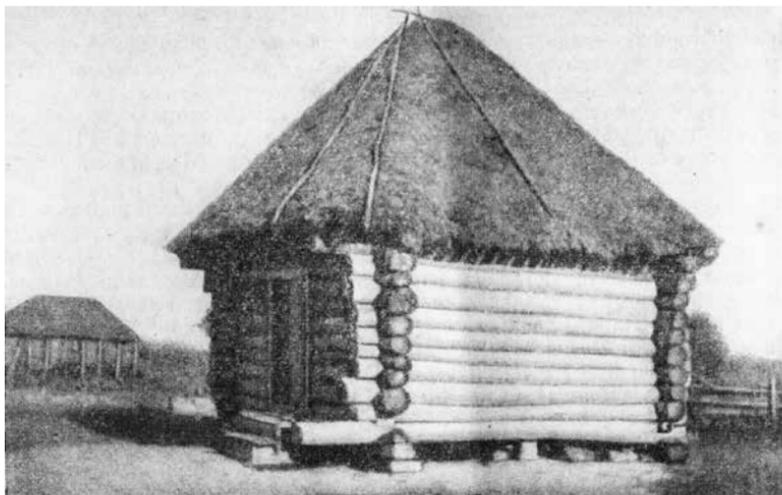

Рис. 9. Пятистенный дом
с двумя отдельными входами
(с. Еделево Ульяновской области).
Зарисовка с натуры Е. М. Золотарева, 1957 г.

Рис. 9а. Рубленный амбар «утом» для хранения зерна
(с. Еделево Ульяновской области).
Фото автора, 1957 г.

Постройки мордвы-эрзи в с. Старая Бесовка

Село Старая Бесовка находится на северо-западе Ульяновской области, на левобережье Волги в районе, пограничном с Куйбышевской областью. Население с. Старая Бесовка состоит из мордвы-эрзи.

В августе 1768 г. с. Старая Бесовка посетил И. Лепехин. О его местоположении он писал: «Через 10 верст приехали в мордовское село Бесовку, стоящее при самом берегу Черемшана. При оном селе река Малый Черемшан соединяется с Большим Черемшаном»⁶.

В настоящее время Черемшан несколько изменил русло и протекает сзади села, около огородов. Село Старая Бесовка застроилось по сухопутным трактам, центр его расположен на перекрестке дорог. Старый план села имел вид креста (рис. 10), позднее один конец его сильно разросся, и оно застроилось тремя параллельно идущими улицами с многочисленными проулками. Каждый

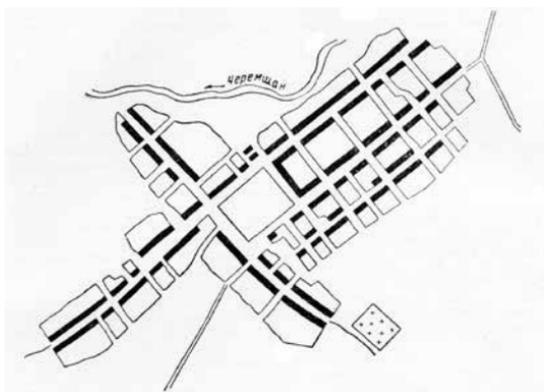

Рис. 10. План с. Старая Бесовка Ульяновской области

конец села имеет особое название: Журавлиный, Сосновый, Нижний и т. д. Дата основания с. Старая Бесовка неизвестна.

В 1958 г. в с. Старая Бесовка было более 360 дворов и около 1 500 жителей. Столетием раньше в с. Старая Бесовка был 101 двор и 856 жителей⁷.

В предании об основателях села, которое сохраняется до наших дней в памяти потомства, рассказывается, что четыре бежавших из заключения мордвина — Смолин, Утяганов, Каргин и Рыбаков — пришли на берег р. Черемшана и облюбовали подходящее место для жительства. На месте будущего поселения они воткнули в землю срезанные стволы ветлы и осокоря и отравились за своими семьями. Вернувшись, они

⁶ **Лепехин И. И.** Дневные записки путешествий по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1795. Ч. 1. С. 122.

⁷ См.: Списки населенных мест Российской империи. Вып. 36 : Самарская губерния по сведениям на 1859 г. СПб., 1864. С. 106.

увидели, что деревья принялись и оделись листвой, а по поверью мордвы, это означает, что местожительство выбрано удачно. Основанное ими село постепенно разрослось, и из него выделились с. Новая Бесовка, Средняя Бесовка и Александровка. Некоторые семьи отсюда переселились в Сибирь.

Происхождение названия Бесовка точно неизвестно. По рассказам одних, первоначально это село называлось Песовка, так как оно стоит на песчаном берегу.

Другие утверждают, что название Бесовка связано с тем, что здесь справлялось древнее языческое игрище, поэтому духовенство и соседние русские крестьяне называли это селение Бесовым местом.

Мордва-эрзя с. Старая Бесовка относилась к удельному ведомству. Основным занятием населения было земледелие, дополнительно были развиты некоторые деревоотделочные промыслы. Крестьяне занимались также разведением пчел. Некоторые уходили на сезонные работы в города и на сельскохозяйственные работы в низовья Волги.

Характеризуя мордовские и чувашские избы в селениях по Черемшану, И. Лепехин писал: «Избы у чуваш и мордвы черные <...> окна бывают волоковые с задвижками. <...> На дворах как у мордвы, так и у татар бывают всякие нужные пристройки как для скота, так и для поклажи хлеба и сена. При том почти у каждого баня, в которой они еженедельно парятся»⁸.

Со времен И. Лепехина, то есть почти за два столетия, село несомненно сильно изменилось. Избы с топкой по-черному исчезли здесь в начале XX в. Некоторые черты в домостроительстве сближают постройки с. Старая Бесовка с постройками с. Киртели Тетюшского района Татарской АССР. В то же время здесь встречаются и черты, характерные для построек с. Старый Байтермиш и Малый Толкай Куйбышевской области и с. Пронькино Оренбургской области. Например, наряду с преобладанием рубленых домов в с. Старая Бесовка имеются и саманные жилые постройки. Основной фонд составляют дома без обшивки и обмазки пазов, но 20 % домов в 1958 г. были со сплошной наружной глиняной обмазкой. Обшивка углов тесом здесь не была отмечена.

Избы поставлены или без фундамента, или на деревянных стульях, как и в с. Киртели.

Как и во всех ранее описанных селах, преобладает двухраздельный дом, который состоит из избы и сеней.

Для жилого фонда с. Старая Бесовка характерен высокий процент домов с приделами (34 %). Трехраздельных домов

⁸ Лепехин И. И. Указ. соч. С. 139 — 140.

здесь, как и в с. Киртели, всего 4 %. Немногим больше и пятистенков.

Дома в с. Старая Бесовка стоят в большинстве случаев (84 %) перпендикулярно улице; этим оно отличается от других мордовских сел Ульяновской области, расположенных в ее более южных районах, например, от с. Еделево, где изб, стоящих перпендикулярно улице, значительно меньше (52 %).

Крыши на избах в с. Старая Бесовка, так же, как и в селах более северных районов, преимущественно двухскатные (84 %). В 1958 г. здесь еще часто встречались соломенные крыши, что, возможно, объясняется удаленностью этого села от лесных массивов.

По количеству окон самую большую группу составляют, как почти и во всех других мордовских селах, избы с двумя и тремя окнами на улицу (88 %).

Широко распространена резьба. Ею украшено около половины всех жилых строений села.

Как правило, при каждой жилой избе имеются сени, они преимущественно бревенчатые (60 %), но довольно много и тесовых (37 %). В сенях настлан дощатый пол. Изредка встречаются и плетневые сени (3 %) с земляным полом. Потолок в сенях отсутствует.

Вход в сени чаще со двора, но иногда и с улицы. Примерно у $\frac{1}{5}$ всех домов имеется крыльцо, выходящее на улицу.

В последние десятилетия перед домами начали появляться палисадники. В 1958 г. жилых построек с палисадниками было уже до 20 %.

Внутренняя планировка в избе среднерусская. Печь с прилегающим к ней углом, как правило, отделена перегородкой или стоящим в избе подтопком — кирпичной печью типа голландки. Красный угол на традиционном месте против двери. Самодельный шкаф «потмар» и полати встречаются очень редко. Во внутреннее убранство жилища все больше проникает городская мебель.

Дворы по застройке и типу связи с домом очень разнообразны. Преобладает однорядная связь (45 %). Хлев для скота пристроен к избе сзади и служит как бы ее продолжением, а небольшой открытый двор отгорожен сбоку. Застройка хозяйственных помещений в одну линию с домом появилась здесь уже на памяти старшего поколения и с каждым годом получает все большее распространение. Вторую группу составляют открытые дворы с разбросанными на них хозяйственными постройками (25 %). Значительно реже встречаются дворы, застроенные покоем или глаголем.

Мазанок и выходов в с. Старая Бесовка не встречается. Бани и погребки имеются почти у каждого домохозяина.

В с. Александровка (выселках из с. Старая Бесовка) жилые и хозяйственные постройки такого же типа, только здесь реже встречаются дома с палисадниками и крыльцом на улице. Топливом в с. Александровка, как и в с. Старая Бесовка, наряду с дровами служит кизяк.

* * *

По характеру застройки обследованные нами селения Ульяновской области не составляют единой группы. В селах Еделево и Мордовская Темрязань постройки более усовершенствованные, чем в с. Старая Бесовка. Это выражено в наличии фундамента, лучшим материале покрытия, постройке коридора и крыльца на улице, высоком проценте пятистенных домов и домов с приделами, лучшей внутренней отделке помещения и т. д. В то же время в постройках этих двух сел ярче, чем в с. Старая Бесовка, выражены южнорусские черты: постановка дома параллельно улице, высокий процент четырехскатных крыш, преобладание двурядной связи с покоеобразной застройкой двора. Постройки с. Старая Бесовка стоят ближе к постройкам мордовских сел Киртели и Мордовские Каратаи. Их сближает расположение дома фасадом перпендикулярно улице, преобладание двускатной соломенной крыши, боковое расположение входа, высокий процент бревенчатых сеней, преобладание однорядной связи двора с домом, отсутствие мазанок и «виходов» и др.

Наряду с этим в постройках с. Старая Бесовка встречаются черты, которые характерны для мордовских сел Куйбышевской области, а именно: сплошная наружная и внутренняя обмазка стен дома, плетневые сени с земляным полом, уменьшение декора, топка кизяком и некоторые другие особенности. Таким образом, постройки мордовских сел Ульяновской области являются как бы переходными от северной группы к более южной.

Куйбышевская область

Постройки мордвы-эрзи в с. Старый Байтермиш

В районе расположения с. Старый Байтермиш имеется несколько сел с мордовским населением: Старые Сосны, Маклауш и др. Этот район находится в северо-восточной части Куйбышевской области на границе с Татарской АССР и Оренбургской областью, вблизи Башкирской АССР.

Постройки с. Старый Байтермиш по многим признакам отличаются от построек в мордовских селах Татарской АССР и Ульяновской области.

Село широко раскинулось в долине небольшой речки Байтермиш, окруженной высокими холмами. Зелени в самом

с. Старый Байтермиш почти нет, но некоторые холмы вблизи села покрыты лесом. Село состоит из трех основных улиц с двухрядной застройкой и беспорядочно разбросанных на склонах групп домов и отдельно стоящих жилых построек (рис. 11).

По словам местных старожилов, поселение возникло здесь в середине XVII в. В списке населенных мест на 1859 г.

Старый Байтермиш значится как деревня Бугурусланского уезда. В ней было 125 дворов и 967 жителей — крестьян казенного и удельного ведомства⁹.

В 1958 г. в с. Байтермиш насчитывалось 184 двора. Свое наименование деревня получила от имени первого поселенца — татарина Термиша, сына бая. Плодородные земли леса, богатые зверем и птицей, наличие реки — все это постепенно привлекало новых поселенцев. Здесь обосновывались мордва, русские, чуваши. Однако рельеф местности не позволял разрастаться поселку. С увеличением населения из с. Байтермиш отделились выселки. Так, например, чуваша переселились в Боригор*, и теперь там большое село; русские образовали выселки Подгорный Дол и Владимировку; мордва основала поселок под названием Новый Байтермиш, а первоначальное поселение стало называться Старым Байтермишем.

Жилые дома в с. Байтермиш, как и во всех ранее описанных селениях, на 95 % рубленые. Высота срубов в среднем 12 — 13 венцов. Значительная часть домов (22 %) стоит на каменном фундаменте. Основное отличие их от жилых построек ранее описанных селений в том, что почти все избы в с. Старый Байтермиш имеют сплошную глиняную обмазку снаружи и внутри. Многие жилые постройки, кроме того, снаружи побелены (рис. 12).

Соотношение типов домов здесь также иное, чем, например, в с. Старая Бесовка, Еделево или Киртели. Преобладает четырехстенка (63 %), но одновременно высокий процент и

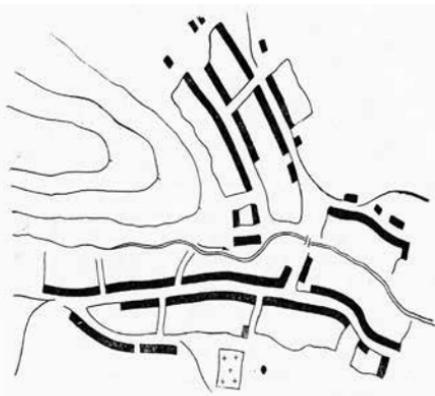

Рис. 11. План с. Старый Байтермиш
Куйбышевской области, 1958 г.

⁹ См.: Списки населенных мест... Самарская губерния. С. 45.

* Правильно: Борискино-Игар.

Рис. 12. Пятистенный дом со сплошной наружной глиняной обмазкой (с. Старый Байтермиш Куйбышевской области). Зарисовка с натуры М. Р. Семашкевич, 1958 г.

пятистенных домов (35 %). Трехраздельных домов здесь нет.

В с. Старый Байтермиш мы впервые встретили преобладание домов, стоящих фасадом параллельно улице (71 %).

Крыши почти у всех четырехскатные (92 %), покрытые соломой внатруску, с продольно положенными поверх слегами.

Самую большую группу здесь, как и в с. Старая Бесовка, составляют дома, имеющие по два окна на улицу (36 %), на втором месте стоит группа домов, имеющих четыре окна на улицу (29 %). Встречаются и дома, не имеющие окон на улицу (4 %).

На домах в с. Старый Байтермиш почти нет резьбы, столь характерной для построек в мордовских селах Горьковской и Ульяновской областей и отчасти Татарской АССР.

Почти к каждому жилому помещению пристроены сени, чаще всего они бревенчатые (80 %), с деревянным полом, без потолка. Много и плетневых сеней с земляным полом. Но почти не встречаются тесовые сени, столь широко распространенные в с. Еделево и Мордовская Темрязань Ульяновской области.

Дома в с. Старый Байтермиш по расположению входа также отличаются от построек во всех ранее описанных селах. Большая половина их в с. Старый Байтермиш имеет вход с задней, торцевой, стороны (60 %); на втором месте по численности стоят дома, у которых вход в сени расположен сбоку (38 %), и только в редких случаях (2 %) встречается вход с улицы. Постройки, имеющие крыльцо на улицу и коридор, идущий параллельно дому, составляют исключение. Палисадники распространены примерно так же, как и в с. Старая Бесовка, то есть их имеет $\frac{1}{5}$ домохозяев.

Внутренняя планировка такая же, как и во всех других обследованных мордовских селах. Везде принят тот же среднерусский план. Полоты в домах встречаются очень редко. Отапливается изба русской печью. Кроме нее, имеется подтопок для дополнительного обогрева избы зимой. Топливом служит кизяк, реже дрова. Избы разгорожены. Если печь отделена дощатой перегородкой, место перед печью называет-

ся чуланом, а если только кирпичной печью, то это место называется «пецька икелькс» (печной угол).

Более чем у половины домохозяев дворы не огорожены; расположение хозяйственных помещений — хлева, сарая, погреба — беспорядочное.

Наряду с беспорядочной застройкой встречаются усадьбы, на которых рядом с домом огорожен двор, а хозяйственные постройки, за исключением погреба, пристроены сзади дома в одну линию, то есть составляют с ним однорядную связь. Значительно реже дворы застроены глаголем и еще реже — покоем.

Хозяйственные помещения построены преимущественно из самана, плетня и обмазаны глиной, реже встречаются бревенчатые постройки. Погреб имеют большинство домохозяев (74 %). В большинстве случаев наземная часть погреба состоит из жердей, поставленных в форме конуса и покрытых корьем или соломой (рис. 13). Иногда погребица представляет собой двухскатный шалаш, а у некоторых над погребом сделана насыпь с люком в середине, окруженная невысокой плетневой изгородью. Мазанок в селе нет. «Виходы» здесь называют подвалами. Они представляют собой полуземлянки, углубленные в землю на 40 — 50 см, с передней стенкой, сложенной из камня. Крыша на них двухскатная, крытая дерном. В подвалах спят летом и хранят от пожара наиболее ценное имущество. Дверь у них двойная: внешняя железная и внутренняя деревянная, решетчатая.

Баню имеют обычно одну на три-четыре дома. Многие из них топят по-черному, но в некоторых сложены печи с дымоходами.

Постройки мордвы-эрзи в с. Малый Толкай

Село Малый Толкай расположено южнее с. Старый Байтермиш. Постройки их очень близки по типу, но в Малом Толкае они богаче и более усовершенствованные. Как и в с. Старый Байтермиш, дома здесь рубленые, обмазанные снаружи и внутри глиной и побеленные, но почти половина их (49 %) с фундаментом. Больше, чем в с. Старый Байтермиш, здесь и пяти-

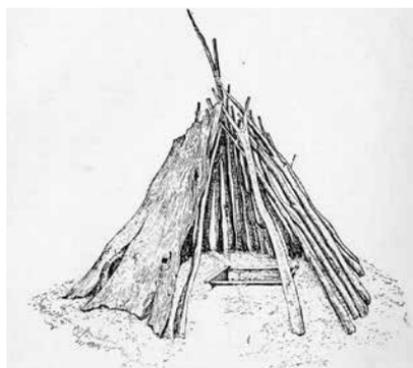

Рис. 13. Погреб с конической крышей (с. Старый Байтермиш Куйбышевской области). Зарисовка с натуры М. Р. Семашкевич, 1958 г.

стенных домов. Трехраздельных жилых построек, состоящих из жилой избы, сеней и клети, в с. Малый Толкай не было, редко строили здесь и дома с приделами. Подавляющее большинство изб стоит параллельно улице (74 %). Крыши, как и в с. Старый Байтермиш, на большинстве домов (80 %) четырехскатные, но крыты они железом, черепицей или шифером.

Расположение окон по отношению к улице такое же, как и в с. Старый Байтермиш. Наиболее часто дома имеют два окна на улицу (33 %), несколько реже — четыре окна (19 %), но здесь выше процент больших домов, имеющих по улице пять-шесть окон (9 %). В то же время в с. Малый Толкай есть целый ряд домов, украшенных резьбой, тоже очень мало, но все же несколько больше, чем в с. Старый Байтермиш. Пристроенные к жилому помещению сени и здесь в основном бревенчатые и плетневые.

Вход в дом расположен обычно с задней или с боковой стороны. Вход с улицы встречается очень редко. Крылец на улицу, как и в с. Старый Байтермиш, не делают. Процент жилых построек с палисадниками в этих двух селах примерно одинаковый.

Внутренний план дома, как и в других мордовских селах, среднерусский. Стены в кухне и в горнице почти всегда оштукатурены и оклеены обоями, полы в большинстве случаев покрашены. В четырехстенных домах угол с печью всегда отделен; в пятистенных домах, состоящих из двух жилых помещений, одно, где стоит русская печь, используется как кухня, второе служит спальней, в нем вместо русской печи

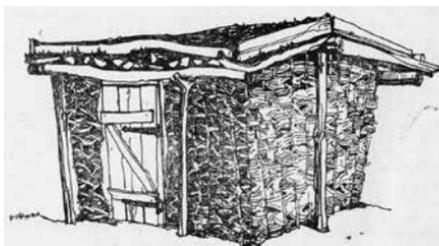

Рис. 14. Плетневый сарай для мелкого домашнего скота (с. Малый Толкай Куйбышевской области). Зарисовка с натуры М. Р. Семашкевич, 1958 г.

стоит голландка. Обстановка в домах уже городская — покупная мебель фабричного производства: никелированные кровати, стулья, шкафы, этажерки, мягкие диваны и т. д.

Типы дворов и хозяйственных построек в с. Малый Толкай такие же, как в с. Старый Байтермиш (рис. 14).

* * *

При сравнении построек в с. Старый Байтермиш и Малый Толкай с постройками в ранее описанных селах Горьковской и Ульяновской областей и Татарской АССР видно, что они

имеют своеобразные черты. Для них характерны сплошная глиняная обмазка и побелка стен дома, преобладание четырехскатных крыш, более широкое применение в качестве строительного материала камня, глины и плетня, постройка дома параллельно улице, наличие у ряда изб плетневых сеней, широкое распространение открытого двора с разбросанными на нем постройками. Все эти черты свойственны южно-русским крестьянским постройкам. Внутренняя же планировка жилищ устойчиво продолжает оставаться среднерусской.

Оренбургская область

Постройки мордвы – эрзи и мокши в с. Пронькино

Село расположено вблизи р. Большой Бугуруслан на северо-западе Оренбургской области, почти на границе с Куйбышевской. В списке населенных мест на 1859 г. Пронькино значилось как деревня Пронкина при р. Большой Бугуруслан. Населена она была казенными крестьянами, в ней было 122 двора¹⁰. В 1958 г. Пронькино было селом, в нем числилось 200 дворов. Население его состоит из мордвы-мокши и мордвы-эрзи, живущих на разных концах села (рис. 15).

У представителей старшего поколения сохранились воспоминания, что их предки переселились сюда в XVIII в. из Пензенской губернии. Название деревни было дано по имени первого поселенца.

Планировка села уличная. Оно состоит из нескольких двухрядных улиц, направление которых определяется течением р. Бугуруслан.

Постройки с. Пронькино очень близки к постройкам сел Старый Байтермиш и Малый Толкай. Почти все дома в с. Пронькино рубленые, со сплошной глиняной обмазкой; многие дома, кроме того, побелены снаружи и внутри (рис. 16). Высота срубов в среднем 12 — 14 венцов. Обилие камня в окрестностях с. Пронькино способствовало тому, что у многих крестьян дома поставлены на фундамент (71 %). Наиболее распространенный тип дома — четырехстенки (67 %), на втором месте стоит пятистенки (32 %). Дом с приделом встречается очень редко. Трехраздельных домов здесь совсем не было.

Половина домов стоит параллельно улице, остальные — перпендикулярно. Крыши преимущественно четырехскатные.

¹⁰ См.: Списки населенных мест.... Самарская губерния. С. 47.

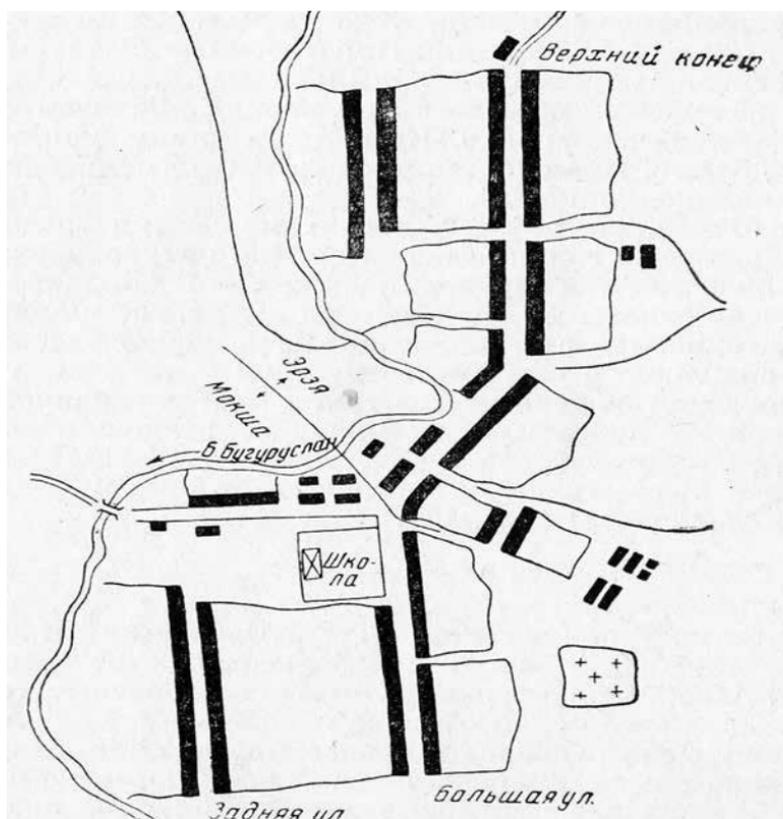

Рис. 15. План с. Пронькино Оренбургской области

Рис. 16. Дом с глиняной обмазкой
(с. Пронькино Оренбургской области)

На старых домах в 1958 г. еще кое-где сохранялись соломенные крыши, новые дома кроют в большинстве случаев шифером.

Как и в мордовских селах Куйбышевской области, здесь преобладают дома с двумя и четырьмя окнами на улицу. Очень немного и декоративных украшений на жилых постройках.

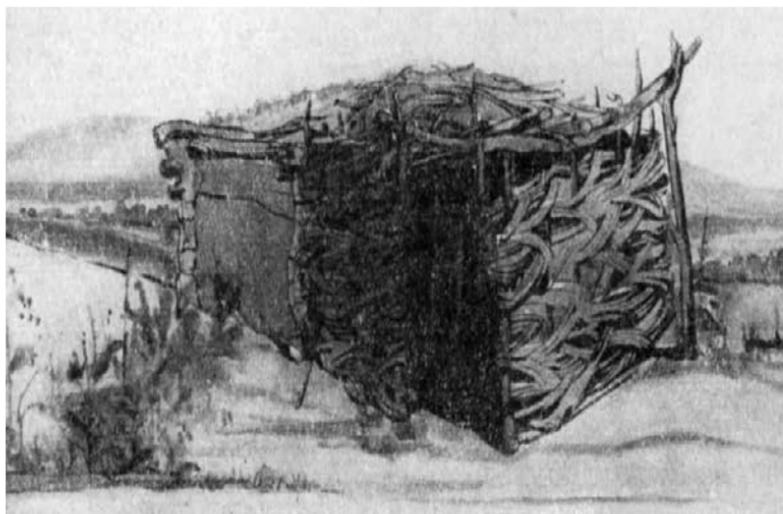
Плетневых сеней в с. Пронькино даже больше, чем бревенчатых, а сбитых из теса почти нет. Расположение входа в домах такое же, как в с. Старый Байтермиш и Малый Толкай, то есть с задней или боковой стороны дома. Крылец на улицу и здесь строить не принято. Палисадников немного. Внутренняя планировка и убранство изб такие же, как в мордовских селах Куйбышевской области.

Надворные постройки чаще плетневые, сложенные из камня и самана (рис. 17). Дворы преобладают открытые с разбросанными на них хозяйственными постройками. Мазанок в селе нет, виходы-подвалы встречаются изредка.

Аналогичного характера крестьянские постройки и в других мордовских селах Оренбургской области — Сапожкино, Мордовская Бокла, Молчановка.

Подворное обследование с. Пронькино показало, что постройки этого и соседних с ним сел могут быть объединены в одну группу с постройками обследованных нами сел Куйбышевской области.

*Рис. 17. Плетневая баня с плоской земляной крышей (с. Пронькино Оренбургской области).
Зарисовка с натуры М. Р. Семашкевич, 1958 г.*

Пензенская область

Постройки мордвы-мокши в с. Вязовка

Село Вязовка расположено в восточной части Пензенской области. Первые пришельцы построили свои жилища около большого вяза и назвали новое поселение Вязовка — так рассказывается в предании о возникновении села. Недалеко от него находится старинное мокшанское кладбище, на котором хоронили мордву-мокшу из всех окрестных деревень. В настоящее время кладбище заброшено, и на нем уже давно никого не хоронят.

Население с. Вязовка состоит из мордвы-мокши. В 1957 г. в селе было 160 дворов.

Село расположено по двум сторонам большого оврага и состоит в основном из трех улиц. Каждая улица имеет свое название: Одвеле — новый конец, Алопе — нижний конец, Вирыялкс — улица, идущая по направлению к лесу («виры» по-мокшански — лес).

Реки около села нет, воду берут из колодцев. В старину при возникновении деревни в овраге били ключи, но когда вырубили лес близ селения, ключи иссякли. На изобилие здесь в прошлом леса указывает и название самого села.

Дома в с. Вязовка почти все деревянные (92 %). Срубы старых домов — из дуба и липы; среди домов позднейшей постройки встречаются срубы и из осины. Преобладают избы без обмазки, и только у некоторой части домов (17 %) пазы промазаны глиной. За последние 20 — 30 лет многие домохозяйства стали обшивать наружные стены дома тесом-вагонкой или зашивать углы, чтобы по возможности предохранить сруб от гниения. В 1957 г. в селе было несколько саманных изб. Но рубленую избу всегда предпочитали саманной, так как в саманной избе зимой было холоднее и в нее чаще и скорее проникала сырость. Правда, она обходилась несколько дешевле, но для изготовления самана необходимо было устраивать помочь, а кроме того, нужна была лошадь, чтобы месить глину.

Больше половины всех домов (52 %) стоит на деревянных стульях и имеет завалинки. Остальные, построенные преимущественно в последние 10 — 15 лет, — на каменном фундаменте. Строят дома в с. Вязовка местные плотники, которые издавна славятся своим мастерством по всей округе; они ставят избы и в соседних селах.

Техника рубки — «в угол». Размеры срубов чаще 5 x 5 м и 6 x 7 м.

Наиболее распространен четырехстенный дом с пристроенными к нему сзади сенями (65 %); на втором месте по чис-

ленности ряд домов с приделом (29 %). Пятистенных домов в 1957 г. было всего 6 %, а трехраздельных домов совсем не было.

Почти все избы (94 %) в с. Вязовка стоят перпендикулярно улице (рис. 18), то есть иначе, чем в с. Старый Байтермиш, Малый Толкай и Пронькино. И крыши здесь преобладают двухскатные, а не четырехскатные, хотя Вязовка и расположена южнее названных сел. Крыши на старых домах соломенные, обмазанные сверху глиной для предохранения от пожара. Новые дома большей частью покрыты железом или шифером.

Рис. 18. Распространенный тип дома с пристроенным к нему сбоку закрытым двором (двухрядная связь) в с. Вязовка Пензенской области.
Фото автора, 1957 г.

Почти все постройки, за редким исключением, имеют на улицу три окна. Почти все дома украшены резьбой. В основном это пропиловка, а также накладные украшения. В орнаменте встречаются современные эмблемы: звезда, серп, молот. Часто на фронтоне дома изображены расходящиеся лучи. На некоторых домах указана дата постройки.

К каждому дому пристроены сени. Они преимущественно бревенчатые (80 %), тесовых сеней в с. Вязовка значительно меньше, чем, например, в селах Ульяновской области, и больше, чем в селах Куйбышевской и Оренбургской областей. Плетневые сени встречаются редко (4 %). Вход в сени, как правило, с боковой стороны. Крыльцо на улицу, соединенное с коридором, столь характерное для построек Ульяновской области, здесь в 1957 г. имели еще немногие дома (10 %), но уже явно наметилась тенденция к его распространению, так как все дома, построенные за последние два-три года, были с крыльцом на улицу и палисадником перед окнами.

Внутренний план дома здесь, как и во всех других описанных мордовских селах, тоже среднерусский. Изба отапливается русской печью. Топят в с. Вязовка дровами. Печи у всех кирпичные, глинобитные исчезли в с. Вязовка лет 50 — 60 назад, одновременно с топкой по-черному. С переходом к топке по-белому в начале XX в. в избе дополнительно к русской печи стали топить маленькую печку; вначале это была железная времянка, которую на лето убирали, а затем, уже с 1930-х гг., ее сменила кирпичная печь типа голландки. У некоторых в голландку вмазана плита, на которой готовят пищу, особенно летом, когда можно не топить русскую печь.

В каждой избе имеется подполье. Вход в него устраивался обычно под печью. В избах, построенных за последние годы, стали чаще делать люк в полу против печи.

Избы разгорожены. Часто в качестве перегородки используют голландку, соединяя ее с русской печью кирпичной аркой, внутри которой проходит дымоход (рис. 19). Место перед печью [у] мокши называется «мрга» или русским термином «чулан».

Во многих домах в 1957 г. еще сохранялись полаты, но они настланы уже значительно выше, чем в старину. На них не спят, а только хранят одежду и различные мелкие вещи домашнего обихода. Спят на кровати, которая обычно стоит под полатами, а также на широких неподвижных лавках — «эзем», которые пристроены к стенам. В некоторых домах, правда, очень редко, встречается «коник» — неподвижная широкая лавка около двери, она тоже используется для сна. Иногда встречается в некоторых домах и самодельный шкаф — «потмар», в котором хранят посуду, хлеб, соль и остатки пищи от обеда. Он стоит почти всегда около печи у боковой стены.

В домах с приделом и пятистенках описанное убранство помещения относится к кухне. Передняя же комната обставлена городской фабричной мебелью и отапливается голландской печью.

Застройка двора и связь дома с хозяйственными постройками самая разнообразная. Часто хозяйственные постройки

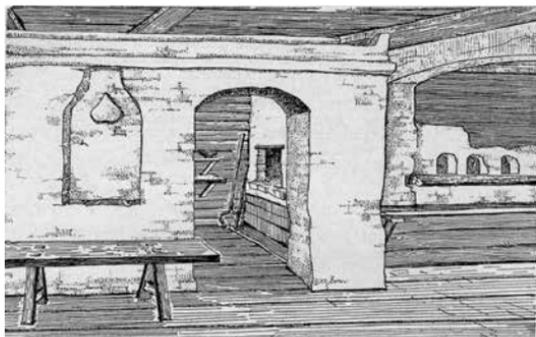

Рис. 19. Внутренняя планировка избы. Голландская печь с дымоходом, заключенным в кирпичную арку, отгораживает кухню от жилой части избы (с. Вязовка Пензенской области). Зарисовка М. Р. Семашкевич, 1957 г.

стоят отдельно от дома на открытом неогороженном дворе. У некоторых они пристроены сзади к дому в один ряд с ним или примыкают к дому под прямым углом (глаголем) либо расположены параллельно дому, образуя прямоугольник, который замыкается с улицы воротами с калиткой.

Сараи для сена и дров, хлева для скота строят из плетня, самана и бревен, крыша обычно соломенная.

Погреба имеются почти при каждом доме. Они часто стоят на улице против окон дома. Здесь же расположена и кладовая, иногда каменная под железной крышей или глинобитная под соломенной крышей. У некоторых домохозяев кладовой служит «виход».

Бани теперь с кирпичными печами. Печь стоит обычно при входе около стены и горном обращена к маленькому окну, прорубленному в боковой стене сруба (западнорусская планировка).

Экспедицией были обследованы и другие расположенные поблизости от с. Вязовка мордовские деревни и села: Пичелейка (мордва-мокша), Кардафлей (мордва-эрзя), Водолей (мордва-мокша), Нижний Катмис (мордва-мокша), Ега (мордва-эрзя). Жилые и хозяйственные постройки в них очень близки к постройкам с. Вязовка, независимо от того, какое в них население — эрзянское или мокшанское. В то же время следует отметить, что в с. Ега некоторые новые дома рублены «в лапу». Здесь больше, чем в с. Вязовка, домов, обшитых тесом. В с. Кардафлей, Пичелейка, Нижний Катмис чаще, чем в с. Вязовка, встречаются дома с приделами и пятистенки. Здесь почти нет изб под соломенными крышами, больше домов покрыты тесом. На сельских улицах, как и в с. Вязовка, много «виходов», мазанок и кладовых из камня.

Постройки мордвы-мокши в с. Пиксанкино

Село Пиксанкино расположено в южной части Пензенской области. В списке населенных мест, по сведениям 1859 г., в нем значится 101 двор казенных крестьян и одна православная церковь¹¹. В 1957 г. в с. Пиксанкино было 265 дворов.

Планировка села уличная. Кроме основной улицы, возник так называемый новый порядок, состоящий из группы домов, построенных без всякого плана на месте старых крестьянских гумен. Живет здесь мордва-мокша.

Постройки в с. Пиксанкино по типу и внешнему виду очень близки к постройкам с. Вязовка. Все жилые дома деревянные, без обмазки, встречаются обшитые тесом и с зашитыми тесом

¹¹ См.: Списки населенных мест Российской империи. Вып. 38 : Саратовская губерния по сведениям на 1859 г. СПб., 1862. С. 66.

углами. Население, как и раньше, предпочитает ставить избы из соснового леса. В случае недостатка сосны пользуются и осиной, но все же пол, потолок и рамы стараются делать из хвойных древесных пород.

Все дома в с. Пиксанкино, как и в с. Вязовка, построены местными плотниками. За последние 10 — 15 лет стали появляться дома на каменном фундаменте, но все же чаще сруб, по традиции, продолжают ставить на дубовых стульях, а пространство между ними заваливают камнями или загораживают деревянным заборником. Вокруг дома насыпают завалинку. Техника рубки — «в угол». Высота сруба в среднем 14 — 15 венцов. Размеры срубов различны: 5 х 6 м; 6 х 7 м или 6 х 8 м. Полы в избах дощатые, настелены низко, примерно на высоте 0,5 м от земли.

Преобладают четырехстенки, состоящие из избы и пристроенных к ней сеней, по большей части тесовых. Вход в сени сбоку, обычно со двора. В домах, построенных за последние 5 — 10 лет, стали выделять перегородкой кухню и горницу. Довольно много домов с приделами.

В с. Пиксанкино идет интенсивное строительство жилых домов; колхозники ставят по большей части пятистенные дома. Весьма распространены здесь также, наряду с боковым входом, коридор и крыльцо на улицу под двухскатной крышей на столбах.

Дома стоят по большей части перпендикулярно улице и имеют по фасаду три окна. Преобладают двухскатные крыши, на более старых домах соломенные, а на новых — тесовые или из шифера.

Распространены резные украшения на фронте, наличниках окон и скатах крыши.

Внутренний план в избах преимущественно среднерусский. Реже, но все же встречается и западнорусский план, при котором печь, как и при среднерусском, стоит в одном из углов при входе, но челом обращена к боковой стене, выходящей в проулок или во двор. Красный угол при таком расположении остается, как и в среднерусском плане, против двери.

Русские печи в избах сложены из кирпичей (глинобитных печей население уже не помнит). Избы с топкой по-черному окончательно исчезли в с. Пиксанкино в 1910 — 1911 гг.

Лаз на печь сбоку, по деревянным приступкам. В некоторых избах нижняя приступка — «шалгом ланга» довольно широкая, в 35 — 40 см, она напоминает старинную «казенку» — специальную деревянную пристройку возле печи.

В некоторых старых избах еще можно увидеть «вяльдерме» — небольшое окно, которое служило для выхода дыма при топке по-черному. Оно устраивалось близко к потолку в боковой стене дома над напечьем.

Наряду с русской печью в каждой избе стоит дополнительная кирпичная печка. У всех домохозяев имеется подполье — «каська». Вход в подполье обычно устроен под печью, как и в с. Язювка (рис. 20).

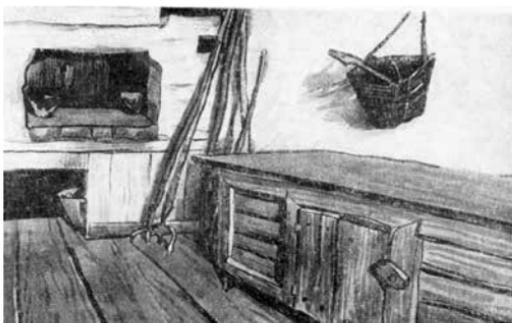

Рис. 20. Вход в подполье под печью, у стены «потмар» в виде ларя (с. Пиксанкино Пензенской области). Зарисовка с натуры Е. М. Золотарева, 1957 г.

Полати — «балка ланга», так же, как и пристенные лавки — «эзем», сохранились только в старых избах. У боковой стены (в кухне) стоит обычно «потмар», наподобие зашитого досками со всех сторон ларя; в горнице часто можно встретить крашенный деревянный диванчик — все эти вещи сделаны местными мастерами.

Стены внутри избы оштукатурены, а затем покрашены или оклеены обоями. На окнах почти у всех занавески из тюля и цветы. На стене висят часы-ходики и зеркало, украшенное полотном с красными вышитыми или затканными концами.

Дворы в с. Пиксанкино открытые, в виде замкнутого прямоугольника. Заднюю часть двора занимает навес, под которым расположены хлева и сарай.

Ворота, ведущие с улицы во двор, чаще одностворчатые под двухскатной крышей, которую поддерживают массивные деревянные столбы. Надворные постройки в основном бревенчатые, а у некоторых они построены из плетня или самана.

Почти у каждого колхозника имеется погреб, над которым обычно сооружен двухскатный шалаш, а иногда этот погреб только огорожен плетнем. На улице против дома у многих колхозников стоит виход или мазанка.

Бани в с. Пиксанкино общие на два-три дома. Печь-каменка стоит около двери, ее горно обращено к маленькому окну в боковой стене. Такая планировка бань у мордвы наиболее распространена. Предбанник часто плетневый.

Постройки мордвы-мокши в с. Пичевка

Жители с. Пичевка и окрестных селений Козловка, Корсаевка и Линевка составляют самую южную группу мордвы-мокши, которая ранее была известна под общим названием чембарской мордвы, так как все эти селения относились к Чембарскому уезду.

Постройки этой группы мордвы сохраняют до наших дней более южные черты, по сравнению с постройками некоторых других групп, живущих на территории Мордовской АССР, Горьковской и Ульяновской областей.

В этих поселениях насчитывается 350 домохозяев. В настоящее время для них характерно рубленое, довольно низкое

Рис. 21. Бревчатый дом со сплошной глиняной обмазкой (с. Пичевка Пензенской области). Фото автора, 1957 г.

двухраздельное жилище (изба + сени) с промазанными глиной пазами, а иногда и сплошной внешней обмазкой стен глиной (рис. 21).

Иногда здесь встречаются саманные и даже плетневые избы.

Трехраздельное жилище, которое широко бытовало здесь еще в первой четверти XX в., в

1957 г. уже не встречалось. После 1930-х гг. многие колхозники поставили пятистенки. Избы по большей части расположены параллельно улице, и вход в них через сени тоже с улицы. Дома, поставленные перпендикулярно улице, составляют примерно одну треть всего жилого фонда с. Пичевка. Размер избы чаще 5 х 5 м или 6 х 6 м. Рубят избы «в угол». Высота сруба 14 — 15 венцов. Почти все они без фундамента. На улицу выходит чаще два окна. Окна без ставен. Наличники с незатейливой резьбой, и то не у всех. Крыши преимущественно четырехскатные на стропилах, но встречаются и двухскатные. Старые избы крыты соломой, на новых домах, построенных после 1950 г., крыши из железа или шифера.

Наряду с рублеными и тесовыми сенями часто встречаются плетневые с земляным полом. Во внутренней планировке дома как новое явление последних лет следует отметить выделение кухни и чистой половины, тогда как еще в 1920-х гг. избы в с. Пичевка были в основном не разгорожены.

Внутренняя планировка в избах четырех видов. Наиболее широко распространена южнорусская в ее западном подтипе. Печь стоит в дальнем углу избы против двери, ее устье обращено к боковой стене, красным углом считается угол у двери.

Восточный подтип южнорусской планировки в основном встречается в старых избах. Печь стоит также в дальнем углу, только ее устье обращено к входной двери, красный

угол на том же месте, как и в западном подтипе, только теперь его выделяют редко, лишь в избах старой постройки. Эта планировка вообще наиболее архаичная, так как содалась она в то время, когда не было окон, и свет проникал только через дверь. Такой план встречается и в мордовских банях.

Третий вид — западнорусский: печь расположена при входе в одном из углов задней стены, а ее чело обращено к боковой стене. Красный угол находится в дальнем углу против двери по диагонали от печи. Такая планировка избы позволяет легко отделять кухню от чистой половины. Наряду с южнорусской планировкой она часто встречается у жителей с. Пичевка. Среднерусская же планировка, распространенная во всех других описанных нами выше мордовских селах, в с. Пичевка применяется значительно реже, преимущественно в домах, построенных в последние годы.

В каждом доме наряду с русской печью имеется голландка или небольшая кирпичная печь-подтопок.

Подполья во многих домах нет. Полы в избах деревянные, но настланы они очень низко, почти на земле (на втором венце). В последние годы их стали делать более тщательно. Теперь их часто моют, а в некоторых домах полы крашенные.

Предметы убранства старой мокшанской избы уже почти исчезли. «Полати», «кершпиль», «коник» и «потмар» встречаются как исключение. Пристенные лавки и полки в избах и здесь постепенно исчезают, заменяются мебелью фабричного производства.

Дворы в с. Пичевка открытые и почти везде огорожены плетнем. Надворные постройки часто тоже из плетня с обмазкой из глины или из самана. На улицах села в ряд против изб расположены мазанки и входы для хранения имущества, а также погребя.

Как новое явление следует отметить постройку колхозной и школьной бани; раньше бани у населения здесь не было, мылись дома в русских печах.

Постройки в соседних мордовских селах мало отличаются от пичевских.

* * *

Исследование мордовских сел Пензенской области показало, что в селах, расположенных в восточной части области, мордовские постройки повторяют русское жилище средней лесостепной полосы. Обособленную группу составляют постройки в наиболее южной части области, где значительно больше южнорусских черт в жилище.

Заключение

Обобщая результаты обследования мордовских селений, мы пришли к следующим выводам.

Для мордвы, живущей за пределами Мордовской АССР, наиболее характерны овражно-долинный тип расселения и крупные села с двухрядной уличной планировкой.

Подворное обследование позволило выявить три группы жилых домов и хозяйственных строений, определяющих характер застройки мордовских сел в разных районах. Условно назовем эти группы северной, южной и средней.

К первой группе следует отнести жилые и хозяйственные постройки более северных районов исследованной нами территории, с Малое Сескино и Иванцево Горьковской области; Мордовские Каратаи, Киртели, Урюм и др[угие] Татарской АССР; Старая Бесовка и Александровка Ульяновской области.

К южной группе относятся постройки в с. Старый Байтермиш, Старый Маклауш, Старые Сосны, Малый Толкай Куйбышевской области; Пронькино и Сапожкино Оренбургской области; Пичевка и Козловка Пензенской области.

Среднюю, или промежуточную, группу составляют постройки в с. Еделево и Мордовская Темрязань Ульяновской области; Пиксанкино и Вязовка Пензенской области.

При группировке построек были взяты за основу следующие, по нашему мнению, основные признаки: 1) тип жилого дома; 2) наличие сплошной наружной глиняной обмазки; 3) расположение дома по отношению к улице; 4) расположение входа по отношению к улице; 5) форма крыши; 6) наличие сеней и материал, из которого они построены; 7) внутренняя планировка жилого дома; 8) тип двора и связь хозяйственных построек с домом.

В жилых постройках северной группы, как и в двух других группах, преобладает двухраздельный дом (изба + сени), но наряду с ним в этой группе еще достаточно широко по отдельным селам (Иванцево, Мордовские Каратаи) бытует трехраздельный дом (изба + сени + клеть). Дома с приделом и пятистенные дома не составляют значительного процента в жилом фонде этой группы.

Наружная сплошная глиняная обмазка здесь отсутствует; частично встречаются избы с промазанными глиной пазами. Дома в подавляющем большинстве расположены фасадом перпендикулярно улице. Крыша двухскатная. Сени бревенчатые в виде прируба. Вход в сени, как правило, с боковой стороны (по отношению к улице).

Встречаются местами двухэтажные дворы (села Иванцево, Малое Сескино). Преобладает однорядная связь дома с хозяйственными постройками.

Постройки этой группы имеют черты, характерные для русских крестьянских жилищ более северных, лесных районов средней полосы Русской равнины.

Жилые постройки второй группы резко отличаются от первой группы. В обследованных нами селах Куйбышевской и Оренбургской областей наряду с четырехстенными очень широко распространены пятистенные дома и совсем нет трехраздельных домов. Почти все жилые дома этой группы имеют наружную глиняную обмазку, чаще сплошную и реже — только пазов. Преобладают дома, стоящие параллельно улице, покрытые четырехскатными соломенными крышами. Здесь очень мало, а в некоторых селах и совсем нет резьбы, столь разнообразной на постройках первой группы. Наряду с бревенчатыми широко распространены плетневые сени. Вход в сени обычно с задней, реже с боковой стороны. Крыльца, выходящие на улицу, очень редки (исключение в этом отношении составляют с. Пичевка и Козловка Пензенской области, где вход в сени часто устраивается с улицы).

Внутренняя планировка в мордовских селах Куйбышевской и Оренбургской областей остается, однако, как и в селах первой группы, среднерусская, и только в с. Пичевка и Козловка преобладает южнорусская, главным образом ее западный подтип. Распространен открытый двор с плетневыми и саманными хозяйственными постройками, стоящими вне связи с домом.

Постройки второй группы принадлежат самой южной группе мокшанского населения и мордве-мокше и эрзе, переселившимся из основных районов своего обитания в заволжские степи. По большинству своих черт жилые и хозяйственные постройки районов, входящих во вторую группу, могут быть отнесены к южнорусскому типу, хотя частично и сохраняют признаки, характерные для среднерусских построек (внутренняя планировка, наличие деревянного пола в избах и т. д.).

Постройки третьей, промежуточной, или средней, группы, выделяются не так отчетливо, как первой и второй. По одним признакам они близки к постройкам северной группы, по другим — к южной. Например, наряду с преобладанием четырехстенного дома здесь много и домов с приделами, а трехраздельные дома можно встретить крайне редко. Сплошная глиняная обмазка отсутствует. Изб с промазанными глиной пазами также немного (6 — 9 %). Около половины домов этой группы стоит параллельно улице и имеет четырехскатную крышу (за исключением с. Вязовка). Много резьбы.

Для жилищ этой группы характерны тесовые сени и вход в них с боковой стороны дома или с улицы через крыльцо и коридор. Внутренний план и здесь продолжает оставаться среднерусский.

Застройка двора и связь хозяйственных построек с домом здесь очень разнообразны. Преобладает покоеобразная застройка двора, но встречается и открытый двор, с разбросанными на нем хозяйственными постройками, а также однородная связь и застройка двора глаголем.

Таким образом, жилые и хозяйственные постройки третьей группы наиболее близки к русским постройкам средней полосы и характерны для мордвы, живущей в переходных районах лесостепной зоны.

При изучении жилища и хозяйственных построек мордовского народа, живущего за пределами своей республики, каких-либо специфических особенностей в постройках мордвы-мокши, отличающих их от построек мордвы-эрзи, нами не обнаружено. Имеющиеся различия в застройке мордовских сел по отдельным районам объясняются не этнической принадлежностью их жителей, а, скорее, природными и климатическими условиями района, наличием строительного материала (леса, камня, глины и т. д.), развитием экономики района, близостью городских центров, развитием плотничьего мастерства и т. д.

С каждым годом старые традиционные черты мордовского жилища все больше стираются. Так, уходят в прошлое постановка избы фасадом во двор и глухой стеной на улицу, устройство лаза в подполье под печью, наличие в избе казенки и кершпиля, коника, потмара, обычай ставить против дома полуземлянку, выход для хранения имущества и т. д.

Современные жилые и хозяйственные постройки мордвы за пределами республики почти ничем не отличаются от построек русского населения соседних сел, с которыми мордва жила и живет в тесном общении в течение многих столетий¹².

Построенные в последние годы дома мордовских колхозников и по внешнему виду, и по внутренней планировке такие же, как и русских колхозников. Мордовские крестьяне теперь строят свои дома не только из дерева, но и из кирпича, глины, камня и шлакобетона (новые дома в с. Иванцево).

Меняется строительная техника: подводят под жилые дома каменный фундамент, обшивают наружные стены тесом, делают чистые углы сруба (рубка «в лапу»). Все чаще бревенчатые сени заменяют тесовыми. Крыши жилищ и хозяйственных построек вместо соломы покрывают шифером, железом

¹² Для ознакомления с постройками русского населения районов Поволжья см.: **Бусыгин Е. П.** Поселения и жилища русского сельского населения Татарской АССР // Совет. этнография. 1953. № 2; **Бусыгин Е. П., Зорин Н. В.** Русское население Чувашской АССР. Чебоксары, 1960; **Маслова Г. С.** Русские постройки Среднего Поволжья // Совет. этнография. 1953. № 1.

и черепицей. Трехраздельный дом постепенно отмирает. Получают широкое распространение крыльцо на улицу и коридор, идущий рядом с домом. Отгороженный в коридоре чулан заменяет клеть, существовавшую ранее в трехраздельном доме.

С каждым годом в мордовских селах все увеличивается процент пятистенных домов, а следовательно, и количество окон, выходящих на улицу.

Во внутренней планировке жилого дома русская печь продолжает устойчиво сохранять свое традиционное положение. Повсеместно наблюдается стремление разгородить помещение на несколько комнат. Для современного мордовского жилища указанных районов типично отделение печи и прилегающего к ней угла голландкой с дымоходом, заключенным в кирпичную арку.

Наблюдаются изменения во внутренней отделке стен и пола. Стены штукатурят, оклеивают обоями или белят, полы красят. Вместо самодельных шкафов, полок, пристенных неподвижных лавок и полатей появляется городская обстановка фабричного производства.

Открытый двор уменьшается, часть его запахивают, превращая в огород или сад. Помещения для скота и птицы пристраивают все чаще сзади в один ряд с домом.

Развитие жилых построек современного мордовского села идет по пути сближения их с городскими.

Итоги статистического обследования построек в мордовских селениях, находящихся за пределами Мордовской АССР, %

Типовые признаки	Горьковская область		Татарская АССР		Ульяновская область			Куйбышевская область		Оренбургская область	Пензенская область
	с. Иванцево, эрзя	с. Мордовские Каратаи, каратаи	с. Мордовские Каратаи, каратаи	с. Киртели, мокша	с. Мордовская Темрязань, эрзя	с. Еделево, эрзя	с. Старая Бесовка, эрзя	с. Старый Байтермиш	с. Мальный Толкай, эрзя		
1	2	3	4	4	5	6	7	8	9	10	11
Материал:											
дерево	98	100	100	100	100	100	98	95	100	99	92
глина, камень, плетень	2	нет	нет	нет	нет	нет	2	5	нет	1	8
Наличие фундамента:											
без фундамента, на ступях с завалинкой	90	100	100	100	57	63	100	78	51	29	52
с фундаментом	10	нет	нет	нет	43	37	нет	22	49	71	48
Наличие обшивки из теса или обмазки из глины:											
без обшивки и обмазки	88	61	50	50	84	91	63	1	нет	нет	77
обшивка из фанеры и теса	10	2	нет	нет	7	3	нет	нет	нет	нет	6
обмазка пазов	2	37	50	50	9	6	17	3	нет	нет	17
сплошная обмазка	нет	нет	нет	нет	нет	нет	20	96	100	100	100

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Тип дома:										
трехраздельный	35	43	4	3	нет	4	нет	нет	нет	нет
четырехстенок	58	43	86	61	81	56	63	60	67	65
пятистенок	5	14	5	4	8	6	35	40	32	6
дом с приделом	3	нет	5	22	11	34	2	нет	1	29
Расположение дома по отношению к улице:										
перпендикулярно	95	91	90	74	52	84	29	26	50	94
параллельно	5	9	10	26	48	16	71	74	50	6
Форма крыши:										
двускатная	95	94	85	62	58	84	8	20	13	96
четырехскатная	5	6	15	38	42	16	92	80	87	4
Материал покрытия:										
солома	нет	1	91	10	9	70	90	49	80	83
тес	90	77	7	87	90	27	нет	15	нет	4
железо, черепица, шифер и др.	10	22	2	3	1	3	10	36	20	13

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Количество окон, выходящих на улицу:										
одно	нет	4	3	нет	3	нет	17	4	8	нет
два	5	39	35	17	19	45	36	33	38	нет
три	90	54	56	62	44	43	12	15	24	98
четыре	2	1	2	8	19	7	29	19	27	2
пять и более	3	1	2	13	9	5	2	9	3	нет
без окон	нет	1	2	нет	6	нет	4	20	нет	нет
Наличие декора	96	79	56	53	62	45	нет	10	5	56
Наличие сеней	100	100	100	100	98	100	98	100	100	100
Материал сеней:										
бревенчатые	82	70	96	8	15	60	80	71	48	80
тесовые	18	25	4	92	83	37	1	4	2	16
плетневые	нет	5	нет	нет	нет	3	19	25	50	4
Расположение входа:										
с боковой стороны	80	92	92	24	27	70	38	28	48	90
с задней стороны	нет	нет	нет	нет	3	нет	60	72	50	нет
с улицы	20	8	8	76	70	30	2	нет	2	10

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Наличие крыльца на улицу	20	6	5	52	55	20	нет	нет	нет	10
Наличие палисадника	12	24	2	41	45	20	19	20	14	33
Типы застройки двора и связь с домом:										
однорядная	70	35	18	10	16	45	30	8	43	15
покообразная	25	36	8	18	36	4	2	нет	нет	6
глаголем	5	25	19	15	5	и	7	нет	10	18
разбросанная	нет	4	29	43	28	25	56	88	43	46
без двора	нет	нет	26	14	15	нет	5	4	4	15
Наличие хозяйственных построек:										
мазанок	нет	нет	нет	21	56	нет	нет	нет	нет	18
виходов	нет	нет	нет	нет	2	нет	8	нет	5	18
погребов	90	75	94	90	95	98	74	97	95	93

*Исследования
по материальной культуре
мордовского народа : тр. Мордов.
этногр. экспедиции.
1963. Вып. 2. С. 210 — 249.
(Тр. / АН СССР. Нов. сер.; вып. 86).*

ТРАДИЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕМОРДОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБРЯДАХ И ФОЛЬКЛОРЕ ТЕРЮХАН

Основным источником для данного сообщения послужили материалы, собранные нами в 1927 — 1928 гг. во время экспедиции к терюханам, организованной Центральным музеем народоведения в г. Москве.

В литературе этнография и фольклор терюхан освещены весьма слабо: работа А. В. Маркова «Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии» (Тифлис, 1914), статья М. Т. Маркелова и С. П. Толстова «К истории терюханской народной культуры» (Этнография. 1928. № 2). Несколько страниц отводит мордвотерюханам С. П. Толстов в своей брошюре «Нацмены ЦПО» (М., 1928).

В 1920-х гг. терюхане составляли население примерно двадцати пяти сел, которые административно входили в три волости Нижегородского уезда: Оранскую, Борисово-Покровскую и Дальнеконстантиновскую.

В те годы терюхане еще сохраняли свое национальное самосознание: называли себя мордвой, хотя и говорили по-русски. Название «терюхане» является литературным термином и связано, по-видимому, с названием села Большое Терюшево, возникшее, в свою очередь, по мнению М. Т. Маркелова, от мужского имени Теряй, Терюхай, Терюш¹.

Многовековое общение с русским народом, проживание с ним на одной территории, внедрение православия и крепостная зависимость наложили своеобразный отпечаток на материальную и духовную культуру, а также на народное творчество этой небольшой группы мордовского народа.

В сельском хозяйстве, домашних производствах (прядевании, ткачестве и промыслах по обработке кожи, меха и дерева), жилых и надворных постройках никаких специфических черт, отличных от сельского хозяйства, построек и промыслов соседнего русского населения, в 1920-х гг. у терюхан не наблюдалось.

Совсем иную картину мы наблюдали в одежде. Наряду с юбкой и кофтой, а также прямым так называемым москов-

¹ См.: **Маркелов М. Т., Толстов С. П.** К истории терюханской народной культуры // Совет. этнография. 1928. № 2. С. 107.

ским сарафаном и рубахой с прямыми поликами, или на кокетке, шелковым полушалком, или «головкой» с золотым шитьем, сохранялся и бытовал у женщин пожилого и среднего возраста свой терюханский наряд, выделявший эту группу населения не только среди русских, но и среди мордвы (мокши и эрзи). Отличие состояло в особом виде верхней холщовой, суконной и меховой одежды (шушпана, сермяги, шубы), характере орнамента, специфическом головном уборе — венце, своеобразной нагрудной заколке — сустуг, височных подвесках — плетнях и некоторых других деталях костюма.

Что касается духовной культуры и фольклора, то здесь, как и в одежде, мы находим несколько пластов, различных по происхождению и времени.

Православие, внедряемое с таким рвением служителями русской церкви, например Д. Сеченовым, несомненно, способствовало искоренению и забвению древней мордовской религии. В 1920-х гг. все терюхане были православными и формально выполняли обряды православной церкви. О старой своей «мордовской вере» сохранились лишь воспоминания и рассказы о том, когда на полях и в священных рощах устраивались общественные моления, как и у других финно-угорских народов (мари, удмуртов), с принесением в жертву домашних животных и птиц. Из деревьев у мордвы особым почитанием пользовались рябина и липа. Некоторые пожилые женщины сохраняли в своей памяти отрывки молитв Вере Пазу и Нишке Пазу, которые свидетельствуют о близости терюхан (по языку) к мордве-эрзе.

Достаточно четко два слоя прослеживаются и в обрядах. С одной стороны, славянский (русский), с другой стороны, финский (общемордовский). Оба слоя часто перемешиваются между собой, но все же можно определенно сказать, что календарные обряды, совершаемые Святками в Васильев вечер, на Масленицу, Троицу, Иванов день, Семик и Ярилу, в основном повторяют зимний и весенний цикл обрядов русского календаря. Однако все эти обычаи, игрища и песни исчезли в русских, соседних с терюханами, селах значительно раньше, чем у терюхан, где они продолжали бытовать еще в первой четверти XX в.

Что касается семейных (свадебных, похоронных) и некоторых магических обрядов, связанных с сельским хозяйством, то здесь под более поздним слоем православия выступают общемордовские, а в ряде случаев общеславянские черты.

Не вдаваясь в анализ полного цикла свадебной обрядности у терюхан, отметим только, что и здесь легко отделяется, с одной стороны, более поздний слой, проникший к терюханам от соседнего русского населения, и, с другой стороны, более

древний, близкий к эрзянской свадьбе². Имеются и более далекие параллели с другими финно-угорскими народами, например с коми³. Что касается момента церковного венчания, то он был совершенно не связан с народной обрядностью.

В терюханской, как и в эрзянской, свадьбе имеются отголоски родоплеменных отношений. Женщина уходит из родного дома и переходит в чужой род, поэтому жених и его родня рассматриваются как чужаки. Для терюханской свадьбы типично посещение своих родных и соседей. В многочисленных причитаниях невеста наряду с родителями часто обращается к дяде и братьям:

Вставай-ка, вставай-ка, любезный дядюшка,
Я пущу голос во всю волость,
Во все четыре стороны...⁴

Трагично прощание невесты с домом, двором, колодцем, подругами и соседями, а самое главное — с девичьей красотой, девичьей волей. Это причитание наиболее лирично. Оно исполнялось невестой во время девичника, во дворе родного дома и по своему содержанию и строю напоминает эрзянское причитание с «кисточкой»⁵.

Куда мне волю деть?
Куда мне негу деть?
С собой волю взять,
С собой негу взять.
Летней-то порой
Пыльную работу
Потом замочу...
Горькими слезами залюю.
Я покатаю свою волю, свою негу,
Я на блюдечке, как красное яичко,
Я отдам волю, я отдам негу,
Я маленьким девочкам.
Больно я боюсь, опасаясь,
Не совпадают с волюшкой,
Я отдам волю, я отдам негу
Милой сестрице Константиновой Катеньке⁶.

Для терюханской, как и для эрзянской, свадьбы было типично ритуальное мытье в бане и одаривание подруг и род-

² См.: **Евсевьев М. Е.** Мордовская свадьба. М., 1931.

³ См.: **Плесовский Ф. В.** Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968.

⁴ Из свадебных причитаний в селе Большое Сескино Нижегородской губ. Личный архив автора.

⁵ См.: **Евсевьев М. Е.** Указ. соч. С. 132.

⁶ Записано в с. Б[ольшое] Сескино. Личный архив автора.

ных. Чаще всего одаривали предметами собственного рукоделия, вышитые рукава от шушпана, платки, пояса и т. д.

Общим моментом для терюханской и эрзянской свадьбы является обычай развешивать одежду невесты во дворе родительского дома для всеобщего обозрения перед отправкой приданого в дом мужа.

Шли ли тетушки нашим порядком,
Шли ли девушки широким двором?
С правой стороны стояли ли столбы,
Держали ли шесты мою одежду?⁷

В более отдаленное от нас время невесту-терюханку брали, как правило, из чужой деревни и везли в специальной свадебной кибитке — *он-ава* (как и у эрзи)⁸ под пологом в дом жениха, позднее в телеге с лицом, закрытым специальным свадебным шушпаном — *попоняхой*.

В 1920-х гг. некоторые свадебные персонажи назывались по-мордовски. Так, например, дружку называли *урьведей* (эрз. *уредев*), старшую сноху — *уряиш* (эрз. *уряж*).

В причитаниях девушка часто обращается к колодцу, своему дому, дереву — кудрявой рябине.

В некоторых вариантах свадебных причитаний девушка перечисляет части своего свадебного наряда — шушпан, вышитые рукава, головной убор — венец, кольца, серьги, височные подвески — плетни.

Мы провели несколько параллелей с эрзянской свадьбой, которые указывают на то, что в основе своей свадьба терюхан есть, по существу, эрзянская свадьба, подвергшаяся сильному русскому влиянию.

В похоронных и поминальных обрядах также наряду с чертами более позднего происхождения имелись и более древние черты, встречаемые не только у мордвы, но и у других финно-угорских народов⁹: мари, удмуртов, коми.

Большая часть действий, производимых над умершим, объяснялась мировоззрением его живых сородичей, которые, с одной стороны, желали обеспечить умершему благополучие за гробом, с другой стороны, боялись новой смерти, которая могла наступить в результате гнева и возвращения умершего в родной дом за новой жертвой.

Для обеспечения лучшей жизни в потустороннем мире с умершим в гроб клали необходимые вещи: посуду, орудия труда; с женщиной — веретено, с мужчиной — нож, топор и

⁷ Из свадебного причитания невесты. Записано в с. Арманиха Нижегород[ской] губ[ернии]. Личный архив автора.

⁸ См.: **Евсевьев М. Е.** Указ. соч. С. 248.

⁹ См.: Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931. Т. 2.

кочедык. В стенке гроба прорубали окно. Выкупали место для умершего и бросали в могилу 2 — 3 копейки.

Боясь заразы и возвращения умершего, родственники после похорон окуривали помещение, где лежал умерший. При выносе гроба придерживались правила не переходить дорогу. Горшок, из которого обмывали, гребешок, которым причесывали, и солому, на которой лежал умерший, бросали за околицу с просьбой к умершему не возвращаться в дом. Носилки от гроба оставляли на могиле, а телегу не ввозили во двор в продолжение трех дней. Страхом перед возвращением покойника объясняется обычай выносить гроб с умершим через черный ход или окно.

Интересен записанный у терюхан обряд вторичного погребения. Заключался он в следующем: после поминального обеда в день похорон, но чаще на 40-й день, брали березовую плаху, клали ее в телегу; на плаху садилась старуха, вместо лошадей также впрягались женщины. Плаху везли в овраг, где и оставляли, приговаривая: «Слава, тебе, господи, слава тебе, богу, ты больше к нам не ходи, не ходи». При возвращении в дом помещение окуривали можжевельником.

Для освещения традиционных черт мордовской культуры значительный интерес представляют поминальные обряды, которые можно объединить в две группы. Одна из них связана с поминовением недавно умершего родича и происходила в дни, установленные православной церковью. Наиболее важными считали поминки на 40-й день после смерти. В память умершего в этот день делали обед, после которого шли провожать его душу. Захватив остатки поминальной пицци, хлеб и квас, а также подожок (палку), останавливаясь у ворот в огороде, молились, плескали на землю из ковша квас, отщипывали хлеб, выбрасывали крошки и палку, а затем возвращались домой.

В церковные праздничные дни было принято всей семьей ходить на кладбище и там на могилах устраивать поминальный обед. Разложив еду на могиле, молились, некоторые вопили, а затем, положив всего понемногу в вырытую для умершего ямку, принимались и сами за еду. Остатки пицци отдавали нищим.

Общественные поминки на кладбищах устраиваются в мордовских деревнях и по сей день*.

Весьма интересным среди поминальных обрядов мордвы-терюхан был обряд встречи родителей, приуроченный чаще всего к седьмой неделе Великого поста, иногда к Масле-

* Нам приходилось наблюдать подобный обычай в 1967 г. в с. Морд[овское] Афонькино Т[атарской] АССР и в 1969 г. в с. Мокшалай М[ордовской] АССР.

нице. Перед днем встречи умерших родителей топили баню, накрывали стол и ставили для умерших приборы. К этому дню готовили их любимые кушанья; в переднем углу на лавках стелили постели, а на стене вешали полотенце и одежду. Стол не разбирали несколько дней, а затем устраивали торжественные проводы.

Вот одна из сделанных мною записей подобного обряда в 1927 г: «В с. Малое Сескино лет 10 — 15 тому назад в Великий четверг бабы готовили различное скоромное угощение: варили брагу, пекли пироги. Затем отправлялись всей семьей на кладбище звать покойников. В избе на лавках стелили холщовые полотенца, нарочно для того сделанные. Расставляли еду и посуду на столе и угощали покойников. Всю пятницу, субботу и воскресенье покойники оставались в гостях. В понедельник устраивались проводы. Родственники шли на огород, взяв с собой полотенца, стряпню и брагу, а также особые ковшки, с монетами на ручке, специально для этого случая предназначенные и весь год хранившиеся в амбаре. В огороде расстилали полотенца, ставили на них ковши с брагой и миски с угощением. Из ковшей брагу отливали на землю, а от каждого пирога, яичницы, рыбы и т. д. отламывали небольшие кусочки, и все это, завязав в узелок, вешали на дерево. Остатки пищи предназначались для птиц. Затем все родственники возвращались домой» (с. Большое Сескино, записано в 1927 г. от Солдатовой Евдокии, 70 лет).

Подобные встречи умерших с инсценировкой поминального обеда были отмечены нами также у мокши и эрзи¹⁰, а в литературе известны и у других финно-угорских народов — мари¹¹, удмуртов, коми¹².

Терюханам, кроме обрядов обливания друг друга водой, чтобы вызвать дождь, при падении животных, их окуривание дымом, произведенным при добывании огня трением можжевеловых палочек, как и другим группам мордвы¹³, был еще известен обряд опахивания. Этот древний магический обряд проводили с целью предотвратить распространение болезни: холеры, оспы, сибирской язвы и т. д. У терюхан в конце XIX в. часто в проведении этого обряда принимало участие местное духовенство (Материалы автора).

¹⁰ См.: **Маркелов М. Т.** Мордва // Религиозные верования народов СССР. Т. 2. С. 193 — 194.

¹¹ См.: **Кузнецов С. К.** Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Этногр. обозрение. 1904. № 1 — 2.

¹² См.: Удмурты-вотяки, коми-зыряне // Религиозные верования народов СССР. Т. 2.

¹³ См.: **Маркелов М. Т.** Саратовская мордва // Саратов. этногр. сб. Саратов, 1922. Вып. 1. С. 97.

Во время работы экспедиции нами были сделаны записи обряда опахивания, проводившегося в терюханских деревнях в начале XX века. «Лет 25 тому назад в нашей деревне Ольгино и окружающих селениях был мор на скотину. Ночью украдкой, чтобы никто не видел, опахивали деревню. Собиралось человек 10 — 12 женщин: девушек, вдов и одиноких старушек... Все они надевали чистую одежду и расплетали волосы. Одну из старых дев впрягали в соху и надевали на нее хомут, а вдовец-мужчина 70 — 80 лет держался за соху. Сохой проводили рубеж вокруг деревни. Остальные женщины, держась за руки, шли за ними, иные кропили святой водой. На моем веку, — добавляет рассказчица, — опахивание деревни было два раза» (д. Ольгино Нижегородского уезда, записано в 1928 г. от Каузовой Аграфены, 65 лет).

В литературе этот обряд отмечен не только у мордвы, но и у русских. Однако территория распространения этого обряда, например, в б[ывшей] Нижегородской губернии, совпадает преимущественно с древними районами расселения мордвы: Сергачским, Княгининским, Лукояновским уездами¹⁴. Имеются сведения, что в более раннее время обряд опахивания у мордвы совершался ежегодно после окончания ярового сева¹⁵ и лишь впоследствии стал возобновляться при общественных бедствиях. Это указание кажется нам вполне вероятным и проливает свет на первоначальную природу данного обряда, в своей основе близкого к обряду Сабантуй, распространенному у соседних тюркоязычных народов.

Бытование же обряда опахивания у терюхан указывает на консервацию в их среде древних общемордовских черт.

Разнообразен по своим жанрам и интересен по содержанию фольклор терюхан. Особенно богато представлено их песенное творчество. В репертуар терюханской деревни 1920 г., наряду с военными и современными песнями, сормовской частушкой, любовными романсами, входили старинные игровые песни, связанные с календарной обрядностью. Исполнение таких песен было приурочено к определенным праздникам: Масленице, Иванову дню, Семику, Троице и т. д. Интересно отметить, что песни, связанные с русской календарной обрядностью, исчезнувшие уже в эти годы из соседних русских деревень, продолжали, однако, бытовать у терюхан.

Некоторые сюжеты игровых и беседных песен были особенно близки терюханам. К таковым принадлежали многочисленные варианты песни «О старом и малом муже», рас-

¹⁴ См.: **Зеленин Д. К.** Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Петроград, 1915. Вып. 2. С. 722, 797.

¹⁵ Там же. С. 796.

крывающей трагедию девушки, выданной замуж за мужа-малолетку.

Были известны терюханам и некоторые русские былины: например, о Дунае, сыне Ивановиче, о князе Михаиле, о сестре и ее братьях-разбойниках и некоторые другие.

Совершенно особую группу составляли так называемые старинные мордовские песни — были. К сожалению, полный текст большинства песен был уже позабыт. Некоторые герои этих песен имеют старинные мордовские имена и прозвища: Вакур, Кодер, Кормай, Вачайка, из женщин — Саманька, Чаворга, Керемка.

Песни сложились в терюханской местной среде. В тексте песен упоминаются здешние села и деревни — Большое Терюшево, Большое Сескино, Сарлей, Чертовка, Макраша, русское село Березники, Тарусинский лес и т. д.

Во Инютине деревне
Ходил Кормай, гулял Кормай
Со звонкою дудочкой.
Заходил Кормай в мужичью беседу,
Хвалился Кормай:
— Эти онучи, эти бучены
Кудалькиной Марьюшки.
Пошел Кормай из мужичьей беседы,
Заиграл Кормай во звонку дудочку,
Заходил Кормай во ребячью беседу.

(записана в д. М[алое] Сескино (Чертовка)

Дальнеконстантиновской волости Нижегородского уезда в 1927 г. от Чарушиной Ефимьи, 56 лет)

Данная песня поется на посиделках, на беседах по вечерам.

По своему строю эти песни были близки к мордовским, хотя поют их по-русски. Особенно характерны для них своеобразные повторы, например, в песне «Ходила Любка», где рассказывается о девушке, обратившейся за помощью к старухе-знахарке, имеются строчки:

Вижги, бабушка, вижги, бабушка,
Из мово брюха ребеночка.
Запивать будут, запивать будут,
Перву рюмочку поднесу.
Отдавать станут, отдавать станут,
Полоксяк шушпан наденешь.

(записана в с. Сиуха Нижегородского уезда в 1928 году от Елены Васенковой, 52 лет)

В песне «Приходил Ёнька» имеется зачин с характерными для мордовских песен повторами:

Собирался Енька,
Собирался Енька
В славну Макрашу с пирогам.
Как и звал Енька,
Он чирульника Степана:
— Поедем, Степан,
Поедем, братец,
В славну Макрашу с пирогам.

(Песня записана в с. Мигалиха Нижегородского уезда в
1928 г. от Ильиной Пелагеи, 70 лет)

Основными сюжетами песен были семейно-родственные отношения. Все песни по содержанию драматичны. Герой песни про Вакура был убит, когда пошел за женой в соседнее село М. Сескино. В песне про Кедерку героя закалывают вилами братья жены. В песне про Еньку и чирульника Степана последнего убивают в с. Макраше. В песне о дуднике Кормае молодая жена убивает своего мужа.

Несколько особняком стоят две песни: в одной рассказывается о похищении девушки-невесты и о предлагаемом ею выкупе, во второй — об убийстве новорожденного ребенка. Третья песня о Саманьке представляет местный вариант песни о взятии Казани¹⁶.

Как и в свадебных причитальных песнях, мы встречаем обращение к кудрявой рябине, упоминание о бытовых предметах — «парька с малиной» (кадушка), перечисление частей народного костюма (шушпан, чапан, плетни долгие и т. д.).

В тексте песен имеются фонетические и морфологические особенности, идущие из структуры финских, вернее, мордовских, языков и местных говоров. Приведем некоторые из них:

1. Я вечор с Москвы приехал
Со каленым орехам (вместо с «калеными орехами»).
2. Собирался Енька в славну Макрашу с пирогам (вместо «славну Макрашу с пирогами»).
3. Заорила, заорила Любка (ребенка) в желтый меленький песочек (вместо «зарыла»).
4. Вижги, бабушка, вижги, бабушка (вместо «выжги»).

В результате анализа имеющегося материала мы можем утверждать, что духовная культура и фольклор терюхан имеют в своей основе целый ряд черт традиционной мордовской (эрзянской) культуры. Эти черты сохранились наиболее отчетливо в дохристианских верованиях, свадебных и поминальных обрядах, народной магии, а также в местных песнях.

¹⁶ См.: Этногр. обозрение. 1913. № 1 — 2; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1963. Т. 1. С. 290 — 293.

Однако процесс ассимиляции этой небольшой этнографической группы мордовского народа шел очень быстро. Этому во многом способствовала изолированность этой группы от других групп мордовского народа и те исторические условия, в которых складывалась ее культура.

В 1956 г. мне снова довелось побывать у терюхан. Только жители трех сел: Макраши, Б[ольшого] и М[алого] Сескина еще сохранили воспоминания о своих мордовских предках. Старинные мордовские песни, свадебные причитания и своеобразные обычаи и обряды давно ушли не только из быта, но и из памяти населения.

*Вопросы финно-угорского фольклора.
Саранск, 1974. С. 23 — 34.
(Тр./НИИЯЛИЭ ; выт. 50).*

КОММЕНТАРИИ

¹ Терюхане (мордва-терюхане) — этнографическая группа мордвы-эрзи, проживавшая в Терюшевской волости Нижегородского уезда Нижегородской губернии (ныне Дальнеконстантиновский район Нижегородской области). Находясь под воздействием русской культуры, в значительной степени утратили национальную специфику.

² Этнографическая экспедиция Музея народоведения. Имеется в виду Восточно-финская экспедиция Центрального музея народоведения, работавшая в 1926 — 1928 гг. среди различных этнографических групп мордвы.

³ Музей народоведения. Центральный музей народоведения существовал в г. Москве в 1924 — 1948 гг. С 1931 г. — Музей народов СССР. Основой его фондов стали коллекции Румянцевского, Политехнического и Государственного исторического музеев, Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 г., Государственного музейного фонда.

⁴ Институт этнографии АН СССР (ныне — Институт этнологии и антропологии РАН). Создан в 1933 г. на основе слияния Института по изучению народов СССР (в 1917 — 1930 гг. — Комиссия по изучению племенного состава России АН) и Музея антропологии и этнографии (до 1992 г. — его Ленинградское отделение) как Институт антропологии, археологии и этнографии. В 1937 г., в связи с выделением Института истории материальной культуры, преобразован в Институт этнографии; с 1990 г. носит современное название. В 1947 г. институту присвоено имя Н. Н. Миклухо-Маклая.

⁵ Шушпан (терюхане, эрзя) — верхняя женская распашная одежда из холста.

⁶ Рукава (эрзя) — женская рубаша с подставой; верхняя часть женской рубахи.

⁷ Лапти с «хвостами» — мордовские старинные лапти, для которых был характерен на месте задника особый приплет из лыка, так называемый хвост — пула (м.), пуло (э). В длину он достигал 12 см, в ширину 2 — 3 см. Такие лапти назывались пула мархта карьхть (м.), т. е. лапти с хвостом. Хвост при надевании лаптя прикладывали к икре и заматывали портянкой, благодаря чему лапоть прочно держался на ноге.

⁸ Адмиралтейские работы — повинность по заготовке и доставке корабельного леса, введенная в 1718 г. и возложенная на государственных крестьян Казанской, Воронежской и Нижегородской губерний и Симбирского уезда Астраханской губернии (с 1796 г. — Симбирской). Основной контингент работников составляли татары, мордва и чуваши.

⁹ Сенат — Правительствующий Сенат, высший государственный орган законодательной, исполнительной и судебной власти Российской империи в 1711 — 1917 гг.

¹⁰ Ясачные деревни — деревни, население которых платило ясак (натуральный налог).

¹¹ Восстание мордвы Терюшевской волости Нижегородского уезда — национально-религиозное движение мордовских крестьян Терюшевской волости Нижегородской губернии в 1743 — 1745 гг. Причиной послужила политика насильственной христианизации мордвы, ужесточение которой произошло в связи с назначением епископом Нижегородским и Алатырским Дмитрием (Сеченова), поводом к восстанию — его приказ 18 мая 1743 г. сжечь в с. Сарлей эрзянское кладбище с деревянными намогильными срубами, находившееся близ церкви. Стихийно собравшиеся крестьяне напали на миссионеров. На помощь епископу из Нижнего Новгорода были направлены войска, однако это привело к расширению движения. Восстание распространилось на соседние населенные пункты, около 6 тыс. крестьян взяли за оружие. Во главе них встал Несмеян Васильев. Программа восставших предполагала сохранение «старой мордовской веры» и молений «в полях и лесах», отмену принудительной христианизации. В августе 1743 г. восставшие разбили отряды местных правительственных сил у д. Романиха и Борцово. В волость были направлены гренадерские и драгунские подразделения под командованием генерал-майора Стрешнева и премьер-майора Юнгера. 26 ноября 1743 г. отряд Юнгера разгромил повстанцев под д. Лапшиха. После подавления восстания 130 мордовских крестьян были привлечены к следствию. Несмеян Васильев был сожжен на костре, его соратник Пумрас Семенов — повешен. В ноябре 1745 г. в Терюшевской волости наметился новый подъем крестьянского движения, поводом к которому послужил сбор податей и недоимок. Однако размещение в селениях военных команд не дало ему вспыхнуть. Восстание мордвы Терюшевской волости 1743 — 1745 гг. привело к отказу правительства и Русской православной церкви от политики насильственной христианизации мордвы.

¹² Крестьянское движение мордвы Терюшевской волости 1808 — 1810 гг. Возникло как крестьянское сопротивление крепостному гнету (отказ от барщинных работ), затем переросло в религиозно-реформаторское движение. Его идеологом и руководителем был Кузьма Алексеев, крестьянин из д. Большое Сескино Терюшевской волости Нижегородского уезда. Мордовские крестьяне этой волости собирались в лесах на общие моления — озксы, которые проводились по дохристианской традиции. На них Кузьма Алексеев объяснял крестьянам, что они должны быть свободными, а не принадлежать помещикам, не обязаны платить оброк, что «Христа больше нет, не будет больше и христианской веры», вскоре «прежняя их мордовская вера возвысится, а христианская упадет». После подавления восстания Кузьма Алексеев вместе с 7 наиболее близкими сторонниками был

арестован и предан военно-полевому суду, который приговорил его к сечению плетью, вырезанию ноздрей, наложению клейма на лоб и щеки и ссылке на поселение в Иркутскую губернию.

¹³ Удельное ведомство — государственное учреждение Российской империи, в 1797 — 1917 гг. осуществлявшее управление имуществом (удельными землями, имениями, а до 1863 г. — также удельными крепостными крестьянами) императорской семьи.

¹⁴ Струна — тянутая или витая нитка, тонкая вервь, натяжная нить, бечевка на каком-либо оружии. В шерстобитном промысле струна укрепляется по концам выступов («кобылок») на лучке (шесте).

¹⁵ Решетка — орудие шерстобитного промысла, сделанное из сосновых дранок, скрепленных веревками.

¹⁶ Боек, или катеринка, — орудие шерстобитного промысла, род колотушки, которой шерстобит бьет по струне смычка, производя встряхивание, разделение и вспушивание шерсти.

¹⁷ Прялка с рогулькой — прялка с двойной развилкой, на которую «насаживали» кудель.

¹⁸ Навой — катушка, на которую навивают основы для выработки ткани на ткацком стане.

¹⁹ Дома на «стульях» — дома, при строительстве которых в качестве фундамента применяли деревянные и каменные «стулья». Они представляли собой большие обожженные или просмоленные пни, которые клали в основание углов дома вверх комлем (комель — толстая часть ствола дерева непосредственно над корнем и корневищем), а на них уже ставили сруб. Это предотвращало оседание дома.

²⁰ Подклет (подклеть) — нежилой нижний этаж под верхним жилым помещением или нижний, цокольный, этаж православного храма. В жилых зданиях подклеты выполняли хозяйственные функции, в них размещались кладовые, склады и другие подсобные помещения.

²¹ Клеть — особое помещение при избе или отдельная нежилая постройка для хранения имущества, кладовая; использовалась как летнее жилище, спальня.

²² Самцы — балки, расположенные параллельно фронтону и дополнительно стягивающие стены сруба. Каждый следующий самец был короче предыдущего, образуя сходящийся кверху треугольник. Крыша на самцах — крыша без стропил.

²³ Пятистенная изба — тип дома, передняя изба которого имеет капитальный бревенчатый переруб в срединной части, образующий два помещения внутри одного сруба. В плане жилая часть имела 5 стен, 2 из которых располагались параллельно улице, 3 — перпендикулярно. К избе пристраивались сени и большой хозяйственный двор.

²⁴ Стропила — несущая система скатной крыши, состоящая из наклонных стропильных ног, вертикальных строек и наклонных подкосов.

²⁵ Среднерусская внутренняя планировка дома. В домах, стоящих перпендикулярно улице, в жилом помещении русская печь находится справа от входа из сеней, «чело» (устье) печи обращено к противоположной от входа стене, выходящей тремя окнами на улицу. Передний угол расположен по диагонали от печи, у фасадной стены дома.

²⁶ Накладные резные украшения — элемент декора избы, когда орнамент изготавлялся на отдельных досках и накладывался (закреплялся) на резной или сплошной доске. Накладная резьба является видом прорезной резьбы.

²⁷ Пропиловка — пропильная (или прорезная) резьба — вид деревянной резьбы, когда при обработке древесины удаляют фон. Прорезные детали были украшением наличников, входных дверей, перил, фронтонов домов, карнизов.

²⁸ Долбленая (судовая, корабельная, рельефная, глухая) резьба — вид деревянной резьбы с глухим (непрорезанным) фоном и высоким рельефом узора. Украшала двери и ставни, фронтоны домов, наличники. Техника и формы этой резьбы были типичны для резьбы на судах и баржах. Получила распространение в Среднем Поволжье, когда корабельные резчики стали работать по деревьям.

²⁹ Мазанка — строение, изба из глины, сырцового кирпича или тонкого дерева, обмазанного глиной.

³⁰ Печь-каменка — банная печь, в которой дровами нагревались особые камни, отдающие тепло.

³¹ Баня по-черному — баня, топившаяся печью-каменкой, которая не имела дымохода, выводящего дым и копоть наружу. Дым выводился либо из маленького сквозного отверстия в стене, либо через специально сделанные прозоры между стыками досок или бревен.

³² Сермяга — верхняя женская одежда из грубого толстого шерстяного сукна ручного или кустарного изготовления.

³³ Нагольная шуба — шуба, сшитая из шкур кожей наружу и не покрытая тканью.

³⁴ Писаная шуба — шуба, украшенная вышивкой и аппликацией из кожи и сукна.

³⁵ Сборы — сборки, складки на одежде.

³⁶ Венец — праздничный девичий и женский головной убор.

³⁷ Хошпу (хушпу) — традиционный чувашский головной убор замужней женщины: шапочка в виде усеченного конуса с длинной лопастью сзади, украшенной бисером и монетами.

³⁸ Кашпу — традиционный головной убор замужних берсермянок. Представлял собой шапочку шлемообразной формы с наушниками, проходящими под подбородком. Украшал

ся кораллами, бусинами, монетами, металлическими пластинами, мелкими пуговицами. Под него надевали белый платок, а поверх него — длинный, спускающийся по спине до самого пояса нарядный платок.

³⁹ Бесермяне — малочисленный финно-угорский народ в России, проживающий на северо-западе Удмуртии.

⁴⁰ Кашмау — традиционный башкирский головной убор замужней женщины. Представлял собой шапочку с небольшим отверстием на макушке со спускавшейся на спину неширокой лентой-наспинником, которая должна была полностью прикрывать волосы на спине. Украшался монетами, подвесками, кораллами, бусинами. Мог быть красного, бордового или коричневого цвета.

⁴¹ Лапти московского образца — лапти косога плетения, из лыка, с высокими бортами, округлыми носами и толстыми задниками.

⁴² Онучи (ед. ч. онуча) — кусок плотной ткани для обмотки ноги до колена при обувании в лапти.

⁴³ Оборы (ед. ч. обора) — тонкая лыковая или нитяная веревка, которую продевали в петлю на заднике лаптя, обматывали голень крест-накрест и завязывали под коленом. Оборы обвязывали на предварительно обмотанные вокруг ноги онучи.

⁴⁴ Полики — элемент женской рубахи, плечевые вставки, расширяющие горловину и соединяющие детали переда и спинки. Рубахи с поликами были двух типов — с прямыми и косыми поликами. Первые бытовали в местах распространения сарафанного костюмного комплекса.

⁴⁵ Сарафан «московка» (прямой, круглый, московский). Шился из 4 — 6 цельных прямых полотнищ ткани — «точей», собранных сверху в мелкие складки или сборки. Сборки прикрывались прямой обшивкой, к которой пришивали узкие лямки. Их выкраивали из той же ткани или тесьмы и закрепляли на груди и спине. Круглый сарафан шили либо из полотнищ одинаковой длины, либо из двух длинных спереди и трех коротких, доходивших до талии, сзади. Обычно украшался по подолу двумя-тремя полосами кружев, лент или позумента.

⁴⁶ Косоклинный сарафан на лямках. Шился из двух прямых полотнищ спереди и одного цельного сзади, соединенных при помощи косых боковых клиньев с подклинками, не достигающих до проймы. Передние полы застегивались на металлические пуговицы и петли из тесьмы или сшивались. Лямки (широкие либо узкие) выкраивали вместе со спинкой из заднего полотнища либо из отдельного куска ткани. На края передних пол сарафана или соединявший их шов нашивали пуговицы. Украшался лентами, кружевом, позументом, бахромой и тесьмой. Такие сарафаны шили на плотной подкладке, иногда стегали на вате.

⁴⁷ Золотное шитье — техника ручной вышивки металлическими позолоченными (золотными) и серебряными нитями.

⁴⁸ Головка — женский праздничный головной убор, косынка из шелка с золотной вышивкой.

⁴⁹ Петров день — день св. апостолов Петра и Павла, приходящийся на 29 июня (12 июля).

⁵⁰ Анге Патяй (м., э. Анге — имя; э. патяй — старшая сестра, тетя) — мифологический персонаж. В отдельных источниках фигурирует как мать богов, дочь или жена Верховного бога.

⁵¹ Семик — седьмой четверг или седьмое воскресенье после Пасхи. Во многих местах с этого дня в селах ставили березки («Троицкое дерево»). Считался девичьим праздником. На Семик девушки шли в лес «завивать березу», а потом «кумилась».

⁵² Тентярь молян (тейтерь молян) — девичий праздник, посвященный березе. В ходе него ведущая (э. прявт тейтерь) влезала на священную березу и сбрасывала на головы стоявших внизу подруг березовые листья и ветки, из которых те делали венки. Девушка, набравшая достаточное количество веток, чтобы сплести полный венок, считалась счастливой.

⁵³ Кибитка «онава» — кибитка свадебная (м., э. Онава; от тат. хан — «хан», м., э. ава — «женщина»), повозка, в которой перевозили невесту с приданым в дом жениха.

⁵⁴ Чужеродец — тот, кто принадлежит к иному племени, народу, иной народности; иноплеменник; человек из чужого рода, не родственник.

⁵⁵ Дружка — второе по значимости после свахи действующее лицо на свадьбе мордвы. Распоряжался свадебным поездом, охранял жениха и невесту, следил за процессом свадьбы. Обычно роль дружки играл муж сестры либо старший брат жениха. Он мог быть холостым, женатым или вдовцом, а также должен был отличаться остроумием. За столом находился напротив жениха, замыкая ряд сидящих, и указывал ему что и в какой момент надо делать и говорить; распоряжался свадебным столом, проверял подаваемые кушанья и напитки, первым из поезжан начинал есть и пить; определенных песен не пел, кроме некоторых хоровых, исполняемых и вне свадьбы.

⁵⁶ Долбленая колода (м. лазкс, э. кандолаз) — гроб. Изготавливался из толстого дерева, обычно дуба, расщепленного или распиленного вдоль на две половины. Каждая половина выдалбливалась наподобие колоды. Одна из них служила гробом, другая использовалась в качестве его крышки.

⁵⁷ Черемисы — устаревшее название марийцев.

⁵⁸ Теньгушевская мордва-эрзя (шокша) — этнографическая группа мордвы. Проживает в Теньгушевском и Торбеевском районах Республики Мордовия. Обособившись от мордвы-эрзи, шокшинская мордва оказалась среди мордвы-мокши и испытала влияние с ее стороны, в том числе на языковом уровне, но не утратила при этом эрзянского самосознания.

⁵⁹ Васильев вечер — канун Нового года, приходящийся на 31 декабря (13 января). Название происходит от имени св. Василия Великого, архиепископа Кесарии Капподакийской, память о котором христианская церковь чтит 1 (14) января (Васильев день).

⁶⁰ Колядки — песни, исполняемые преимущественно в святочный период, во время ритуальных обходов по домам (при колядовании).

⁶¹ Кутья — обрядовое блюдо, каша из цельных зерен пшеницы, ячменя, рже — пшена или риса с добавлением меда или сахара, иногда с орехами, изюмом, зернами мака. Ее готовят в канун Рождества, Нового года, Крещения и для поминовения усопших.

⁶² Святошничать — праздновать Святки.

⁶³ Кочерюжка — уменьшит. форма слова «кочерга».

⁶⁴ Запрудить — перегородить, задержать.

⁶⁵ Двухрядка — гармонь с двумя рядами клавиш.

⁶⁶ Тараусинь (тарусень, таусень, усень, сень). «Тараусень, таусень» — припев в песнях, которые дети пели в Васильев вечер, канун Нового года, под окнами домов. У мордвы св. Василий Великий считался покровителем свиней и отождествлялся с божеством, которое называлось Тавунся. В день памяти святого (1/14 января по православному календарю) люди проводили моление Тавунсе. Непременным кушаньем при этом были свиные ноги, которые варили накануне праздника.

⁶⁷ Кокурочка (уменьшит. форма слова «кокурка») — булочка с яйцом (или без); сдобный пшеничный хлебец с запеченным внутри яйцом.

⁶⁸ Свинки — обрядовое святочное блюдо, треугольные пирожки с начинкой, которыми угощали колядовавших девушек на Васильев вечер.

⁶⁹ Шарлопаюшка — вероятно, от «шарлапан, шарлапай» — крикун.

⁷⁰ Покров (Покров Пресвятой Богородицы) — один из христианских праздников, отмечаемый 1 (14) октября в память о явлении Богородицы в Константинополе в 910 г. во время войны с сарацинами, которая простерла над молящимися покрывало — покров и вознесла молитву о спасении мира от бед и страданий.

⁷¹ Лычки — пучки лыка.

⁷² Tee — тебе.

⁷³ Полица — то же, что полка.

⁷⁴ Петрушки — вероятно, так называли себя дети, исполнявшие новогодние колядки. Петрушка — кличка балаганной куклы, русского шута, потешника, остряка; также весь шутовской кукольный вертеп.

⁷⁵ Де — где.

⁷⁶ Кокра. См. коммент. 67.

⁷⁷ Начетчица — мирянка, допущенная к чтению священных текстов в церкви или на дому у верующих.

⁷⁸ Вешка (уменьшит. форма слова «веха») — шест (обычно с каким-либо знаком), палка, ветка, служащие для указания пути, границ земельных участков и т. п.

⁷⁹ Мутовка — лопатка, палочка с кругом или спиралью на конце для взбалтывания или взбивания чего-либо.

⁸⁰ Сусек — огороженный ларь в амбаре для хранения зерна.

⁸¹ Короб — изделие из луба, бересты, щепы и т. п., служащее для упаковки, хранения, переноски чего-либо.

⁸² Кузов — короб, лукошко из луба или бересты.

⁸³ Полоть снег — отыскивать спрятанное в снегу кольцо (род девичьего гадания накануне Крещения).

⁸⁴ Кудель — волокно льна, пеньки, обработанное для приготовления пряжи.

⁸⁵ Полог — занавеска, закрывающая, завешивающая что-либо.

⁸⁶ Купальница — костер.

⁸⁷ Фунт — русская мера веса, равная 409,5 г. Применялась до введения метрической системы мер.

⁸⁸ Лузи — луга.

⁸⁹ Насмешный — человек, вызывающий насмешку над собой.

⁹⁰ Бат — баит, говорит.

⁹¹ День сорока мучеников (День памяти сорока Севастийских мучеников) — один из важнейших христианских праздников, отмечаемый 9 (22) марта в память о воинах-христианах, принявших мучительную смерть за веру в Христа в Севастии (территория современной Турции) в 320 г. На Руси назывался Жаворонки или Сороки. В этот день было принято лепить из теста и выпекать 40 булочек в виде птиц — жаворонков.

⁹² Жаворонки — булочки, испеченные из теста в виде птиц ко Дню сорока мучеников.

⁹³ Гречевник (гречневик, гречаник, гречи(у)шник) — хлебец из гречневой муки, имеющий форму усеченного конуса.

⁹⁴ Кресты — печенье из ржаной муки (позже пшеничной, или смеси), пресного или кислого теста в форме креста, приготовляемое на Крестопоклонной неделе Великого поста и имеющее обрядовое значение.

⁹⁵ Гумно — помещение, сарай для сжатого хлеба; крытая площадка для молотьбы; крытый ток.

⁹⁶ День Евдокии (Авдотья Весновка, Евдокия Плющиха и т. д.) — день памяти св. преподобной мученицы Евдокии. Открывал весну, а в Древней Руси был первым днем нового года. Знаменовал пробуждение природы и жизненных сил земли. Отмечается 1 (14) марта.

⁹⁷ Вьюнец (вьюнишник, вьюшник, вьюничник, вьюнины, вьюнство, вьюнитство, юнины, юнец, окликание молодых) — славянский календарный обычай весеннего коллективного

обрядового обхода дворов с чествованием и поздравлением молодоженов, вступивших в брак в течение последнего года; вьюнец (вьюница) — молодой (молодая) в первый год брака.

⁹⁸ Радужное воскресенье (Радоница, Радошница) — день первого после Пасхи общецерковного поминовения усопших в народной традиции восточных славян. В Русской православной церкви отмечается во вторник после Фомина воскресенья, на второй неделе после Пасхи.

⁹⁹ День Георгия (Егорьев день, Егорий Вешний, Егорий Храбрый) — день памяти св. славного великомученика, Победоносца и Чудотворца Георгия. В дореволюционное время в этот день жители русских деревень в первый раз после холодной зимы выгоняли скот на пастбище, совершив молебен святому с окроплением домов и животных святой водой. Отмечается 23 апреля (6 мая).

¹⁰⁰ Косырь (косарь) — большой русский хозяйственный нож с широким и толстым лезвием для щепания лучины, скабливания чего-либо и т. п.

¹⁰¹ Николин день (Никола Вешний, Никола Летний) — христианский, а также народный праздник в честь перенесения мощей Святого Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари в конце XI в. Отмечается 9 (22) мая.

¹⁰² Дол — долина.

¹⁰³ Иванов день (Иван Купала, Иван Травник, Иван Цветной, Ярилин день) — праздник народов Европы, посвященный летнему солнцестоянию. Приурочен к христианскому празднику Рождества Иоанна Предтечи. Отмечается 24 июня (7 июля).

¹⁰⁴ Вознесение (Вознесение Господне) — один из 12 двенадцатых праздников, посвященный вознесению Иисуса Христа на небо, являющемуся ключевым событием евангельской истории. Связан с представлением о посмертном пребывании души на земле и ее вознесении на небо через 40 дней после смерти. Замыкает пасхальный цикл, в течение которого небесные врата якобы остаются открытыми для всех. В это время души умерших могут посещать близких. Отмечается на 40-й день после Пасхи.

¹⁰⁵ Престол — престольный праздник.

¹⁰⁶ Завивание венков — один из основных обрядов весенне-летнего цикла, в центре которого находятся действия, производимые с ветвями растущих и срубленных берез (реже других деревьев). При этом концы веток одной или нескольких берез загибали в кольца и закрепляли с помощью трав, полотенец, платков, а ветки переплетали между собой. В обряде участвовали только девушки.

¹⁰⁷ Кумление (посестримство) — старинный обычай, в котором участвовали девушки и молодые женщины, не имевшие детей. Основа кумления — клятвенное обещание дружбы и взаимопомощи, подкрепленное обменом поцелуя-

ми, подарками, личными вещами. Совершался в один из праздников Троицкого цикла (Вознесение, Семик, Троица, Духов день).

¹⁰⁸ Семик и Семичиха — кукольная пара, которую делали к празднику Семика, или Зеленых святок (перед Троицей). Это образ счастливой семейной пары, олицетворение состоявшихся хозяина с хозяйкой, мужа с женой.

¹⁰⁹ Плис — ткань из грубой пряжи с ворсом, похожая на бархат; хлопчатобумажный бархат.

¹¹⁰ Вершок — старорусская мера длины, равная примерно 4,44 см.

¹¹¹ Гарь — выгоревшее или выжженное место в лесу.

¹¹² Коренная — главная.

¹¹³ Причитки (причитания, плачи) — вид старинных народных обрядовых песен, исполняемых по поводу смерти, замужества, рекрутского набора и т. п.

¹¹⁴ Озимь — поле, занятое озимыми культурами.

¹¹⁵ Большие — взрослые.

¹¹⁶ Аршин — русская мера длины, равная 0,71 м. Применялась до введения метрической системы мер.

¹¹⁷ Сряжать — наряжать.

¹¹⁸ Грамотка (уменьшит. форма слова «грамота») — письмо, записка.

¹¹⁹ Духов день (День Святого Духа) — христианский и народный праздник в честь Святого Духа. В православии празднуется на 51-й день после Пасхи, т. е. на следующий день после Пятидесятницы (всегда в понедельник).

¹²⁰ Пронизка — бусина, бисерина, стеклярус, монета, продырявленный камешек и прочее для украшения наряда.

¹²¹ Ярило (Ярила) — в мифологии восточных славян бог солнца, весны, плодородия и любви. Как пережиток язычества весенние празднества в честь Ярилы, сопровождавшиеся плясками, хороводами, устраивались в некоторых районах России еще в начале XX в.

¹²² Заговенье — у православных канун многодневного поста; последний день, когда верующим разрешается прием скоромной пищи.

¹²³ Междупарье — отрезок времени между весенними и летними полевыми работами, посевом поздних яровых и подъемом паров.

¹²⁴ Уразница — зверобой.

¹²⁵ Иван-да-марья (нар.) — 1) марьянник дубравный; 2) фиалка трехцветная.

¹²⁶ Матренка-божья слезка — тысячелистник.

¹²⁷ Серпова трава — серпуха красильная.

¹²⁸ Ветреница — травянистое лесное растение семейства лютиковых, с желтыми цветками, цветущее ранней весной, один из видов анемонов.

¹²⁹ Обручье — браслет.

¹³⁰ Ильин день — день памяти ветхозаветного пророка Ильи. Отмечается 20 июля (2 августа).

¹³¹ Полевой (Полевик) — дух-хозяин поля, приставленный охранять хлебные поля.

¹³² Преображение (Преображение Господне, Яблочный Спас, Средний Спас) — христианский праздник в память об описанном в Евангелиях явлении Божественного величия и славы Иисуса Христа перед тремя ближайшими учениками во время молитвы на горе. В русской народной традиции Преображение называется Вторым, или Яблочным, Спасом. Отмечается 6 (19) августа.

¹³³ Флор (Фрол) и Лавр — раннехристианские мученики. Почитались на Руси как покровители лошадей. К дню памяти Флора и Лавра старались закончить полевые работы на лошадях, дать им отдых. Отмечается 18 (31) августа.

¹³⁴ Христианизация мордвы — длительный по времени процесс распространения христианства в мордовском крае. Закрепление христианства здесь пришлось на вторую половину XVIII — начало XIX в., когда оно проникло в быт, превратившись в составную часть уклада. Произошли изменения в повседневной жизни, обрядах, трансформировалось мировоззрение народа. Однако в мордовской крестьянской среде продолжали существовать языческие представления и практики (вера в покровителей воды, земли, леса и т. п.; моления — озксы; священные деревья и рощи). Достаточно много было сектантов.

¹³⁵ Синкретизм — слитность, нерасчлененность, характеризующая первоначальное, неразвитое состояние чего-либо.

¹³⁶ Михайлов день (День Михаила-архангела, День архистратига Михаила и прочих Небесных сил бесплотных) — православный праздник. Отмечается 8 (21) ноября.

¹³⁷ Пшеничник — крутая пшенная каша на молоке и яйцах.

¹³⁸ Бурак — сосуд из бересты цилиндрической формы, подобие ведра с крышкой.

¹³⁹ Опахивание — обряд проведения плугом борозды вокруг поселения (реже — усадьбы, поля и т. п.). Проводилось для магической защиты опахиваемого пространства, создания вокруг него символической ограды или изгнания опасности за его пределы, а также для предохранения людей и скота от моровой болезни, стихийных бедствий, нечистой силы, построек от пожара, посевов от засухи, града и т. п. Устраивалось во время эпидемий и других бедствий либо приурочивалось к определенной календарной дате.

¹⁴⁰ Обряд получения «живого» огня — ритуал добывания огня путем трения двух кусков дерева друг о друга в случаях бедствия (падежа скота, неурожая, эпидемии). В домашних печах и на божницах гасили прежний огонь и зажигали новый, добытый таким способом.

¹⁴¹ Вытирание — трение.

¹⁴² Прогон — обнесенная изгородью дорога (среди засеянных полей), по которой выгоняют скот на пастбище или водопой.

¹⁴³ Опчество (крестьянское общество) — мир (община, общество крестьян; также сходка), собрание всех домохозяев, которым на миру (сходке) дано право голоса.

¹⁴⁴ Казанская летняя (праздник Казанской иконы Божьей Матери, Казанская, Прокопий, Прокопий-жнец и т. п.) — праздник почитания явления иконы Божьей Матери в 1579 г. в г. Казани. Кроме того, в этот день церковь чтит память мученика Прокопия (Неания) Кесарийского и праведного Прокопия, Устюжского чудотворца, а также производится первый зажин ржи. Отмечается 8 (21) июля.

¹⁴⁵ Лестовка (уменьшит. форма древнерусского слова «лествица», т. е. «лестница») — разновидность четок в дораскольной Руси. После раскола была постепенно вытеснена четками-вервицей. Внешне напоминает гибкую лестницу и символизирует в древнерусской традиции лестницу духовного восхождения от земли на Небо. Чаще всего используется старообрядцами.

¹⁴⁶ Спорынья — болезнь злаковых растений (преимущественно ржи), вызываемая паразитическим грибом, при которой в колосе вместо зерна образуются фиолетово-черные рожки, содержащие алкалоиды (используются в медицине).

¹⁴⁷ Прялочка — пучок.

¹⁴⁸ Зажинать — начинать жать.

¹⁴⁹ Столбушок — нижняя часть гриба, ножка.

¹⁵⁰ Первый Спас (Медовый Спас, Маковый Спас) — народное название в России православного праздника в первый день Успенского поста, когда православная церковь чтит память трех святых: Животворящего Креста Господня, образа Спасителя и иконы Владимирской Божьей Матери. С этого дня начинался сбор меда и благословлялось его употребление в пищу. Отмечается 1 (14) августа.

¹⁵¹ Успенье (Успение Пресвятой Богородицы, Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии) — православный двенадцатый праздник, посвященный воспоминанию кончины (успения) Божьей Матери. Отмечается 15 (28) августа.

¹⁵² Иван Постный (Головосек) — день Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. Считалось, что с этого времени заканчивается лето, и наступает осень. Отмечается 29 августа (11 сентября).

¹⁵³ Средний Спас. См. коммент. 132.

¹⁵⁴ Балахон — старинная летняя крестьянская верхняя одежда свободного покроя из холста, парусины и т. п.

¹⁵⁵ Сговор — соглашение между родителями жениха и невесты о браке, а также обряд, которым оно сопровождалось.

¹⁵⁶ Запой (заручины, просватанье) — часть свадебного обряда, в ходе которого достигалась окончательная договоренность по поводу свадьбы.

¹⁵⁷ Девичник — предсвадебный обряд накануне свадьбы, во время которого происходило ритуальное прощание невесты с подругами. Ключевым моментом при этом было расплетание девичьей косы.

¹⁵⁸ Отгортки (отгулки, отголоски) — окончание свадебных торжеств, временное возвращение невесты в родительский дом. Проходило в несколько этапов. Первый традиционно начинался через неделю после свадьбы. В этот день новобрачная вместе со свекровью шла в дом своих родителей за прялкой, что символизировало начало самостоятельной семейной жизни. Спустя 2 — 3 недели после свадьбы за молодой приезжали «урьвалы» и увозили ее гостить к отцу, где она жила около месяца. В назначенный срок за женой приезжали муж и свекор со свекровью.

¹⁵⁹ Порядок — ряд домов, составляющих одну сторону улицы в деревне.

¹⁶⁰ Воить — причитать по кому-либо, над кем-либо, громко плакать; голосить.

¹⁶¹ Уряж (э.) — невестка (жена старшего брата); тетья.

¹⁶² Французский платок — платок ярко-красного цвета.

¹⁶³ Попоняха — вариант шушпана, по покрою напоминала эрзянскую руцю. Украшалась вышивкой по подолу, вдоль выреза ворота, на плечах, груди и рукавах. На рукава также нашивали дудяшки — кисти из цветной шерсти и раковинкаури.

¹⁶⁴ Дарик — свадебный подарок.

¹⁶⁵ Котомычка (уменьшит. форма слова «котомка») — дорожный заплечный мешок на лямках из грубой холщовой ткани, сукна, лыка, бересты, шелюги, кожи или замши.

¹⁶⁶ Тчанные ворота — одностворчатые ворота из вертикальных пластин, досок или жердей; иногда завершались крышей на столбах.

¹⁶⁷ Сустопать (от «сустать») — устоять, удержаться.

¹⁶⁸ Сродник — родственник.

¹⁶⁹ Утиральник — полотенце.

¹⁷⁰ Устрачивать — приводить в порядок.

¹⁷¹ Примать (сокращ. от слова «принимать»). Здесь используется в значении «претерпеть, вынести что-либо».

¹⁷² Квашня — опара.

¹⁷³ Изьянно — убыточно.

¹⁷⁴ Вередикать — ходить перед свадьбой к жениху, водить хоровод около его ворот и одаривать его рубахой.

¹⁷⁵ Неуряшки (от «неурядливый») — беспорядочный, нераспорядительный, бестолковый, неряшливый, беззаботный.

¹⁷⁶ Станок — имеется в виду подставка.

¹⁷⁷ Плакуша — то же, что плакальщица.

¹⁷⁸ Венчальница — родственница жениха, которая надевает на невесту венец. См. коммент. 36.

¹⁷⁹ Оральный хомут — хомут, предназначенный для пахоты.

¹⁸⁰ Ширинка — шеренга.

¹⁸¹ Армяк — старинная крестьянская верхняя распашная одежда из толстого сукна в виде халата или прямого кафтана без мелких складок.

¹⁸² Немудрый — плохой, незатейливый, простой.

¹⁸³ Ломаться — проявлять самодурство, куражиться.

¹⁸⁴ Угонять «гонком» (от «гнать гоном») — очень быстро ехать.

¹⁸⁵ Рядна рогожка (рядная рогожа) — циновка, сотканная из скрученных волокон мочала.

¹⁸⁶ Грош — медная монета в дореволюционной России достоинством 2 копейки (с 1654 по 1838 г.), позднее — полкопейки (с 1838 по 1917 г.).

¹⁸⁷ Двухгрошовый. Двухгрошовик — редкий номинал монет Российской империи. Чеканился из двухкопеечной монеты всего два раза — в 1762 и 1796 гг. Четыре копейки 1796 г. не были пущены в обращение. Здесь используется в значении «стоимостью 1 копейка».

¹⁸⁸ Сотенная — купюра достоинством 100 рублей.

¹⁸⁹ Баславка (э.) — благословение, напутствие.

¹⁹⁰ Веретено — ручное прядильное орудие в виде деревянной палочки с заостренными концами и утолщением посередине.

¹⁹¹ Кочедык — плоское изогнутое шило для плетения лаптей.

¹⁹² Снизки — шейные и нагрудные украшения, нанизанные на нитку.

¹⁹³ Съисподи — снизу.

¹⁹⁴ Казанская осенняя (Праздник Казанской иконы Божьей Матери) — отмечается в благодарность за избавление г. Москвы и России от нашествия поляков в 1612 г. 22 октября (4 ноября).

¹⁹⁵ Фомина (Радоницкая) неделя — праздничная неделя; начинается с первого воскресенья после Пасхи (на Красную горку) и заканчивается в следующую субботу. Названа по имени апостола Фомы, уверовавшего в Воскресение Христова посредством зрения и осзания крестных ран Иисуса Христа. На этой неделе во вторник (на Радоницу) было принято поминать умерших.

¹⁹⁶ Калинник — пирог из калины; тесто, замешиваемое на калине.

¹⁹⁷ Родительские церковные дни — дни, когда в православных храмах совершается особое поминовение умерших православных христиан. Кроме того, по традиции верующие посещают могилы на кладбищах. Среди прочих родитель-

ских суббот (их в году 7) выделяют Вселенские, в которые православная церковь молитвенно поминает всех крещеных христиан.

¹⁹⁸ Неделя Всех Святых (День Всех Святых) — христианский праздник, день памяти всех святых. В православной церкви празднуется в первое воскресенье (неделю) после Дня Святой Троицы.

¹⁹⁹ Панихида — церковная служба по умершему.

²⁰⁰ Тризна — заключительная часть похоронного обряда у древних славян, состоявшая из жертвоприношений, военных игр, состязаний, борьбы, а позднее — поминального пиршества.

²⁰¹ Солодуха (кулага) — кисло-сладкое блюдо из ржаной муки и солода, мучная каша.

²⁰² Великая Пятница — пятница Страстной недели, которая посвящена воспоминанию об осуждении на смерть, крестных страданиях и смерти Иисуса Христа, а также о снятии с креста и погребении Его тела.

²⁰³ Крутки — вероятно, яйца, сваренные вкрутую.

²⁰⁴ Белый царь. Так нерусские народы называли русского царя.

²⁰⁵ Авай (э) — мама.

²⁰⁶ Бучены. Бучить — выпаривать хлопчатобумажные и льняные ткани в щелочном растворе для очистки и подготовки к белению, крашению.

²⁰⁷ Кучиться — умолять, кланяться, просить униженно.

²⁰⁸ Парька (парь) — долбленный, украшенный резьбой ларь из цельного ствола липы или осины, традиционно предназначенный для хранения приданого невесты; позднее использовался как емкость для хранения продуктов.

²⁰⁹ Костыли — черная шерстяная нашивка в виде костыля на армяках и балахонах.

²¹⁰ Плетни — длинные височные подвески, украшенные серебряными монетами.

²¹¹ Лясы точить — болтать, вести пустые разговоры.

²¹² Чапан — верхняя длинная одежда из сукна наподобие тулупа.

²¹³ Заорить — зарыть.

²¹⁴ Полтинка (уменьшит. форма слова «полтина»; полтинник) — монета, равная 50 копейкам, или 50 копеек денег вообще.

²¹⁵ Осминка (осьминка) — старая русская мера сыпучих тел, равная половине четверти (105 л).

²¹⁶ Саманька — персонаж цикла исторических песен о походе Ивана Грозного на г. Казань, девушка, предложившая взорвать стены города бочками с порохом, на которые были установлены свечи. Песня о Саманьке представлена в печатных и рукописных источниках в четырех вариантах. Упоми-

нается в работах и материалах П. И. Мельникова, В. Ф. Миллера, архиепископа Макария, А. Титова.

²¹⁷ Коя — какая, которая.

²¹⁸ Драгуны — в царской и некоторых иностранных армиях солдаты или офицеры некоторых кавалерийских частей (первоначально предназначенные для конных и пеших военных действий). В России первый драгунский полк был создан в 1631 г. при царе Михаиле Федоровиче.

²¹⁹ В России коляски появились в XVIII в. В эпоху Ивана Грозного их быть не могло, что свидетельствует о более позднем бытовании песни.

²²⁰ Грузинский царевич. Имеется в виду царь Имеретии и Кахетии Арчил II Вахтангович, которому Петр I в 1700 г. подарил Терюшевскую волость.

²²¹ В Песне о взятии Казани, записанной в с. Новое Усолжье Соликамского уезда Пермской губернии, говорится о взятии города с помощью бочек с порохом, на которые были установлены свечи (см.: Песни, собранные П. В. Киреевским. Ч. 2 : Песни былевые, исторические. М., 1864. Вып. 6).

²²² Аналогичный сюжет есть в песне «Взятие Казани», записанной А. В. Марковым в с. Пьяный Бор Елабужского уезда Вятской губернии (см.: Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI — XVII вв. // Сб. Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Пг., 1915. Т. 93).

²²³ Колодезь — колодец.

²²⁴ Сголовьице — подушка.

²²⁵ Вожеватый — обходительный, вежливый, приветливый, занимательный собеседник.

²²⁶ Бумажный — сделанный из хлопчатобумажной материи.

²²⁷ Размахова — растрепанная.

²²⁸ Волынокое море. Имеется в виду Каспийское море.

²²⁹ Убита. Здесь употребляется в значении «заколота».

²³⁰ Яют. Здесь употребляется в значении «развеваются».

²³¹ Рудеца (от «руда» — кровь). Здесь используется в значении «покраснела».

²³² Кафтан — старинная мужская долгополая верхняя одежда.

²³³ Камзол — старинная короткая мужская одежда, обычно без рукавов, впоследствии замененная жилетом.

²³⁴ Перекоряться — обмениваться взаимными упреками, перебраниваться.

²³⁵ Озойно — озорно, нагло, нахально.

²³⁶ Повымать — вынуть. Здесь используется в значении «выловить».

²³⁷ Щуренок — детеныш щуки, маленькая щука.

²³⁸ Журка, журанька — журавль.

²³⁹ Спесливый — надменный, заносчивый.

²⁴⁰ Небасливый — необходимый, несловоохотливый.

²⁴¹ Головицы — шелуха колоколки (семенных головок льна), льняных головок.

²⁴² Полати — настил из досок для спанья, устраиваемый в избе под потолком между печью и противоположной стеной.

²⁴³ Тонкопряжка (тонкопряха) — мастерица прясть на прялке тонкую пряжу.

²⁴⁴ Бердо — гребень, являющийся одной из основных частей ткацкого стана. Служит для прибоа нитей утка к основе.

²⁴⁵ Творило — отверстие, лаз (в яму, погреб и т. д.).

²⁴⁶ Куль — большой рогожный мешок, употребившийся ранее для упаковки и перевозки груза.

²⁴⁷ Сударка — возлюбленная; любовница.

²⁴⁸ Шабольница — праздно шатающаяся, бездельница.

²⁴⁹ Тя — тебя.

²⁵⁰ Жваривать (от «жварить») — сильно бить, колотить.

²⁵¹ Ключник — слуга (в частном, обычно помещищем, доме), в ведении которого находились продовольственные запасы и ключи от мест их хранения.

²⁵² Ташечки — пташечки; выпадение первого звука.

²⁵³ Налой — то же, что аналой — высокий, с покатым верхом столик, на который кладут богослужebные книги, иконы и другие церковные принадлежности. Во время свадебного обряда священник с крестом трижды обводит мужа и жену вокруг аналая, соединив своей рукой их руки и накрыв их епитрахилью.

²⁵⁴ Сызмалешенька (от «сызмала») — с малых лет, с младенчества.

²⁵⁵ Выди — выйди.

²⁵⁶ Пуклева (пуклевая) — изготовленная из буклированной ткани.

²⁵⁷ Слоббда. Здесь используется в значении «свобода».

Содержание

7	<i>Т. И. Янгайкина.</i> В. Н. Белицер — исследователь материальной и духовной культуры финно-угорских народов Поволжья и Приуралья
16	Археографическое предисловие
18	От автора
20	Мордва-терюхане и их культура первой четверти XX в.
36	Обряды
105	Фольклор
156	<i>В. Н. Белицер.</i> Мордва-каратаи и их культура (К вопросу о происхождении)
189	<i>В. Н. Белицер.</i> Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX — первой половине XX в.
221	<i>В. Н. Белицер.</i> Обзор мордовских поселений и построек первой половины XX в. в районах, смежных с Мордовской АССР
268	<i>В. Н. Белицер.</i> Традиционные черты общемордовской культуры в обрядах и фольклоре терюхан
278	Комментарии

Научно-популярное издание

«ЗАБЫТЫЕ» ТЕКСТЫ ПОЛЕВЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ
В. Н. БЕЛИЦЕР

В двух частях

Часть 1

Составители:

Задкова Татьяна Юрьевна,
Янгайкина Татьяна Ивановна

Редактор *О. Б. Гнатовская*

Корректор *Е. С. Панкова*

Макет *Ю. Г. Утукиной*

Подписано в печать 13.03.2023. Формат 60 x 90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 18,5. Тираж 300 экз. Заказ № 73.

ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт
гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

Отпечатано в ООО «Типография „Рузаевский печатник“».
431444 Республика Мордовия, г. Рузаевка, ул.Трынова, д. 67а.
e-mail: ruztipograf@ya.ru